

ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИКИ

РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

М.А. Дерябина

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
И САМООРГАНИЗАЦИЯ

Избранные труды

Под науч. редакцией
С.Г. Кирдиной-Чэндлер и Н.В. Смородинской

Москва
2022

УДК 338.24
ББК 65-050
Д 36

Рецензенты:

Н.А. Макашова, д.э.н., профессор
А.Е. Шаститко, д.э.н., профессор

Д 36 **Дерябина М.А.** Экономическая организация и самоорганизация. Избранные труды / Под науч. ред. С.Г. Кириной-Чэндлер и Н.В. Смородинской. – М.: ИЭ РАН, 2022. – 292 с.

ISBN 978-5-9940-0722-8

Данный мемориальный сборник отражает ключевые идеи творческого наследия Марины Александровны Дерябиной (1938–2021). В нем представлены 14 лучших статей по проблемам экономической организации и самоорганизации, опубликованных автором в 2008–2020 гг. в рецензируемых журналах. Анализ этих работ, обоснование логики сборника и эволюция взглядов М.А. Дерябиной раскрываются в Предисловии редакторов. Сборник содержит три раздела. Первый охватывает теоретические и методологические вопросы анализа организационных изменений, возникающих в экономических системах в постиндустриальную эпоху (государственно-частное партнерство, углубление горизонтальных связей, гибкие формы сетевой координации). Второй раздел посвящен теории и методологии исследования самоорганизации экономических систем; их опору составляют синергетическая концепция и институционально-эволюционный подход. В третьем разделе собраны обстоятельные рецензии на фундаментальные работы сотрудников Института экономики РАН в данной области. Завершают сборник личные воспоминания близких автору коллег.

Сборник предназначен для специалистов, интересующихся проблемами экономической организации и самоорганизации, экономистов-методологов, студентов и аспирантов по специальности «политическая экономия».

Ключевые слова: экономическая организация, управление, самоорганизация, синергетическая парадигма, структура системы, сложные системы, права собственности, мезоэкономика, книжные обзоры.

Классификация JEL: B41, B52, M21, P14, P51, Y30.

Marina A. Deryabina. Economic organization and self-organization. Selected works / Eds. Svetlana G. Kirdina-Chandler and Natalya V. Smorodinskaya. – M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2022. – 292 p.

ISBN 978-5-9940-0722-8

This memorial collection reflects the key ideas of the creative heritage of Marina A. Deryabina (1938–2021). It presents her 14 best articles on the problems of economic organization and self-organization, published in 2008–2020 in peer-reviewed journals. The analysis of these works, rationale for collection's structure, as well as evolution of Marina Deryabina's academic views are provided in the Editors' Foreword. The collection contains three sections. The first section covers the theoretical and methodological issues of analysis of organizational changes arising in economic systems in the post-industrial era (public-private partnerships, deepening of horizontal ties, flexible forms of network coordination). The second section is devoted to the theory and methodology for studying the self-organization of economic systems, with reliance on the synergy concept and the institutional-evolutionary approach. The third section contains detailed reviews by Deryabina of fundamental works of her colleagues from the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences in this area. The collection ends with personal reminiscences of the Institute colleagues closest to the author.

The collection is meant for specialists interested in the issues of economic organization, self-organization, and economic methodology as well as for students and graduate students majoring in political economy.

Keywords: Economic Organization, Self-organization, Synergetic Paradigm, System Structure, Complexity, Property Rights, Management, Mesoeconomics, Book Reviews.

JEL Classification: B41, B52, M21, P14, P51, Y30.

ББК 65-050

© Институт экономики РАН, 2022

© Дерябина М.А., 2022

© В.Е. Валериус, дизайн, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редакторов.....	9
Раздел 1. Организационные изменения в современной экономике: теоретические и методологические аспекты.....	25
1.1. Государственно-частное партнерство: теория и практика.....	26
1.2. Горизонтальные связи и сетевая координация в современной экономике.....	52
1.3. Рыночная координация воспроизводственных взаимодействий.....	74
1.4. Горизонтальные и вертикальные структуры в экономике: эволюция теоретических оснований.....	92
1.5. Иерархические и сетевые социально-экономические структуры с позиций общей теории организации.....	109
1.6. Иерархическая и сетевая организация в условиях новой нормальности.....	122
Раздел 2. Процессы самоорганизации в экономических системах: настройка методологической оптики.....	139
2.1. Самоорганизация: теоретические и методологические основания в оптике синергетической парадигмы.....	140
2.2. Экономика как система: поиск мезоуровня в рамках синергетической парадигмы.....	160
2.3. Методологические основания исследования мезоуровня экономики как сложной системы.....	170
2.4. Теоретические и методологические основания самоорганизации социально-экономических систем.....	184
Раздел 3. Размышления над работами коллег по проблемам экономической организации и самоорганизации.....	213
3.1. Горизонтальная экономика: контуры управления. О книге Б. Мильнера и Т. Орловой «Организация создания инноваций: горизонтальные связи и управление».....	214
3.2. Критика чистого разума: размышления об одной амбициозной экономической теории.....	222

3.3. Анализ основных положений концепции экономической синергетики Л.П. и Р.Н. Евстигнеевых в контексте перехода к гуманитарной цивилизации	234
3.4. К новой организации жизни общества и экономики. О книге Н. В. Смородинской «Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу»	248
Памяти Марины Александровны Дерябиной	
Воспоминания коллег	267
Библиография.....	278
Приложение. Список избранных трудов М.А. Дерябиной	290

Марина Александровна Дерябина

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ

Перед вами, уважаемые читатели, мемориальный сборник избранных трудов Марины Александровны Дерябиной (1938–2021) – старейшего сотрудника Института экономики¹. Мы работали с нею бок о бок много лет, вместе печатались в журналах и монографиях, обсуждали работы друг друга, заинтересованно спорили, дружили. Наши многолетние научные и человеческие связи, близость профессиональных интересов дали нам основание и решимость скомпоновать и представить ее творческое наследие. Мы надеемся, что этот сборник, охватывающий 14 избранных работ автора за 2008–2020-е годы, продлит память о научной деятельности Марины Александровны и, пусть с опозданием, но реализует ее мечту об издании собственной авторской книги².

В нулевые годы и в начале десятых М.А. Дерябина считалась одним из ведущих отечественных специалистов в области рыночной трансформации российской экономики, особенно по вопросам государственно-частного партнерства, реформирования естественных монополий и общей институциональной реорганизации реального сектора. Согласно индексу

-
1. В 1961 г., сразу по окончании МГУ им. Ломоносова, М.А. Дерябина стала сотрудником Института экономики мировой социалистической системы АН СССР, под руководством академика О.Т. Богомолова. В 2005 г. вместе со всем коллективом этого Института она переместилась в Институт экономики РАН, который тогда возглавлял академик Л.И. Абалкин. В последние годы она работала в Институте экономики главным научным сотрудником – практически единственный кандидат экономических наук, занимавший здесь докторскую должность.
 2. Перечень включенных в сборник работ автора см. в Приложении.

цитирования РИНЦ и другим библиографическим базам данных, ее работы по этим темам, и прежде всего статьи того времени в журнале «Вопросы экономики» (2006, №1; 2008, №8; 2012, №11), до сих пор остаются востребованными и актуальными. Аналогичным образом не теряют привлекательности авторские разделы Марины Александровны в коллективных монографиях того периода и в двух фундаментальных учебниках широкой проблематики («Экономика». М., 2003; «Управление знаниями в инновационной экономике». М., 2009). В нашем понимании, постоянный интерес современной аудитории к работам Дерябиной на разных этапах ее творческого пути (включая прежние десятилетия) во многом объясняется тем, что она постоянно держала в фокусе внимания наиболее актуальные экономические явления и передовые научные идеи, сочетая эту новизну с опорой на лучшие традиции российской академической культуры и важные достижения своих институтских коллег.

Методологический подход Марины Александровны отличается рядом выигранных сторон. В частности, мы относим к ним попытки осмысления макроэкономических проблем сквозь призму микроэкономики, где непосредственно оперируют фирмы, — в последние годы такой угол зрения разделяется многими макроэкономистами в мире. Кроме того, она, по сути, вела исследования на стыке экономической теории (как традиционной неоклассики, так, позднее, и институционально-эволюционной теории) с теорией организации и управления (*organization theory*), относящейся к разделу современного менеджмента. Здесь она прежде всего отталкивалась от вдохновляющих (и пионерных в доперестроечные времена) идей профессора Бориса Захаровича Мильнера, наиболее известного российского специалиста в сфере проблем управления и одного из научных лидеров института в 1980–2000-е годы.

Особое место в методологической лаборатории Дерябиной занимает ее широкая адресация к концепции экономической синергетики. Известны ее многолетние усилия по

привлечению внимания российского научного сообщества к этой концепции, в том числе к ее оригинальной отечественной версии, получившей развитие в совместных трудах Людмилы Петровны и Рубена Николаевича Евстигнеевых³. Действительно, концепция синергетики, относящаяся к гетеродоксальной парадигме, привнесла в экономический анализ новые возможности системного подхода и открыла новые горизонты для исследования современной сложной экономики.

Как мы видим, Марина Александровна не замыкалась на традиционной экономической теории (economics), а работала в более широком ключе. По многим постановкам ее труды опираются на лучшие исторические традиции отечественного обществоведения, уходящие корнями в выдающиеся работы российских ученых 1920–1930-х годов, начиная со «всеобщей организационной науки» А.А. Богданова. В современной мировой науке эти традиции коннотируют как с междисциплинарной теорией систем, так и с многослойной природой политэкономии, где экономический анализ содержит выраженную компоненту социально-экономической политики государства — исследование его роли в распределении ресурсов и общественных благ.

Если оценивать экономическую идеологию Дерябиной в рамках дихотомии «государство—рынок», то при всем внимании к ключевому значению бизнеса в экономическом развитии она не была сторонницей западной либеральной идеи и в этом смысле тяготела скорее к разряду государственников, чем рыночников. Вместе с тем, в ее работах разных лет (будь то статья 2008 г. о государственно-частном партнерстве, или публикация 2014 г. о сетевых механизмах координации, или работа 2019 г. о взаимодействии вертикальных и горизонтальных структур) просматривается постоянный поиск баланса между экономической властью государства и силами рынка. С этой точки зрения мы не можем не признать (и остальные

3. С 1980-х годов и до 2013 г. Дерябина работала в коллективе под руководством Р.Н. Евстигнеева.

избранные труды целиком это подтверждают), что независимо от конкретных сюжетов главным философским принципом и методологическим ракурсом в творчестве Дерябиной оставался поиск структурной целостности экономики как системы — то, что эволюционные экономисты назвали бы холистическим подходом. В свое время аналогичным анализом «структурной целостности экономики как самостоятельного феномена, с признанием ее внутренней неоднородности, разнообразия и неравномерности происходящих в ней процессов», успешно занимались видные советские экономисты 1970–1980-х годов, что нередко расценивается как их оригинальный вклад в копилку мировой экономической мысли того времени⁴.

Эта широта методологических оснований позволила Марине Александровне углубиться в дальнейшем в русло междисциплинарного анализа — как внутри самой экономической науки (неоклассическая и гетеродоксальная парадигмы), так и в плоскости ее связи с общей теорией организации систем, и даже основами философии. Наиболее яркой иллюстрацией системного (и ныне крайне востребованного) авторского взгляда на наблюдаемые изменения в экономической жизни служит представленная в сборнике статья «Теоретические и методологические основания самоорганизации социально-экономических систем» («Вопросы экономики», 2019, №7). В ней обнаруживается явное логическое и лексическое сближение автора с достижениями науки о системах (systems science), без которой современному экономисту трудно осмыслить происходящие объективные сдвиги в устройстве экономических систем любого уровня (фирм, отраслевых рынков, национальных экономик и глобального хозяйства), привносимые развитием сетевой среды.

Заметим, что ускорение сетевых процессов под влиянием прогресса в цифровых технологиях хотя и генерирует

4. Клепач А.Н. Доклад на научной конференции РАН «Эволюция академической экономической науки в России». Москва, 1 декабря 2021 г. <https://scientificrussia.ru>.

массу новых научных понятий, пока не находит адекватных концептуальных толкований в экономическом мейнстриме. Это побуждает экономистов все шире выходить за пределы неоклассики — как в область соседних социальных наук (социология, политология, философия), так и в плоскость гетеродоксального экономического анализа, получившего с начала 2000-х годов растущее распространение и в мире, и в России. Дерябина относится к тому кругу ученых Института экономики РАН, которые сделали в этом направлении заметные шаги.

В частности, в последние семь лет Марина Александровна работала в Центре эволюционной экономики, под руководством академика Владимира Ивановича Маевского (с 2020 г. — Центр институционально-эволюционной экономики и прикладных проблем воспроизводства). В эти годы она все глубже погружалась в изучение методологических оснований, связанных с различными разделами гетеродоксальной экономической мысли. Сохраняя в качестве главной оптику синергетической парадигмы, она дополнила ее институционально-эволюционным подходом, мезоэкономическим анализом и идеями развития сложных современных систем.

В конечном итоге, научные изыскания Дерябиной сконцентрировались вокруг крупной и емкой темы, описывающей с той или иной стороны основы организации и самоорганизации экономических систем в XXI в. Поэтому при составлении данного издания мы отобрали те лучшие журнальные публикации автора, которые в совокупности раскрывают эту тему и относятся преимущественно к последнему десятилетию. Это определило название и содержание сборника.

Презентуя наиболее современную часть творческого наследия Дерябиной, мы расположили ее избранные труды в той последовательности, которая очерчивает предметный круг и развитие авторских размышлений сначала в области организации, а затем и самоорганизации социально-экономических систем. Хотя внутренняя логика журнальных ста-

тей не позволяет строго разграничить эти две тематики, мы приложили максимум усилий для выстраивания логичной и непротиворечивой структуры сборника.

Научная часть сборника включает три взаимосвязанных раздела.

Первый раздел посвящен организационным изменениям в современной экономике и оценке существующих теоретических и методологических подходов, которые могут быть использованы для их анализа. Он объединяет шесть статей, описывающих объективные сдвиги в экономической организации, которые предопределяются переходом систем к постиндустриальной логике развития и сопровождающим этот переход развертыванием сетевых процессов.

Раздел открывается тематически предваряющей и самой цитируемой работой автора 2008 г. о государственно-частном партнерстве (ГЧП) – феномене, который можно отнести к начальной, зародившейся еще в индустриальную эпоху, модели горизонтальных взаимодействий между государством и бизнесом, удобной для совместной реализации инфраструктурных и иных общественно значимых проектов. Рассматривая ГЧП как антипод традиционным, административным отношениям и как перспективную для России форму организации экономической деятельности, автор подчеркивает, что для лучшей реализации государством своей роли поставщика общественных благ оно должно в значительной мере опираться на сильные стороны рынков. Статья описывает различные модели ГЧП, существующие в мировой практике, и анализирует характерные для них проблемы распределения прав собственности между государством и бизнесом. Дерябина подробно останавливается на значительном обновлении прежних функциональных задач государства, и в частности на его новой задаче по эффективному содействию партнерским проектам ГЧП.

Вторая статья (2014 г.) уже непосредственно посвящена теоретическому осмыслению процессов развития горизон-

тальных связей в постиндустриальной экономике — их стремительному оформлению в разветвленные сетевые отношения, пронизывающие всю экономическую систему целиком. Автор справедливо утверждает, что два прежних способа координации связей — через иерархический механизм административных команд (как в классической фирме) и ценовой механизм рыночного обмена — интенсивно дополняются с 2000-х годов сетевым способом координации, именуемым в неинституциональной литературе «отношенческим». Это предопределяет наблюдаемый переход систем от жесткой административной модели управления к гибкой сетевой, что меняет организационные основы современной экономики. В этой связи Дерябина описывает три формы спонтанной самоорганизации систем, которые более подробно раскрываются в работах второго раздела сборника. Важнейший вывод статьи заключается в неизбежности модификации экономической методологии, поскольку неоклассика и неинституционализм недостаточны для обсуждения сетевых форм организации экономической активности.

Третья статья (2016 г.) сконцентрирована на современной теории организации промышленности, или теории организации рынков с учетом их институциональной структуры — соотношения сил конкуренции и монополии (в отличие от неоклассического принципа совершенной конкуренции)⁵. Отталкиваясь от соответствующих идей нобелевского лауреата Жана Тироля, автор обозначает не только характерную для России проблему образования рыночных монополий, но и задачу поиска оптимального соотношения между рыночной властью (т. е. властью фирм-монополистов) и властью государства. Далее статья обсуждает существующие формы коорди-

5. Теория отраслевых рынков (*industrial organization*), т. е. организации производства с учетом характера взаимодействий субъектов, часто фигурирует в русскоязычной литературе как «теория организации промышленности», что нередко направляет российских авторов в русло рассуждений исключительно о промышленности, причем в контексте не столько ее институциональной, сколько отраслевой и территориальной структуры (*прим. ред.*). Однако это не относится к М.А. Дерябиной, разбирающей данное расхождение в более поздней статье 2019 г.

нации связей с позиций различных теоретических парадигм (классика и неоклассика, институционализм и неоинституционализм) и описывает адекватные им формы экономической организации по Оливеру Уильямсону (от иерархии до дискретных рыночных обменов и гибридных форм), сосредотачиваясь в конечном счете на сетевых структурах инновационной экономики. Дерябина заключает, что возникающие теории экономической организации не имеют конечного рубежа, а сама она существует на практике в широком многообразии форм, где нет доминирования одной формы над другой. Эту привлекательную мысль, видимо, все же следует дополнить признанием того, что каждый новый этап технологического прогресса рождает свои определяющие формы организации производства (о чем автор сама пишет в следующей статье).

Четвертая работа, анализирующая горизонтальные и вертикальные структуры в экономике (2019 г.), логически развивает предыдущую и представляется нам особенно интересной. В ней рассмотрены множество сюжетов – взаимная обусловленность организационных и технологических трансформацией (через изменение структуры затрат фирм), методологическая связь сетевых структур с идеей динамических транзакционных издержек, роль организационно специфических ресурсов агентов микроуровня (т. е. накопленных фирмами знаний, опыта, социального капитала и др.) в поддержании экономического роста на макроуровне, а также растущее значение коллективных отношений и ценностей. Один из ключевых (но не до конца раскрытых) тезисов автора заключается в сохранении значимости иерархий по мере углубления системы разделения труда. В этой статье Дерябина выходит на эволюционную концепцию мезоэкономики, подчеркивая, что в отличие от неоклассики и неоинституционализма данная концепция вносит динамизм в методологические основания развития. Подробнее мезоуровень экономики рассматривается во втором разделе сборника в контексте самоорганизации систем.

Две завершающие работы первого раздела (обе 2020 г.) посвящены сопоставлению роли иерархических (вертикальных) и сетевых (горизонтальных) связей в обеспечении структурной устойчивости экономики как целостной системы. Первая работа, погруженная в контекст общей теории организации, доказывает, что динамическая устойчивость системы поддерживается тем или иным оптимальным соотношением как между вертикальными и горизонтальными связями рыночных агентов в сфере производственно-хозяйственных отношений, так и между иерархическими и сетевыми связями в сфере управленческих взаимодействий. Здесь автор широко опирается на положения тектологии – известной и намного опередившей свое время «всеобщей организационной науки» А.А. Богданова⁶. Во второй работе автор анализирует соотношение роли иерархических и сетевых структур применительно к ситуации «новой нормальности» в мировой и российской экономике, понимая под этой ситуацией наблюдаемое после глобального кризиса 2007–2009 гг., и особенно после коронакризиса 2020 г., резкое возрастание турбулентности – снижение предсказуемости, рост неопределенности и вытекающую отсюда волатильность поведения субъектов рынка. Подчеркивая новую значимость взаимодействия иерархий и сетей в условиях новой нормальности, Дерябина обосновывает неадекватность неоклассической парадигмы для исследования этих условий и обозначает более перспективную методологическую альтернативу, вытекающую из гетеродоксальной парадигмы, и в частности из набирающей популярность концепции мезоэкономики.

6. В трехтомном труде «Тектология» (1910–1920-е годы), предвосхитившем кибернетику Винера и общую теорию систем Бергаланфи, А.А. Богданов предложил объяснять процессы развития природы и общества на основе принципа динамического («подвижного») равновесия, заимствованного из естествознания. Все развивающиеся объекты природы и общества являются, по Богданову, целостными системами, состоящими из множества элементов, а их равновесное состояние достигается не в определенной точке, а в ходе постоянного взаимодействия системы с окружающей средой на принципах самоадаптации и трансформации (*прим. ред.*).

Второй раздел сосредоточен на процессах самоорганизации экономических систем и настраивании гетеродоксальной методологической оптики для их изучения. Он объединяет четыре работы, более углубленно развивающие положения первого раздела. В них автор подробно разбирает ранее выбранные подходы (институционально-эволюционную теорию и концепцию синергетики), углубляет их теоретические рамки, детализирует и дошлифовывает их до конкретных аналитических инструментов, готовых к использованию коллегами-экономистами.

Раздел начинается со статьи (2018 г.), описывающей феномен экономической самоорганизации на базе тех теоретических и методологических оснований, которые вытекают из синергетической концепции. Автор исследует самоорганизацию как самостоятельную научную категорию и органичный атрибут мира сложности, подчеркивая, что использование понятия сложной самоорганизующейся системы стало своего рода исходным пунктом в современном научном дискурсе о развитии экономики и общества. Дерябина трактует процесс самоорганизации в социально-экономических системах как форму их возникновения, существования и эволюции, что полностью соответствует, заметим, не только синергетической концепции, но и более широкой концепции сложных адаптивных систем⁷. Наиболее ценным методологическим вкладом автора в идею самоорганизации нам видится структуризация этого процесса – выявление и описание особенностей его протекания как на трех уровнях связей (макро-, мезо- и микроскопический уровни, в терминах Хакена), так и в трех различных формах (пространственная, временная и функциональная формы).

7. Концепция сложных адаптивных систем (complex adaptive systems), вобравшая в себя широкий круг междисциплинарных научных достижений в области изучения поведения нелинейных динамических структур (теория синергетики, теория хаоса, теория катастроф, концепция диссипативных структур Пригожина и др.), развивается сегодня в формате международных исследовательских проектов, инициируемых американским Santa Fe Institute (*прим. ред.*).

Две следующие статьи раздела, опубликованные в том же 2018 г., сосредоточены на более подробном анализе мезоуровня современной экономики, помещая этот анализ в контекст синергетической концепции как подраздела эволюционной парадигмы. Автор поясняет различие в восприятии экономических систем синергетической концепцией и большинством разделов мейнстрима. Если мейнстрим понимает системы как иерархии, выделяя в них микроуровень (где действует множество индивидуальных субъектов рыночных отношений) и макроуровень (как структурно единый уровень всей экономики в целом), то мезоуровень предстает в этой иерархии как среднее звено — уровень горизонтальных межотраслевых и межрегиональных связей субъектов. На этом фоне синергетика, воспринимающая экономику как сложную саморазвивающуюся систему, а ее динамику — как повышение степени ее упорядоченности, трактует мезоуровень как параметры меняющегося порядка. Дерябина предлагает оригинальную трактовку мезоуровня как сферы взаимодействий экономических субъектов, где собственно и зарождаются механизмы самоорганизации. Опираясь на идеи Германа Хакена, она анализирует процесс формирования различных мезоуровневых структур, определяющих пути эволюции экономических систем, а также выявляет роль мезоуровня в создании источников роста.

В финале второй части сборника мы поместили статью Дерябиной из журнала «Вопросы экономики» (2019 г.), о которой говорили в начале Предисловия как о показательном примере системного взгляда на явления экономической жизни. Обобщая теоретические и методологические основания самоорганизации, эта работа подводит своеобразный итог размышлениям автора над затронутыми выше вопросами возникновения, устройства и развития сложных социально-экономических систем. Не случайно она все более активно цитируется и является самой популярной из авторских публикаций последних лет жизни. Четкая логика, завершенность формулировок, методологическая точность и фундаменталь-

ная проработка релевантной научной литературы делают эту работу образцом теоретико-методологического исследования. Дерябина посвятила статью памяти Р.Н. Евстигнеева, своего коллеги и друга, много лет вдохновлявшего ее на научные поиски. Красивая статья и прекрасный подарок ушедшему другу!

Третий раздел аккумулирует важнейшую часть научного наследия М.А. Дерябиной — опубликованные результаты ее размышлений над близкими по тематике трудами российских ученых-экономистов. Мы включили сюда четыре рецензии автора на несколько фундаментальных работ, подготовленных в разные годы ее коллегами по Институту экономики (три рецензии опубликованы в виде статей в журнале «Вопросы экономики», четвертая — как глава в коллективной монографии). Все они с той или иной стороны затрагивают проблематику сборника и содержательно дополняют его предыдущие части. Одновременно они отражают особое отношение Дерябиной к профессиональным достижениям своих собратьев по перу. По признанию академика В.И. Маевского, Марина Александровна так умела вчитываться в тексты других авторов, «как будто размышляла вместе с ними и погружалась внутрь». Научная полемика Дерябиной с авторами рецензируемых работ позволяет читателю не только ознакомиться с этими работами под новым углом зрения, но и глубже представить ее собственные профессиональные убеждения как экономиста.

Раздел открывается рецензией 2013 г. на *монографию Бориса Захаровича Мильнера и Тамары Михайловны Орловой «Организация создания инноваций: горизонтальные связи и управление»* (М.: ИНФРА-М, 2013). Анализируя эту книгу, Дерябина заостряет внимание на описанных в ней преимуществах горизонтальных методов управления и сетевой формы организации связей для перехода рыночной экономики к инновационному развитию, включая рассмотрение столь необходимых для создания инноваций сетевых структур, как кластеры и стратегические альянсы. Она подчерки-

вает, что впервые в российской научной литературе появилась книга, позволяющая начать анализ пока еще не всем понятных реалий, приносимых ходом социально-экономического прогресса. Как видно из работ предыдущих разделов сборника, позже Дерябина оттолкнется от этих подходов и разовьет их дальше в собственных статьях.

Вторая статья-рецензия (2015 г.) имеет выразительное название «*Критика чистого разума: размышления об одной амбициозной экономической теории*». Автор обстоятельно разбирает здесь концепцию экономической социодинамики (КЭС) и связанную с ней теорию опекаемых благ — результат многолетнего труда известных российских ученых-экономистов Руслана Семеновича Гринберга (ныне научного руководителя Института экономики) и Александра Яковлевича Рубинштейна. В этой концепции, сложившейся на базе публикаций авторов 2000, 2008 и 2013 г., Дерябину привлекает понятие нормативного интереса общества и превращение государства в рыночного игрока, способного в данном качестве стать адекватным выразителем такого интереса. Проще говоря, КЭС учитывает корректировку неоклассики институциональной теорией (постановка интересов индивидов в зависимость от институтов вместо методологического индивидуализма) и далее оптимизирует подходы самих институционалистов. Дальнейшие исследования Дерябиной показывают, как, оттолкнувшись от идеи КЭС (государство как рыночный игрок), можно сместить теоретическую рамку в сторону институционально-эволюционного подхода и связать представления о государстве с ролью сетевого партнера, участвующего в самоорганизации экономических систем. Действительно, восприятие государства в роли равноправного партнера с другими ключевыми институциональными игроками (бизнесом, наукой, негосударственными организациями и др.) отвечает его современной задаче по поддержанию динамической устойчивости экономики в условиях неопределенности («новой нормальности», как формулирует Дерябина), что находит подтверждение в различных концеп-

тах неортодоксального толка (теория сложности, концепция тройной спирали, концепция коллаборативного управления и др.).

Следующая рецензия (2017 г.) касается *основных положений концепции экономической синергетики А.П. и Р.Н. Евстигнеевых*. Впечатляющий, детальный анализ Дерябиной исследовательского метода этих авторов демонстрирует мощное влияние их трудов на ее собственную исследовательскую позицию, на системное восприятие ею экономики и общества. Эта рецензия не только погружает нас в основы оригинальной отечественной версии экономической синергетики, но и описывает личностные качества Евстигнеевых, позволившие им, по мысли Дерябиной, привнести в современную российскую науку передовую экономическую философию. Выделив в качестве исходного объекта экономического анализа категорию рынка в ее специфическом понимании — как все более сложного процесса согласования интересов экономических субъектов, Евстигнеевы выстроили нелинейную динамическую конструкцию экономики, призванную показать, что ее развитие определяется процессом постоянного усложнения всех видов социальных взаимодействий. В этом смысле они приблизились, на наш взгляд, к мировым теоретикам сложных систем, утверждающим, что использование преимуществ фактора сложности служит драйвером экономического роста. Нет сомнений, что Дерябина находилась под сильным обаянием синергетической концепции Евстигнеевых. Тем не менее, в своих работах она сумела успешно объединить ее положения с достижениями институционально-эволюционного подхода и в итоге адаптировать этот методологический синтез к практическим задачам экономической политики.

Раздел завершается последней прижизненной рецензией автора (2017 г.), *анализирующей монографию Натальи Вадимовны Смородиной «Глобализованная экономика: от иерархий к сетевому укладу»* (М.: Институт экономики РАН, 2015). Дерябиной импонирует исследовательская задача книги — «вычленив тенденции будущего из неопреде-

ленностей настоящего», раскрывая эти тренды и на теоретическом уровне, и на основании мировой практики, и в плоскости необходимого обновления странами экономической и промышленной политики. Ей близка представленная здесь логика движения систем к экономике знаний, увязывающая инновационное развитие с миром сетей – как с точки зрения сетевых форм организации экономической активности (от локальных кластеров до глобальных цепочек), так и по линии образования горизонтально-сетевой институциональной среды. Дерябина относит к одному из главных сюжетов книги анализ феномена коллаборации (интерактивного механизма кооперации и согласований между сетевыми партнерами, способного составить в будущем альтернативу иерархическому управлению), особенно – характерной для инновационных кластеров модели «тройной спирали» (коллаборация государства, бизнеса и науки), создающей синергетические эффекты для самоорганизации и саморазвития «прямо по Г. Хакену». Воздавая должное автору, Дерябина отмечает, что это одна из немногих книг «в нашей экономической науке, так последовательно и убежденно устремленная в будущее». Одновременно она сетует на явную проблематичность интеграции России в рассмотренные мировые тренды и указывает на переоценку автором как перспектив «отмирания» иерархических структур, так и скорости распространения сетевого уклада.

Мы завершаем мемориальное издание краткой рубрикой личных воспоминаний о Марине Александровне, предоставляя слово ее наиболее близким коллегам. На этих страничках она снова с нами рядом – талантливый ученый, высокоорганизованная личность и очень отзывчивый человек, готовый открыть свое сердце тем, кто оказался в трудных ситуациях. Она была поразительно предана науке – мы знаем, что до последней минуты своей жизни она трудилась за своим рабочим столом на девятом этаже институтского здания. Нам не хватает ее доброго совета и оптимистичного реализма, но на полках в институтских кабинетах, в базах наших компью-

теров и на сайте ELIBRARY хранятся разнообразные свидетельства ее творческого пути. Надеемся, данный сборник достойно пополнит эту коллекцию. Ну а научное заключение к нему напишет сама история.

Мы благодарим дирекцию Института экономики РАН за одобрение этого мемориального издания и Научный совет направления «Экономическая политика» за обсуждение рукописи.

Мы признательны за предоставленные воспоминания нашим коллегам – директору Института экономики член-корр. РАН Михаилу Юрьевичу Головнину, руководителю научного направления «Экономическая политика» д.э.н. Елене Борисовне Ленчук, главному редактору журнала «Вестник Института экономики РАН» д.э.н. Светлане Вячеславовне Козловой, ведущему научному сотруднику к.э.н. Леониду Ивановичу Цедилину, старшему научному сотруднику Наталье Михайловне Плискевич.

Мы также выражаем признательность нашим коллегам за помощь в подготовке рукописи к изданию – старшему научному сотруднику Михаилу Юрьевичу Иванову и научному сотруднику Даниилу Дмитриевичу Катухову.

И, разумеется, мы благодарим двух внешних рецензентов за согласие рассмотреть и оценить наши усилия.

*Главный научный сотрудник, д.с.н., к.э.н.
С.Г. Кирдина-Чэндлер*

*Ведущий научный сотрудник, к.э.н.
Н.В. Смородинская*

10 июня 2022 года

Раздел 1

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ
ИЗМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ
ЭКОНОМИКЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ

1.1. Государственно-частное партнерство: теория и практика⁸

В экономике ряда развитых, а в последние десятилетия и развивающихся, стран возникла особая форма взаимодействия бизнеса и власти. Речь идет о партнерстве государства и частного сектора, обозначаемого обычно термином Public-Private Partnership (PPP). В российской литературе принят термин «государственно-частное партнерство» (ГЧП). ГЧП представляет собой институциональный и организационный альянс государственной власти и частного бизнеса с целью реализации общественно значимых проектов в широком спектре сфер деятельности – от развития стратегически важных отраслей экономики до предоставления общественных услуг в масштабах всей страны или отдельных территорий. Бурное развитие многообразных форм ГЧП во всех регионах мира, их широкое распространение в самых разных отраслях экономики позволяют трактовать эту форму взаимодействия государства и бизнеса как характерную черту современной смешанной экономики (Частно-государственное партнерство..., 2006. С. 14).

Развивающееся партнерство, в отличие от традиционных административных отношений, создает свои базовые модели

8. Дерябина М.А. Государственно-частное партнерство: теория и практика // Вопросы экономики. 2008. №8. С. 61–77.

финансирования, отношений собственности и методов управления. При этом принципиально важен комплекс вопросов, связанных с *перераспределением правомочий собственности*, неизбежно возникающим в процессе перерастания преимущественно административно-властных отношений между государством и бизнесом в отношения партнерства, закрепляемые соответствующими соглашениями сторон. Более того, некоторые устоявшиеся формы партнерства, например концессии, нередко расцениваются как своего рода косвенная приватизация или же ее полноценная альтернатива, т. е. трактуются как вторжение в систему отношений собственности. В строгом смысле партнерства действительно институционально преобразуют сферы деятельности, традиционно относящиеся к ведению государства, но не выводят их полностью за его пределы.

Соответственно разделение правомочий собственности между государственным и частным секторами экономики в рамках партнерства обычно касается не всего комплекса правомочий, на которые распадается в хозяйственном обороте суверенное право титульного собственника, а лишь некоторых из них. Речь идет о таких ключевых правомочиях, как право контроля над использованием активов, право на доход, право на управление, а также право на изменение капитальной стоимости объектов соглашений и право на переуступку тех или иных собственнических правомочий другим лицам.

Масштабный опыт перераспределения правомочий собственности между государством и частным бизнесом имеется в так называемых секторах общественных услуг (в частности, в инфраструктурных отраслях). Именно там исторически сложились традиции делегирования государством ряда ключевых правомочий частному сектору. Государство несет ответственность перед обществом за бесперебойное обеспечение публичными благами (*public goods*), чем и объясняется тенденция к сохранению ряда отраслей и производств в государственной собственности. В то же время частному предпринимательству присущи мобильность, высокая эффек-

тивность использования ресурсов, склонность к инновациям. Задействовать преимущества обеих видов собственности без глубоких социальных перемен и потрясений можно в рамках государственно-частного партнерства. Накопленный к настоящему времени арсенал форм и методов ГЧП позволяет при сохранении важнейших национальных объектов в государственной собственности передавать часть правомочий собственника частному сектору. Имеются в виду прежде всего такие функции, как сооружение, эксплуатация и содержание объектов производственной и социальной инфраструктуры, а также управление ими. Таким образом, в традиционно государственную сферу экономики привносятся своего рода частные товары и услуги (*private goods*), что создает условия для эффективного функционирования указанных объектов, оптимального управления ими, рационального использования ресурсов.

В течение многих десятилетий продолжают теоретические дискуссии по проблемам гносеологических корней и сущностной природы общественных интересов и предпочтений, общественных благ и их соотносительности с рыночной средой⁹. В неоклассической экономической теории обсуждается возможность перехода от абсолютного доминирования индивидуализма к включению в господствующую парадигму категории общественных интересов и благ, природа и генезис которых и являются главным предметом дискуссий (*Рубинштейн, 2006*). При этом соблюдение неолиберальных принципов требует сохранить постулат о разумном ограничении вмешательства государства в экономику; более того, отождествление государства и общественного интереса теоретически допустимо в ограниченных пределах.

Для целей нашего анализа важно, что государство рассматривается как своего рода агентство по производству общественных (публичных) благ, которое не может бази-

9. См. обстоятельный анализ теоретических подходов к категории публичных благ и общественных интересов в монографии (*Рубинштейн, 2008*).

роваться только на рыночных принципах. Часть этих благ оно может производить самостоятельно, а часть — путем привлечения ресурсов и возможностей частного сектора. Методологическая сложность заключается в характере самих публичных благ, причем оценки природы их полезности весьма неоднозначны¹⁰.

Мучительный «парадокс публичных благ» удается разрешить и существенно упростить задачу, если ввести в анализ хорошо известное юристам емкое понятие *суверенности*, когда в качестве суверена рассматривается именно государство. Присущее государству свойство суверенности означает, что оно выступает как единый и единственный субъект и публично-правовых (носитель власти), и гражданско-правовых (участник хозяйственного оборота) отношений.

Государство при всех условиях остается субъектом публично-правовых отношений. Это обстоятельство оказывается ключевым и для гражданско-правовых отношений, в которые государство как суверен не может вступать в качестве рядового субъекта гражданского права. Именно поэтому нельзя ставить вопрос об изначальной равноправии государственного и частного партнеров в проектах ГЧП. Такое равноправие наступает только тогда, когда на основе суверенных прав государства в соглашении о ГЧП определены условия и особенности реализации гражданско-правовых отношений. Иными словами, государство как суверен становится особым субъектом гражданского права. Это выражается, во-первых, в том, что государство само определяет правовые рамки, которыми должны руководствоваться все остальные субъекты гражданско-правовых отношений; во-вторых, оно сохраняет властные функции, даже вступив на началах равенства сторон в указанные отношения, так как может принимать административные акты, это равенство игнорирующие. Предполагается, что государство участвует в гражданском

10. Наиболее отчетливо противоречивость природы общественных благ отражена в выдвинутой в работах А. Я. Рубинштейна концепции «парадокса публичных благ» (см. упомянутую монографию (Рубинштейн, 2008) и статью (Рубинштейн, 2007).

обороте не в своих специфических интересах, а в целях наиболее эффективного отправления публичной власти.

В соответствии с этим проекты ГЧП представляют собой не простое сложение ресурсов, а совершенно особую конфигурацию интересов и соответствующих правомочий партнеров. Во-первых, государство как одна из сторон партнерства выступает в роли носителя общественно значимых интересов и целей, причем исполняет не только целеполагающую, но и контрольную функции. Во-вторых, выступая в роли участника хозяйственного оборота, оно заинтересовано как в эффективности общих результатов проекта ГЧП, так и в обеспечении собственного коммерческого эффекта. Наконец, частный партнер, как всякий нормальный предприниматель, преследует цель максимизации прибыли. Поэтому в сегменте коммерческих (в отличие от сегмента реализуемых государством общественных) интересов между партнерами вполне уместен, и даже необходим, торг о возможном разделе возникающих рисков, о характере делегируемых правомочий и условиях их передачи и использования.

Для России эти аспекты ГЧП особенно важны, потому что в нашей правовой системе отсутствует корректное разделение на публичноправовые и гражданско-правовые отношения, что уже сказывается на реализации и мегапроектов, и ФЦП, и конкретных инвестиционных проектов. Аморфность отношений отпугивает потенциальных крупных инвесторов. Поэтому уже в текущем году предполагается сделать первые шаги по введению в российское право категории публичных лиц и публично-правовых отношений.

ГЧП и отношения собственности

Как свидетельствует мировой опыт ГЧП, мера конкретного участия государства и частного бизнеса и условия их сочетания могут существенно различаться. Так, частный компонент в партнерствах может выступать в качестве одной из сторон контракта (чаще всего это контракты на поставку товаров и услуг для государственных нужд, на предостав-

ление технической помощи, на управление), когда права собственности жестко разделены. К партнерствам с разделенными правами собственности относят также соглашения о разделе продукции и лизинговые (арендные) соглашения (Варнавский, 2005а. С. 28, 36). В случае концессионных соглашений всех типов речь уже идет о частичной передаче некоторых правомочий собственности от государственного партнера частному (обычно правомочий пользования, владения и управления). Наконец, акционерное или долевое участие частного капитала в государственном предприятии (совместное предприятие) предполагает более высокий уровень интеграции капитала при реализации партнерских отношений.

Для лучшего понимания форм и методов государственно-частного партнерства важно, во-первых, определить, в чем заключается специфика именно ГЧП в рамках всей системы отношений бизнеса и власти; во-вторых, оценить, как в процессе передачи тех или иных правомочий от государства частному бизнесу изменяется в целом система отношений собственности, прежде всего с точки зрения установления границ между партнерством и приватизацией.

Модели и структура ГЧП разнообразны, но при этом существуют некоторые характерные черты, позволяющие выделить партнерство в самостоятельную экономическую категорию. Оно возникает как *формализованная кооперация государственных и частных структур, специально создаваемая для достижения тех или иных целей и опирающаяся на соответствующие договоренности сторон*. Исходя из опыта стран с развитой рыночной экономикой, можно назвать следующие черты ГЧП, отличающие его проекты от других форм отношений государства и частного бизнеса:

- определенные, часто длительные сроки действия соглашений о партнерстве (от 10–15 до 20 и более лет, в случае концессий — до 50 лет). Проекты обычно создаются под конкретный объект (порт, дорога, объект социальной инфраструктуры), который должен быть завершен к установленному сроку;

- специфические формы финансирования проектов: за счет частных инвестиций, дополненных государственными финансовыми ресурсами, или же совместное инвестирование нескольких участников;
- обязательное наличие конкурентной среды, когда за каждый контракт или концессию происходит борьба между несколькими потенциальными участниками;
- специфические формы распределения ответственности между партнерами: государство устанавливает цели проекта с позиций общественных интересов и определяет стоимостные и качественные параметры, осуществляет мониторинг реализации проектов, а частный партнер берет на себя оперативную деятельность на разных стадиях проекта – разработка, финансирование, строительство и эксплуатация, управление, практическая реализация услуг потребителям;
- разделение рисков между участниками соглашения на основе соответствующих договоренностей сторон (Государство и бизнес..., 2006. С. 40).

Очевидно, обе стороны партнерства заинтересованы в успешном осуществлении проектов в целом. Проекты ГЧП облегчают выход на мировые рынки капиталов, стимулируют привлечение иностранных инвестиций в реальный сектор экономики. Особое значение ГЧП имеет для экономики регионов, где на его основе развиваются местные рынки капитала, товаров и услуг.

Каждый партнер вносит свой вклад в общий проект. Так, бизнес обеспечивает финансовые ресурсы, профессиональный опыт, эффективное управление, гибкость и оперативность в принятии решений, способность к новаторству. При этом обычно внедряются более эффективные методы работы, совершенствуются техника и технологии, возникают новые формы организации производства, создаются новые предприятия, в том числе с иностранным капиталом, налаживаются эффективные кооперационные связи с поставщиками и подрядчиками. На рынке труда, как правило, повышается

спрос на высококвалифицированных и хорошо оплачиваемых работников.

Со своей стороны, государство обеспечивает правомочия собственника, возможность предоставления налоговых и иных льгот, гарантий, а также материальных и финансовых ресурсов. В ГЧП оно получает возможность заняться исполнением своих основных функций – контролем, регулированием, соблюдением общественных интересов. Так, по мере развития ГЧП в сфере инфраструктуры государство может постепенно смещать акценты в своей деятельности с конкретных проблем строительства и эксплуатации объектов на административно-контрольные функции. Неизбежные предпринимательские риски при этом перераспределяются в сторону бизнеса. Общественная же значимость ГЧП заключается в том, что в итоге выигрывает общество как потребитель более качественных услуг.

Существуют два крайних подхода к трактовке категории государственно-частного партнерства. Согласно одному из них, ГЧП идентифицируется с приватизацией и рассматривается как особая ее форма – косвенная приватизация (Public-Private Partnerships..., 1985. P. 67). Данный подход учитывает масштабность участия частных компаний в реализации правомочий собственности, передаваемых им в рамках проектов от государства: финансирование, проектирование, строительство, владение и эксплуатация государственных предприятий.

В соответствии с другим подходом партнерства находятся на границе государственного и частного секторов, не являясь ни приватизированными, ни национализированными институтами. Это своего рода «третий путь», позволяющий использовать политические по сути формы улучшения предоставления населению общественных (публичных) благ (Gerrard, 2001).

Наиболее конструктивной следует признать трактовку ГЧП как полноценной замены приватизационных программ, позволяющей реализовать потенциал частнопредпринимательской инициативы, с одной стороны, и сохранить кон-

трольные функции государства в социально значимых секторах экономики – с другой (Варнавский, 2005а. С. 34–37). При этом, в отличие от приватизации как формы возмездной передачи государственной собственности юридическим и физическим лицам, в партнерствах право собственности сохраняется за государством.

Степень фактического участия частного предпринимательства в совместных государственно-частных проектах может повышаться или, напротив, понижаться в зависимости от избранной формы партнерства и масштабов передачи правомочий собственника частному предприятию. Крайние варианты представляют собой либо простые контрактные отношения (контракты на работы и услуги) с полным сохранением каждым партнером всех правомочий собственности, либо полную приватизацию, т. е. окончательную передачу прав собственности от государства частному предпринимателю. Между этими полюсами расположено множество возможных вариантов и форм государственно-частных партнерских отношений, базирующихся на различной степени переуступки тех или иных правомочий собственника от государства частному предпринимателю на срок и на условиях, предусмотренных соответствующим соглашением.

России еще предстоит пройти сложнейший путь экономической и правовой квалификации многочисленных форм государственно-частного партнерства. При этом важно юридически правильно оценить роль государства не только как главного регулятора, но и как представителя и защитника общественных интересов и потребностей, т. е. того, что в европейской юридической традиции подразумевается под публичным правом, публичным интересом, публичной службой, публично-правовыми имущественными отношениями и публично правовой собственностью (Сосна, 1996. С. 66). Этот срез отношений не укладывается полностью в нормы гражданского права.

Особое значение проекты ГЧП имеют на уровне местного самоуправления. На долю городов и поселков (коммунальное

хозяйство) приходится основная нагрузка по реализации множества проектов социального значения в области дорожного и транспортного хозяйства, социальной инфраструктуры, водного хозяйства и водоочистных сооружений, охраны окружающей среды, жилищного строительства, энерго- и газообеспечения. При этом главная проблема, с которой сталкиваются коммунальные власти, состоит в недостатке финансовых ресурсов. Поэтому привлечение частного капитала к решению насущных социально-экономических задач на уровне местного самоуправления стало обычной практикой во всем мире.

Как показывает опыт развитых стран, именно на местном уровне обычно возникает дилемма: приватизировать объекты коммунальной собственности или искать другие пути привлечения материальных и финансовых ресурсов частного сектора, в том числе иницилируя проекты ГЧП. В качестве аргументов против прямой и полной приватизации чаще всего приводят риски сокращения числа рабочих мест, удорожания коммунальных услуг, замены монополии публичных служб частной монополией (Public Private Partnership..., 2003. Рр. 8–9).

Спектр правовых, организационных и хозяйственных решений на коммунальном уровне расположен между традиционным муниципальным предприятием и полноправным частным предприятием, в том числе образовавшимся в ходе приватизации. Возможен вариант, когда полностью государственное или муниципальное (по составу собственности) предприятие действует в частной по существу правовой форме ¹¹.

В соответствии с западно-европейской традицией формально приватизированное предприятие, т. е. предприятие, на 100% принадлежащее государству, но работающее

11. В России примером госпредприятия в частной правовой форме могут служить государственные корпорации, на 100% принадлежащие государству, но действующие в организационно-правовой форме акционерного общества. Государство, являясь единственным собственником, использует формы и методы частнопредпринимательского хозяйствования.

в частной организационно-правовой форме (акционерного общества или общества с ограниченной ответственностью), не считается партнерством. В равной степени не считается им и самостоятельное частное предприятие, заключившее с публичной властью стандартный контракт на поставку социально значимой продукции или услуг. Основным признаком государственно-частного партнерства является *участие в публично-частной кооперационной цепочке по созданию добавленной стоимости*. В свою очередь, процесс ее создания в значительной степени определяется характером перераспределения задач и рисков между государственным и частным партнерами. При этом каждый партнер принимает на себя те задачи и ответственность, которые он может обеспечить с лучшим качеством и эффективностью. Это и есть синергический потенциал партнерства.

Модели, формы и механизмы ГЧП

В зависимости от характера решаемых в рамках ГЧП конкретных задач все множество существующих и вновь возникающих форм партнерств можно подразделить на отдельные типы (модели). Соответственно целям ГЧП различаются организационные модели, модели финансирования и кооперации. Во многих случаях партнерства используют формы, базирующиеся на преимуществах разных моделей и их сочетании (Public Private Partnership..., 2003. P. 10).

В случае *организационных моделей* глубокого вторжения в отношения собственности, как правило, не происходит, сотрудничество публичного и частного партнеров осуществляется за счет привлечения третьих организаций, переуступки отдельных функций и контрактных обязательств, использования возможностей передачи объектов во внешнее управление. К организационной модели относят и наиболее распространенный в настоящее время тип ГЧП — концессии. К *моделям финансирования* следует причислить такие формы, как коммерческий наем, аренда, все виды лизинга, предварительное и интегрированное проектное финансиро-

вание. *Модель кооперации* представляет собой всевозможные формы и методы объединения усилий ряда партнеров, отвечающих за отдельные стадии общего процесса создания новой потребительной стоимости как публичного блага. Часто такая кооперация требует организации сложных, в том числе холдинговых структур по сооружению объектов и их эксплуатации, особенно в сфере производственной и социальной инфраструктуры.

Принятые в мировой практике классификации ГЧП выделяют обычно следующие его формы¹².

Контракты как административный договор, заключаемый между государством (органом местного самоуправления) и частной фирмой на осуществление определенных общественно необходимых и полезных видов деятельности. Наиболее распространенными в практике ГЧП считаются контракты на выполнение работ, оказание общественных услуг, управление, поставку продукции для государственных нужд, оказание технической помощи. В административных контрактных отношениях права собственности не передаются частному партнеру, расходы и риски полностью несет государство. Интерес частного партнера состоит в том, что по договору он получает право на оговариваемую долю в доходе, прибыли или собираемых платежах. Как правило, контракты с государственным или коммунальным органом — весьма привлекательный бизнес для частного предпринимателя, поскольку помимо престижа гарантируют ему устойчивый рынок и доход, а также возможные льготы и преференции.

Аренда в ее традиционной форме (договора аренды) и в форме *лизинга*. Особенность арендных отношений между властными структурами и частным бизнесом заключается в том, что на определенных договором условиях происходит передача частному партнеру государственного или

12. Обзор форм, моделей и конкретных механизмов ГЧП сделан на основе следующих источников: (Варнавский, 2005а; Государство и бизнес..., 2006; Шарингер, 2004. С. 13).

муниципального имущества во временное пользование и за определенную плату. Традиционные договора аренды предполагают возвратность предмета арендных отношений, причем правомочие по распоряжению имуществом сохраняется за собственником и не передается частному партнеру. В специально оговариваемых случаях арендные отношения могут завершиться выкупом арендуемого имущества. В случае договора лизинга лизингополучатель всегда имеет право выкупить государственное или муниципальное имущество.

Концессия (концессионное соглашение) – специфическая форма отношений между государством и частным партнером, получающая все большее распространение. Ее особенность состоит в том, что государство (муниципальное образование) в рамках партнерских отношений, оставаясь полноправным собственником имущества, составляющего предмет концессионного соглашения, уполномочивает частного партнера выполнять в течение определенного срока оговариваемые в соглашении функции и наделяет его с этой целью соответствующими правомочиями, необходимыми для обеспечения нормального функционирования объекта концессии. За пользование государственной или муниципальной собственностью концессионер вносит плату на условиях, оговоренных в концессионном соглашении. Право же собственности на выработанную по концессии продукцию передается концессионеру.

Можно выделить ряд характерных признаков концессии:

- ее предметом всегда является государственная (муниципальная) собственность, а также монопольные виды деятельности государства либо муниципального образования;
- одним из субъектов концессионного соглашения выступает государство или муниципалитет (в лице соответствующих органов исполнительной власти);
- цель концессии – удовлетворение общественных нужд и потребностей;
- она всегда имеет договорную основу (концессионное соглашение);

- концессия опирается на возвратность предмета соглашения, который предоставляется частному партнеру за плату, определяемую в соглашении.

Если в случае контрактов, в договорах аренды и подряда государство или муниципальное образование выступают субъектами гражданского права и для их эффективной деятельности вполне достаточно норм Гражданского кодекса, то в рамках концессии государство прежде всего является органом публичной власти. В этом качестве оно не просто предоставляет партнерам по соглашениям часть своих правомочий как собственника, но и делегирует им часть своих властных функций (исключительных суверенных прав). Делать это можно только на основании соответствующего властного акта государства. Таким образом, источник исключительности предоставляемых по концессионному соглашению прав – не статус государства как собственника, а его прерогативы как органа публичной власти¹³. Исключительный (суверенный) характер прав, предоставляемых государством концессионеру (частному партнеру), заключается в том, что в рамках территории или вида деятельности, на которые он получает исключительное право, не допускается аналогичная деятельность любых третьих лиц, а также самого государства.

К публично-правовым признакам концессионных соглашений относится фиксирование в них публичных интересов, выразителем и представителем которых является государство¹⁴. По концессионному соглашению частный партнер государства (концессионер) обязан подчиняться требованиям публичных интересов, т. е. обеспечивать бесперебойность оказания услуг, недискриминацию пользователей, общедоступность услуг, равенство тарифов на одинаковые услуги.

13. Сосна С.А. Концессионное соглашение – новый вид договора в российском праве // Журнал российского права. <https://www.lawmix.ru/comm/4252>.

14. В законодательстве некоторых зарубежных стран перечисляются конкретные сферы и виды деятельности, отрасли экономики, нормальное функционирование и развитие которых составляет публичный интерес. Практически всегда в его сферу входят такие важнейшие социальные услуги, как коммунальное обслуживание населения, общественно необходимые работы, строительство и содержание объектов экономической и социальной инфраструктуры.

При этом обстоятельства, ставящие под угрозу публичный интерес или причиняющие ему ущерб, выступают законным основанием для принятия мер, специально не прописанных в соглашении. С целью защиты публичного интереса в концессионном соглашении могут быть также предусмотрены суверенные односторонние права и преимущества органа публичной власти перед концессионером.

Известно, что концессии получили наибольшее распространение в инфраструктурных отраслях, где необходимы приток частных инвестиций и высококвалифицированное управление. Можно выделить по меньшей мере три вида концессий: на уже существующие объекты инфраструктуры; на строительство или модернизацию инфраструктурных объектов; передача объектов государственной собственности в управление частной управляющей компании. В рамках этих видов возможны варианты концессионных отношений, основанные на различном сочетании правомочий собственности между государством и частными концессионерами, а также допустимых пределов их конкретной предпринимательской и инвестиционной деятельности (сооружение, эксплуатация, управление).

В России закон о концессионных соглашениях действует с 2005 г., однако пока не заключено ни одного такого соглашения. Главная причина — недостаточная защищенность прав концессионера. Риски, которые он несет, высокие расходы, связанные с самой концессионной деятельностью, отягощаются еще и необходимостью уплачивать высокую концессионную плату государству. В то же время неустойка за нарушение обязательств со стороны последнего законом не предусмотрена. Сейчас готовятся соответствующие поправки в закон, которые, возможно, стимулируют появление концессий в стране. Особенно актуальными могут стать концессии в сфере транспортной инфраструктуры. В подписанной в мае 2008 г. транспортной ФЦП предусмотрено, что большую часть средств на самую масштабную инфраструктурную программу дадут частные инвесторы.

Частные инвестиции в транспортные проекты предполагается довести до 4–5% ВВП, а пропорции государственного и частного финансирования приблизить к 35:65. Конечно, вряд ли все инфраструктурные проекты в России будут развиваться в форме концессий. Не проработан и порядок отбора проектов и выделения средств на концессионные соглашения из Инвестиционного фонда РФ. Более вероятно заключение концессий, ориентированных на модернизацию и эксплуатацию действующих имущественных комплексов – аэропортов, портов, вокзалов, отдельных терминалов. Так, в апреле 2008 г. в Санкт-Петербурге был объявлен конкурс претендентов на концессионное соглашение по аэропорту Пулково. Концессионер должен инвестировать 600 млн евро в строительство новых терминалов, а взамен получит аэропорт в управление на 30 лет.

Проблематично реальное появление частных железнодорожных, и даже автомобильных, магистралей. Вопрос упирается в позицию государства как основной стороны партнерства. Абсолютно нерешаемы пока проблемы отведения земли. Кроме того, явно завышены ожидания государства, связанные с размером частного финансирования проектов. Мировой опыт показывает, что в дорожных инфраструктурных проектах доля инвестиционного участия государства не может быть ниже 40–60% (Ведомости, 2008. 8, 21 и 23 мая; РБК daily. 2007. 20 дек.).

Соглашения о разделе продукции. Эта форма партнерских отношений между государством и частным бизнесом напоминает традиционную концессию, но все же отлична от нее. Различия заключаются прежде всего в разной конфигурации отношений собственности между государством и частным партнером. Если в концессиях, как уже упоминалось, концессионеру на правах собственности принадлежит вся выпущенная продукция, то в соглашениях о разделе продукции партнеру государства принадлежит только ее часть. Условия и порядок раздела продукции между государством и инвестором определяются в специальном соглашении.

В мировой практике такие соглашения особенно активно используются в сфере нефтедобычи.

Как и в случае концессии, государство предоставляет свои исключительные права на недропользование частному инвестору на возмездной основе и на определенный срок. Доступ частных партнеров (в том числе зарубежных) к исключительным правам осуществляется для привлечения инвестиций в капиталоемкие сферы. Имеются различные модели раздела продукции, например сразу на две части или после вычета затрат инвестора. Важен также учет особенностей налогообложения.

Совместные предприятия — распространенная форма партнерства государства и частного бизнеса. В зависимости от структуры и характера совместного капитала они могут быть либо акционерными обществами, либо совместными предприятиями с долевым участием сторон. В качестве акционеров в АО могут выступать органы государства и частные инвесторы. Возможности частного партнера в принятии самостоятельных административно-хозяйственных решений определяются, как правило, долей в акционерном капитале. Риски сторон также распределяются в зависимости от ее величины.

Существенная особенность совместных предприятий любого типа — постоянное участие государства в текущей производственной, административно-хозяйственной и инвестиционной деятельности. Самостоятельность частного партнера в принятии решений здесь более ограничена, чем, например, в концессиях. Важно, что изменение структуры акционерного капитала в пользу одной из сторон СП предполагает только перераспределение акций между инвесторами, но не ведет к увеличению общих размеров капитала (и, соответственно, основных фондов и числа рабочих мест). В случае национализации акционерного общества с участием государства выкуп акций осуществляется по текущему курсу и не зависит прямо от объема капитала, первоначально вложенного частным инвестором. Заметим, что, согласно мировой практике, при национализации концессионного

предприятия государство обязано возместить концессионеру стоимость инвестированного капитала, а также выплатить компенсацию за упущенную выгоду.

В последние годы области применения различных форм ГЧП стремительно расширяются; бурно развиваются и сами формы партнерств. Так, если концессионные соглашения первоначально стандартно применялись при сооружении автострад, автостоянок, обеспечении централизованным теплоснабжением, то в настоящее время они получили распространение в таких сферах, как национальная оборона, образование, кабельное телевидение, некоторые виды городского общественного транспорта. В ряде стран частный бизнес проектирует и строит больницы, школы и другие общественные объекты, а затем управляет ими (Государство и бизнес..., 2006. С. 70).

При реализации проектов ГЧП используются разнообразные механизмы сотрудничества государственных структур и предприятий частного бизнеса. Они дифференцируются в зависимости от объема передаваемых частному партнеру правомочий собственности, инвестиционных обязательств сторон, принципов распределения рисков между партнерами, ответственности за проведение различных видов работ. Наиболее распространены следующие механизмы партнерств.

ВОТ (Build, Operate, Transfer – строительство – эксплуатация/управление – передача). Этот механизм используется главным образом в концессиях. Инфраструктурный объект создается за счет концессионера, который после завершения строительства получает право эксплуатации сооруженного объекта в течение срока, достаточного для окупаемости вложенных средств. По его истечении объект передается государству. Концессионер получает правомочие использования, но не владения объектом, собственником которого является государство.

ВООТ (Build, Own, Operate, Transfer – строительство – владение – эксплуатация/управление – передача). В этом

случае частный партнер получает правомочие не только пользования, но и владения объектом в течение срока действия соглашения, после чего он передается публичной власти.

ВТО (Build, Transfer, Operate – строительство – передача – эксплуатация/управление). Этот механизм предполагает передачу объекта государству сразу по завершении строительства. Затем он поступает в пользование частного партнера, но без перехода к нему права владения.

ВОО (Build, Own, Operate – строительство – владение – эксплуатация/управление). В этом случае созданный объект по истечении срока действия соглашения не передается публичной власти, а остается в распоряжении инвестора.

ВОМТ (Build, Operate, Maintain, Transfer – строительство – эксплуатация/управление – обслуживание – передача). Здесь акцент делается на ответственности частного партнера за содержание и текущий ремонт сооруженных им инфраструктурных объектов.

ДВООТ (Design, Build, Own, Operate, Transfer – проектирование – строительство – владение – эксплуатация/управление – передача). Особенность соглашений этого типа состоит в ответственности частного партнера не только за строительство инфраструктурного объекта, но и за его проектирование. В случае соглашений типа DBFO (Design, Build, Finance, Operate – проектирование – строительство – финансирование – эксплуатация/управление) специально оговаривается его ответственность за финансирование строительства инфраструктурных объектов.

В ряде восточно-европейских стран в конце 1990 – начале 2000-х годов в связи с подготовкой к вступлению в ЕС в отраслях транспортной инфраструктуры и в городском хозяйстве стали активно использоваться методы ГЧП. Проекты по привлечению частных инвестиций в расширение сети автомагистралей, модернизацию портов и аэропортов реализуются на основе структурного содействия со стороны ЕС. Причем конкретный опыт оказался неоднозначным: наряду с успешными имелись и случаи проблемных, не всегда удачных решений.

Пример эффективного проекта ГЧП – расширение и модернизация международного аэропорта в Варшаве. Более 85% пассажиров международных авиарейсов пользовались именно варшавским аэропортом, что требовало в относительно короткие сроки обеспечить увеличение пассажирского и грузового оборота аэропорта почти вдвое. Без привлечения частного капитала и ноу-хау реализовать такой проект было бы невозможно. По результатам открытого европейского конкурса в качестве частного партнера проекта выступила германская фирма «Хохтиф АГ», разработавшая специальную модель финансирования ГЧП для аэропортов стран Центральной и Восточной Европы. Был сформирован консорциум (генеральный подрядчик – «Хохтиф эйрпорт ГмБХ»), в который на правах партнеров вошли малые и средние предприятия Польши и Германии. Частное финансирование обеспечивал консорциум банков, возглавляемый АО «Ситибанк». Получателем кредитов и государственным партнером проекта выступало агентство «Польские аэропорты PPL». Стоимость проекта составила 153,4 млн евро, до 80% его финансирования (по модели cash-flow) пришлось на частную сторону. Государственная польская авиакомпания LOT была включена в частное кредитное соглашение об обеспечении гарантий и в соглашение об использовании аэропорта. Успешное завершение работ способствовало тому, что в дальнейшем генеральный подрядчик принял участие в проектах реконструкции на принципах ГЧП аэропортов городов Дюссельдорфа, Гамбурга и Сиднея.

Удачной моделью эффективного сочетания интересов публичного и частного партнеров признан проект по реконструкции крупнейшего аэропорта Германии во Франкфурте-на-Майне. Проект предполагал предварительную стадию приватизации – эмиссию акций, 29% которых были проданы на фондовой бирже (аналог «народных IPO»). Держателями остальных акций стали земля Гессен (32,1%), город Франкфурт (20,5%) и государство (18,4%). Сформированное таким образом АО «Фрапорт» намеренно

сохранило контроль публичных инвесторов. При этом АО является «частным» акционером других германских аэропортов, т. е. «частная» сторона партнерств в них представлена структурой с преимущественно государственным участием (Public Private Partnership..., 2003).

Государственное регулирование проектов ГЧП: границы полномочий и организация

Обобщение теоретического и практического международного опыта подтверждает тезис о том, что с ГЧП связано принципиально новое качество реализации суверенных функций государства. Здесь важны два взаимосвязанных аспекта.

Во-первых, ГЧП способствовало некоему переосмыслению самого содержания суверенных функций государства, публичной стороны властных отношений. Публичные интересы, публично-правовые имущественные отношения претерпевают явные изменения в сторону сужения, происходящего на основе более глубокого структурирования. Типичный пример – реформирование естественных монополий, в ходе которого естественно монопольное, контролируемое государством ядро отделяется от широкого спектра функций, передаваемых на откуп частному бизнесу. Нельзя не учитывать также и перемен, происходящих в сфере собственно публичных предпочтений общества. С ростом уровня жизни, образовательного и культурного уровня населения изменяется характер реализации традиционных публичных товаров и услуг. Ряд классических публичных благ – образование, здравоохранение, жилищно-коммунальные услуги, культура – население предпочитает полностью или частично оплачивать самостоятельно, т. е. рассматривает их как частные блага. В этой связи суверенитет государства перемещается с проблемы обеспечения общественными благами как таковыми в сторону гарантирования их достаточности и надлежащего качества.

Во-вторых, относительное сокращение сферы традиционных публичных интересов, изменение их струк-

туры и возможное формирование новых требуют ответа на вопрос о том, насколько государство вообще может поступиться частью своего суверенитета в пользу частного бизнеса. В настоящее время в развитых странах под действие публично-права подпадают объекты государственной собственности, публичные службы, природные ресурсы и отдельные виды монопольной деятельности государства. Публично-правовая собственность принадлежит обществу в целом и никому в отдельности (*Варнавский, 2005b*). Государство как суверен сохраняет необходимый в каждом конкретном проекте объем властных функций в партнерских отношениях с частным бизнесом. Одновременно государство действует и как субъект гражданского права, опирающегося на принципы равенства сторон, нерушимости условий контрактов и ответственности по принятым обязательствам. В таких распространенных формах ГЧП, как концессии и соглашения о разделе продукции, права государства, представляющего интересы всего общества, сужены быть не могут. В той же части партнерства, где государство выступает субъектом гражданского права, действует и соответствующий порядок регламентации отношений сторон и способов разрешения конфликтов.

В качестве публичной стороны партнерских отношений с частным бизнесом государство выполняет следующие задачи:

- выявление необходимости партнерских соглашений с частными бизнес-структурами в конкретных сферах экономики;
- выработка предложений и рекомендаций по проектам ГЧП;
- описание ключевых характеристик проектов с учетом публичных интересов, организация процедур отбора частных партнеров;
- подготовка пакета документации для проектов, проведение переговоров и заключение соглашений с частными партнерами;

- контроль за исполнением соглашений, мониторинг и обеспечение реализации публичных интересов в рамках партнерства;
- оценка выполнения частным партнером условий соглашения;
- выработка рекомендаций о продолжении или прекращении договорных отношений с частным партнером.

Государство организует регулирующую деятельность в сфере партнерства с частным бизнесом в трех направлениях. Во-первых, оно вырабатывает стратегию и принципы, на которых действуют отношения бизнеса с обществом в целом и с публичной властью в частности. Во-вторых, оно формирует институциональную среду для разработки и реализации партнерских проектов. В-третьих, оно непосредственно занимается организацией и управлением государственно-частным партнерством, разрабатывает его формы и методы, а также конкретные механизмы.

Контрольные и регулирующие функции в сфере государственно-частного партнерства от имени государства могут осуществляться либо профильными министерствами и ведомствами, либо специально уполномоченными органами. При этом специальные агентства могут создаваться государством для каждой отрасли экономики, в которой развиваются партнерства, главным образом концессии (например, в Польше созданы соответствующие институциональные структуры отдельно для автомобильных, железных дорог, электроэнергетики, лесного хозяйства и др.). Государство может также создать единый агентский орган для всех или для большинства секторов экономики, как, например, в Сербии¹⁵.

Важнейшим аспектом ГЧП является практическое разделение многочисленных рисков между сторонами партнерства, неизбежно возникающих в процессе сооружения и эксплуатации объектов. Евростат официально выделяет

15. В СССР в период нэпа действовал Главный концессионный комитет, регулировавший и направлявший всю концессионную деятельность в стране.

следующие риски, принимаемые в расчет при отражении на балансах партнеров ценностей, являющихся предметом договоров о партнерстве. Во-первых, это риск просрочки поставок или несоблюдения принятых нормативов – так называемый строительный риск. Большую часть таких рисков несет государство. Во-вторых, риск неоплаты требований, который, как правило, возлагается на частного партнера. В-третьих, риск недостаточности или колебания спроса, на что частный партнер практически повлиять не может. Этот риск также несет государство (Public Private Partnership..., 2003).

Примеры неэффективных проектов ГЧП из-за просчетов со стороны государства нередки. Так, в Чехии был реализован проблемный инфраструктурный проект. Привлечение частных инвестиций в этой стране осуществляется по британской модели частной финансовой инициативы (PFI). Чешский опыт свидетельствует о потенциальной опасности рисков и проблем, с которыми сталкивается недостаточно опытный и плохо подготовившийся государственный партнер. Для сооружения отрезка стратегически важного автобана D47 протяженностью в 80 км зарубежный частный разработчик предложил на первый взгляд привлекательный проект и получил подряд практически без конкурса. Команда государственного партнера, не имея достаточного опыта ГЧП, не смогла адекватно оценить намерения частного подрядчика, который, как показала практика, не очень-то и стремился реализовать проект. Предложенная им структура финансирования в конечном счете сводилась к перекалыванию всех рисков на государство. В итоге чешское правительство вынуждено было расторгнуть проект и выплатить значительную неустойку. В настоящее время бюджетное финансирование развития транспортной инфраструктуры осуществляется двумя путями: во-первых, напрямую – для крупных проектов, например по реконструкции автобанов и аэропортов; во-вторых, опосредованно – через государственный фонд развития инфраструктуры (Public Private Partnership International..., 2004).

В России риски просчетов как государственного, так и частного партнеров в проектах ГЧП, очевидно, весьма велики. Уже выявилась тенденция к сильному удорожанию проектов по сравнению с их первоначальной стоимостью. Темп удорожания может достигать 20% в год (Ведомости, 2008. 14 апр.). И причины не только в банальных ошибках и просчетах авторов, но и во вполне объективных обстоятельствах – постоянном росте цен на сырье, материалы, услуги. Мировой опыт показывает, что единственным выходом из этой ситуации является привлечение частного капитала, а значит создание для него более привлекательных условий по сравнению с обычной коммерческой деятельностью.

* * *

Более десяти лет тому назад Всемирный банк представил отчет о мировом развитии, во многом не утративший своей актуальности и в настоящее время (Государство в меняющемся мире..., 1997). Уже тогда авторы обратили внимание на намечающееся общественное недовольство в развитых странах результатами деятельности «государства всеобщего благосостояния». Главная претензия состояла в том, что оно не обеспечивает полного набора необходимых общественных благ и услуг. Авторы отчета утверждали также, что далеко не очевидна роль государства в качестве единственного поставщика общественных благ, что при выполнении этой роли оно должно в значительной степени опираться на сильные стороны рынков. Государство может и должно допустить участие частных структур в предоставлении общественных благ, размывая постепенно сложившуюся в послевоенный период монополию в сфере инфраструктуры и социальных услуг. Функции государства перемещаются в область адресной защиты наиболее уязвимых слоев населения, что, в свою очередь, принципиально меняет отношение к возможности участия частного бизнеса в производстве и распределении общественных благ. Это особенно актуально для стран со слабыми государственными институтами, где привлечение частных компаний к предо-

ставлению социально значимых услуг должно рассматриваться в качестве приоритетного принципа.

Реформы общественного сектора несомненно потребуют квалифицированных решений относительно масштабов и структуры публично-правовых функций государства. Предстоит оценить, насколько государство может двинуться в пользу частного сектора, не нанося ущерба выполнению своих суверенных прав. На общественно-политическом уровне границы приемлемого сокращения и перегруппировки суверенных прав и обязанностей государства можно выявить с помощью мониторинга настроений различных групп населения. В экономической сфере решающую роль будет играть развитие всевозможных форм ГЧП. Наглядным примером конструктивного перераспределения функций и полномочий между государством и частным сектором служит развернувшееся во многих странах реформирование естественных монополий. Концессии и соглашения о разделе продукции позволяют, не утрачивая суверенного контроля со стороны государства, привлекать немалые частные капиталы в весьма дорогие проекты.

В России имеется масштабный потенциал для развития многих форм ГЧП, однако для его практической реализации необходимо решение ряда принципиальных вопросов.

Во-первых, обеим сторонам партнерских отношений следует четко осознать, что эффективное ГЧП нельзя рассматривать узко, только как привлечение дополнительных ресурсов в капиталоемкие проекты властей всех уровней. Нужно учитывать реальные интересы обеих сторон. Конкретные механизмы партнерств, выработанные многолетним мировым опытом, создают основу для взаимовыгодного и ответственного распределения полномочий сторон, не ущемляющего интересы каждой из них. Однако возможные преимущества не реализуются сами собой, после принятия соответствующего нормативного пакета. Главное здесь – разобраться в особенностях российской модели взаимодействия государства и бизнеса. Сейчас у нас наблюдается причудливый

симбиоз элементов неолиберальной модели, госкапитализма, остатков олигархической модели. Эффективное партнерство реально только при условии полной ясности и предсказуемости стратегии дальнейшего развития страны. Без этого, без уверенности в стабильности правил игры от бизнеса нельзя ожидать ничего, кроме показного интереса и формального участия в крупномасштабных проектах государства в целях самосохранения. Фактор эффективного предпринимательства при этом может быть утрачен.

Во-вторых, необходим существенный прогресс в понимании и практической реализации публично-правовых функций государства. Пока российское законодательство не выделяет специально публично-правовых функций и не устанавливает связи между ними и публичной собственностью. Конструкция права такова, что публично-правовые функции реализуются либо административно, либо через гражданско-правовые функции. Организовать на такой основе распределение полномочий между сторонами партнерства невозможно. В странах с развитой рыночной экономикой накоплен большой опыт успешного поиска ответов на «парадоксы публичных благ», который с учетом отечественной специфики можно использовать и в России.

1.2. Горизонтальные связи и сетевая координация в современной экономике¹⁶

Теория либерализма и реалии постиндустриальной экономики

Научное обсуждение проблем социального либерализма сейчас особенно актуально, ибо критические переоценки грозят девальвировать многолетние обширные наработки либерального мейнстрима. В сегодняшнем многоголосье жела-

16. Дерябина М.А. Горизонтальные связи и сетевая координация в современной экономике // Общественные науки и современность. 2014. №1. С. 65–76.

тельно не только найти некие точки опоры для конструктивного осмысления реальности и дальнейшего теоретического продвижения, но и понять, почему же научная мысль десятилетиями билась в методологических тисках — индивидуализм или коллективизм? Книги и статьи А. Рубинштейна последних лет, содержащие, как правило, фундаментальный анализ обширной теоретической литературы (начиная с трудов по концепции экономической социодинамики, теории опекаемых благ и вплоть до самых свежих статей и докладов), закономерно подводят читателя к пониманию главных смыслов социального либерализма. Поэтому обозначенная в обсуждаемой статье склонность автора к «реляционной методологии» (Рубинштейн, 2012. С. 20) никак не является результатом примиренческого поиска чего-то среднего в теоретическом дискурсе, а есть сознательная позиция, призванная стать эффективным рабочим методом.

Несколько слов о теоретическом дискурсе. При всем многообразии и тонкостях подходов, сопровождавших исторически длительный процесс развития теоретической экономической, социологической и философской мысли, речь так или иначе всегда велась о «двух институционально разных средах», в которых формируются интересы социальной целостности и индивидуумов — политической и рыночной (Рубинштейн, 2012. С. 22). Теоретически важно также, что индивидуумы не только рационально действуют в имманентной рыночной институциональной среде, но активно участвуют в функционировании рыночной ветви формирования общественного интереса. (Не забывать при этом, что общественные интересы системно трактуются автором как несводимые к сумме интересов индивидуумов.)

Вместе с тем даже весьма высокий уровень такой активности не может обеспечить реализации всех интересов, прежде всего интересов общества в целом. А эти интересы, отличные от индивидуальных и их совокупности, требуют своей институциональной среды — политической. Тут (и, наверное, только тут) и возникает фигура государства,

ответственного за эту институциональную среду. Таким образом, «родовые свойства» экономической методологии социального либерализма автор видит в допущении как частной инициативы, так и государственной активности, соответственно обеспечивающих реализацию интересов индивидуумов и общества в целом (Рубинштейн, 2012. С. 15). Остается только понять природу общественного интереса и пределы обусловливаемой им государственной активности. И ответить на вопрос — меняется ли эта природа и, соответственно, роль государства в ходе экономического и социального развития или же «родовые свойства» остаются неизменными?

Забегая вперед и предваряя методологические размышления над концепцией автора, ответу — да, меняется. И суть происходящих перемен заключается не в соотношении аргументов за или против социального либерализма как научной парадигмы, а в смысле и масштабности тех изменений, которые происходят в современном обществе и в экономике. Отмечу, не боясь громких фраз, что мировая экономика переходит в качественно новое состояние, когда одних привычных характеристик типа «правильных» макроэкономических показателей, активной международной торговли и обмена потоками капитала уже явно недостаточно для адекватного понимания прогресса. Мир движется в сторону свободного оборота новых идей и технологий, гибкого, оперативного и беспрепятственного партнерства по интересам, независимо от географического положения, сферы административного подчинения, масштабов и специфики предпринимательской деятельности. Все достойные внимания современные стратегические инициативы требуют объединения не только финансовых усилий и ресурсов возможных участников, но в первую очередь интеллектуальных, высокотехнологических, профессиональных. Понятно, что современная экономическая теория стремится освоить постиндустриальную систему понятий, выявляя и объясняя новации утверждающегося способа производства и соответствующей ему научной парадигмы.

Одной из важнейших новых тенденций стало усиление горизонтальных связей в экономике и обществе. Сами по себе эти связи существовали в том или ином виде всегда, подкрепляя и подтверждая доминирующие способы общественной и рыночной координации. В постиндустриальном экономическом укладе они стремительно оформляются в разветвленные сетевые отношения, придавая сетевой характер не только новым отраслям, но и всей экономике. Это должна уловить и осмыслить экономическая теория. Обобщенно можно утверждать, что к известным из неоклассики и неoinституционализма способам экономической координации — через ценовой механизм рыночного обмена и иерархический механизм административных команд — в современной экономике добавляются новые, основанные на «отношенческих» связях¹⁷. «Отношенческий», или сетевой, способ координации рыночных связей все более настойчиво реализуется в качестве основы организационных форм инновационной экономики. Он оказывает влияние и на организацию традиционных отраслей. Сетевой принцип организации, в отличие от иерархического (в рамках фирмы) и договорного (на основе ценового обмена), отвечает на запросы качественно нового процесса формирования экономической политики и принятия управленческих решений на уровне государственного руководства и отдельных корпораций. Встраивание в систему координации сетевого звена неизбежно связано с переходом от жесткой административной иерархии к более гибкой управленческой модели, основанной на сочетании традиционных координационных сигналов с дополняющими их широкими горизонтальными взаимодействиями.

Возвращаясь к вопросу о социальном либерализме как научной парадигме, попробуем увидеть те новые методологические нюансы, которые несут с собой изменения в организации общественного и экономического развития. При этом

17. Об «отношенческом» типе организационно-хозяйственных связей, ссылаясь на теорию Я. Макнейла по классификации концепций рыночных контрактов (*Macneil, 1978*), писал еще О. Уильямсон (*Уильямсон, 1996*).

имеет смысл придерживаться той структуризации проблемы, которую Рубинштейн избрал для своего теоретического анализа. Тем более что он сам указывает на существование «трех ключевых вопросов» (Рубинштейн, 2012. С. 15–16), определяющих контуры методологического поиска.

Дилемма «индивидуализм—холизм» определяет методологические рамки этого авторского поиска, предполагающего решительный отказ от радикализации методологического индивидуализма в пользу расширения возможностей социального анализа и движения в сторону социального либерализма. Отмежевавшись тем самым от грубого, взаимоисключающего противопоставления, Рубинштейн вступает в область увлекательных нюансов множества возможных промежуточных состояний. При этом, анализируя обширную научную литературу, он ссылается на ряд весьма важных методологических замечаний, которые, вольно или невольно, подводят его к признанию реальностей времени. Не будучи апологетом ни групповых (коллективных) интересов в отличие от более высоких общественных, ни создаваемых группами индивидуумов институтов, он, по существу, все-таки очень близко подходит к реальной «отношенческой» сложности взаимодействия индивидуумов и социума. Выделю наиболее характерные положения:

- при усложнении связей между людьми сами институты генерируют специфические интересы отдельных общностей индивидуумов и общества в целом (Рубинштейн, 2012. С. 17);
- современная исследовательская методология базируется на синтезе микро- и макросоциологических подходов без принудительного выбора одного из них. В этом случае возможность взаимодополнения и взаимообогащения способствуют прогрессу экономической методологии социального либерализма (Рубинштейн, 2012. С. 18);
- правильно сориентироваться в дилемме «индивидуализм—холизм» можно только через преодоление

искусственной атомизации общества (абсолютизация индивидуализма), в результате чего допускаются макросоциологические переменные в поведении индивидуума. Более того, в ряде случаев макросоциологические и макроэкономические характеристики невозможно свести к действиям индивидуумов (Рубинштейн, 2012. С. 19);

- суть реляционной методологии, к которой склоняется Рубинштейн, базируется на признании множества уровней исследования общества и человеческих реальностей (иными словами, предметом исследования выступают различные аспекты реального бытия социума и индивидуума) (Рубинштейн, 2012. С. 20). При этом индивидуальное поведение может быть обусловлено общественными факторами, и напротив, объяснить процессы в рамках коллективов методологически возможно через индивидуальное поведение. В этой методологической конструкции находится место и системным институтам, в структуру которых вписываются индивидуумы.

К сказанному нужно добавить, что подобный широкий подход к исследованию дилеммы «индивидуализм—холизм» сформировался, как отмечает Рубинштейн, на рубеже XX—XXI вв., когда свои требования к научному анализу предъявили реальности постиндустриальной экономики¹⁸. Следует, однако, сразу оговориться, что эти реальности не отменяют накопленного опыта человеческих и общественных взаимодействий и его теоретического осмысления, а дополняют и, возможно, частично модифицируют его. Как в свое время модифицировался индивидуализм под воздействием макроэкономического подхода, с одной стороны, и модели централизованно управляемого общества (социализм) — с другой.

18. В свое время перед не менее значимым философским рубежом оказались французские энциклопедисты, расширившие значение понятия индивидуализма путем введения для него своего рода общественного масштаба. Это чутко уловил Ф. Хайек, разделивший индивидуалистическую традицию на «истинную» и «ложную» (Хайек, 2011).

Дилемма «индивидуализм—холизм» и в постиндустриальных условиях не утрачивает своего смысла, выдвигая на передний план теоретического анализа новые аспекты. Прежде чем выявить эти аспекты, необходимо уяснить те взаимосвязи теоретических традиций, которые делают непрерывным всеобщий процесс накопления знания, создают единую когнитивную ткань, в которую закономерно вплетается все разнообразие методологических подходов. Если именно так подходить к сравнительному анализу этих подходов, то возможно снять или существенно смягчить теоретические противостояния. И тогда сравнительный анализ основных подходов, порождающих дилемму, можно направить на поиск познавательного прогресса.

Получаем следующее. В неоклассической теоретической парадигме единицей анализа выступает индивид. В неоинституциональной — институт. Но в том-то и дело, что институты не представляют собой некоей самоценности, а организуют взаимоотношения между людьми (по Д. Нортгу), т. е. являются ограничительными рамками для принятия решений индивидов (*Шаститко*, 1996). Можно, таким образом, сказать, что и существуют институты только благодаря посреднической деятельности индивидов, т. е. требуют «активных функционеров» (*Бхаскар*, 1991). Итак, с одной стороны, экономическое пространство составляют индивиды и их действия, с другой — действия индивидов всегда имеют некую институциональную форму. Но даже признавая неразрывность индивидов и структурирующих их действия институтов, выводить одно из другого невозможно¹⁹. Поэтому ни общество с его интересами, ни индивидов с их индивидуальными действиями и интересами невозможно объяснить и обосновывать друг из друга, а также пытаться выстроить какую-либо иерархию их взаимоотношений.

19. Дж. Ходжсон, анализируя взаимодействие институтов и индивидов, ссылается на позицию автора «теории структуризации» Э. Гидденса, утверждавшего, что ни один из элементов этой пары (индивидуальный агент и социальная структура) не обладает онтологическим или аналитическим приоритетом (*Ходжсон*, 2008; *Giddens*, 1982).

А это значит, что нельзя и отдать предпочтение ни методологическому индивидуализму, ни методологическому холизму в качестве единственной теоретической парадигмы.

Сетевые отношения как новый тренд в методологии научного анализа

Осмысливая особенности постиндустриальной общественной и рыночной координации, можно продолжить цепочку понятий как единиц научного анализа. В экономике, базирующейся на системе горизонтальных (сетевых) взаимодействий, такой единицей являются отношения. Упомянутая выше «отношенческая» координация не только не отменяет научного аппарата предшествующих теоретических парадигм, но опирается на них в дальнейшем накоплении научного знания.

Будучи инновационной по своей природе, сетевая экономика базируется на скоординированном управлении развитием больших и малых научно-производственных систем, на партнерском взаимодействии индивидов, фирм и других «функционеров», связанных общими интересами и действующих на принципах взаимодополняемости (Катуков, Малыгин, Смородинская, 2012; Porter, 1998). Прорывные научные проблемы и инвестиционные проекты в современной экономике могут подтверждаться и реализовываться только в партнерстве. Возникает сотрудничество (*collaboration*) заинтересованных агентов, объединенных горизонтальными связями и поддерживающих постоянное сетевое взаимодействие. Координация этих процессов не может осуществляться ни в рамках традиционных иерархий крупных корпораций, ни в форме простого ценового обмена. При этом именно возможности крупных компаний могут обеспечить соответствующим ресурсом новые научные идеи и создать для них необходимые платформы. Возникают гибкие, часто неформальные, взаимоотношения между агентами разного рода и масштаба. Необходимость свести в едином процессе создания инноваций усилия мно-

гих людей, научных дисциплин, носителей самых различных ресурсов, в том числе и ресурсов знаний, порождает особые формы рыночной координации – сетевые.

Сетевые сообщества интенсивно разрастаются в сфере человеческого и институционального взаимодействия. Социальные сети с их саморегулированием и отсутствием иерархического подчинения стали своего рода горизонтальными структурами общественной жизни. Партнерство, взаимопомощь, участие, на которых строятся сетевые общественные отношения, создают особые условия и формы обмена знаниями и другими ресурсами, необходимыми для решения самых разнообразных, и не только экономических, задач (Инновационное..., 2009). Нередко именно в процессе сетевого взаимодействия находят решения, невозможные в рамках как классической ценовой рыночной координации, так и административных команд. Участники сетевых сообществ, объединенные общим мировоззрением, сохраняют возможность преследовать собственные цели и при этом использовать поддержку, знания, связи и другие преимущества широкого круга партнеров динамично развивающейся и постоянно меняющейся сети (Huxham, 2003). Таким образом, сетевая социальная среда и сетевая экономика поддерживают и укрепляют друг друга, создавая широкую основу для развития горизонтальных связей.

В постиндустриальной экономике с появлением горизонтально-сетевых связей и партнерских отношений рыночной координации формируется новая институциональная среда. Сети индивидуумов и организаций связаны общими интересами, а координация их действий, рыночные контакты по согласованию и реализации этих интересов осуществляются не на основе ценовых сигналов или иерархических команд, а напрямую в онлайн-режиме партнерских взаимодействий. Современные IT-технологии делают реальной прямую кооперацию производителя и потребителя, прямое согласование интересов и разрешение возмож-

ных противоречий (Сморodinская, 2011; Tapscott, Williams, 2007)²⁰.

Эта особая, принципиально новая институциональная среда образует специфическое инновационное пространство как пространство взаимопонимания и консенсуса. И такие, казалось бы, неэкономические понятия, как «партнерство» и «сотрудничество», обретают понятные организационные и управленческие характеристики. Инновационное пространство структурируется как ряд взаимосвязанных сегментов сети, или сетевых пространств²¹. Формируются элементы нового организационного строя реального и других секторов экономики, который несет с собой новое качество, способ функционирования и взаимодействия агентов. Открываются границы фирм, рынков, любых форм организаций, сетевые связи нередко становятся более приоритетными в иерархии ценностей предпринимательской деятельности (в сравнении с традиционными неоклассическими).

Институциональная среда постиндустриальной экономики характеризуется синхронизацией развития и объединением в непрерывную динамичную цепь трех ранее институционально и организационно обособленных систем — государства, частного бизнеса и науки (Дежина, Киселева, 2008)²². В индустриальной экономике производством новых знаний традиционно занималась наука (академии и университеты), инновации были сферой активности реальных корпораций,

20. Самоценность такой формы координации подчеркивается в литературе терминами «координация без иерархии» и «партнерское управление» (collaborative governance) (Hasumi, 2007; Andersson... 2004).

21. Процесс инициируется появлением определенного научного знания — знаменитый «научный фонтан». Затем на основе обильной сетевой информации выявляются возможные заинтересованные организации, и формируется сегмент консенсуса и кооперации потенциальных участников инновационной сети. И уже на этой основе организации — члены сети, опираясь на опыт, знания и ресурсы друг друга, формируют сегмент реализации инноваций (Blank..., 2006).

22. Объединение потенциала государственного управления, инновационных возможностей науки и предпринимательского вектора бизнеса стало устойчивым трендом не только в развитых странах, но и активно осваивается быстро развивающимися экономиками на всех континентах. С конца прошлого века одной из важнейших концептуальных парадигм постиндустриального развития стала так называемая теория «тройной спирали» (ТС) (Сморodinская, 2011).

а государство отвечало за создание благоприятных условий деятельности и науки, и бизнеса. Существовали, пусть не очень эффективные, механизмы формализации и согласования их интересов. В постиндустриальной экономике наука, оставаясь производителем знаний, включается во внедренческую деятельность, а государство, помимо создания необходимых правовых институтов, отчасти принимает на себя функцию финансирования (прежде всего венчурного). Таким образом, все три фигуранта выполняют уже более сложные, параллельные, переплетающиеся функции. Понятно, что решение задач современного масштаба и сложности невозможно в рамках свойственного индустриальной экономике разделения институциональных пространств. В систему принятия стратегических решений включаются не только представители власти, но также бизнеса и науки. И только на основе интеграции и партнерства всех трех институциональных сегментов возможно обеспечить решение ряда макро- и микроэкономических задач. Необходимо обосновать и организовать проведение государственной политики, прямо направленной на создание инновационной экономики, выработать и включить механизмы коммерциализации знаний, обеспечить доступ к запасам знаний для всех заинтересованных субъектов общества и экономики. Отношения между названными институциональными сегментами не могут строиться ни на принципах административных управленческих команд, ни на основе ценовых рыночных сигналов, а неизбежно принимают форму сетевой координации.

Сетевая координация и концепция социального либерализма

Длинный экскурс в постиндустриальные тренды, казалось бы, весьма далекий от теории социального либерализма, представляется необходимым для ответа на вопрос о «родовых свойствах» и возможной модификации его экономической методологии. В анализе дилеммы «индивидуализм—холизм» (во всяком случае, в научной литературе по этой

теме) основной акцент обычно делается на антагонизм, взаимоисключающую противоречивость исходных понятий. Система аргументов в анализе основ социальных образований строится по принципу «или-или» даже тогда, когда простой здравый смысл требует каких-то компромиссов, более сложных решений. В этой связи реляционная методология, к которой склоняется Рубинштейн, подсказывает возможное конструктивное направление поиска. Однако, понимая, что экономическая методология социального либерализма может быть только реляционной, он круто сворачивает к своей давней концепции несводимости предпочтений и интересов социальных целостностей к предпочтениям и интересам составляющих индивидуумов (Рубинштейн, 2012. С. 20). Между тем еще в первых работах по экономической социодинамике содержались не очень пространные, но содержательные фрагменты о природе и значении коллективных интересов (Гринберг, Рубинштейн, 2000). Они не получили, к сожалению, дальнейшего развития как не работающие на любимую идею несводимости. А экономические реалии двадцатилетней давности действительно особо и не фиксировали внимание теоретиков на «отношенческой» проблематике.

Антагонизм «индивидуализма—холизма» практически исключает промежуточные формы интеграции интересов, неограниченное множество которых может стоять за понятием коллективного интереса. При этом исследователи проблемы, конечно, никогда не оспаривали сам факт значимости реально существующих социальных образований — коллективов, организаций, общественных групп и прочих форм интеграции индивидов. Однако «индивидуалисты» все-таки считают, что даже самые сложные общественные институты и явления могут быть поняты только через анализ индивидуальных действий (Мизес, 1999). А первым опытом реляционной методологии, наверное, был марксизм, попытавшийся именно устойчивые отношения сделать предметом анализа и трактовать общество как совокупность связей и отношений, в которых индивиды находятся друг с другом.

Вернемся к основополагающей идее Рубинштейна о несводимости. Признавая в принципе правомерность, «там, где это возможно», выводить общественные предпочтения из предпочтений индивидуумов, Рубинштейн сосредотачивается на «иных законах» формирования интересов социума (Рубинштейн, 2012. С. 20). Получается весьма изящная, логичная и до известной степени убедительная картина. Агрегат индивидуальных предпочтений формируется в рыночной институциональной среде, а предпочтения общества как такового определяются посредством институтов политической системы. Обе группы интересов существуют параллельно, в различных институциональных средах, но взаимно дополняют и поддерживают друг друга. При этом «нормативные интересы социума», формируемые политической ветвью, ставятся в зависимость от меры развитости общества. Рубинштейн убежден, что именно нормативные интересы «вбирают в себя весь спектр общественных предпочтений» — социальные установки и ценности, этические нормы, идеи справедливости и целесообразности. Понимая, что само по себе такое утверждение не может быть достаточным, он говорит о механизмах политической ветви формирования интересов общества как такового и «институциональном лифте» для этих интересов — пассионариях, прогрессивных СМИ, общественных движениях и партиях (Рубинштейн, 2012. С. 21–22).

Безусловно, это рассуждение подтверждает и заметно развивает теоретическую традицию неоклассики. И наверное, казалось бы безупречным, если бы не упомянутые нами современные тренды общественного и экономического развития. А суть в том, что в неоклассической традиции интересы индивидуумов и интересы социальной целостности живут своей отдельной жизнью — по-разному идентифицируются, функционируют, агрегируются, конфликтуют. Отсюда и две институциональные среды, и две институциональные ветви формирования интересов. Картина постепенно меняется по мере усиления горизонтальной сетевой координации.

Повторяюсь, сами по себе горизонтальные связи существовали всегда, однако их сегодняшняя роль вносит необратимые качественные изменения в социальную и экономическую (рыночную) координацию. Представляется, что пока это только развитие и частичная модификация основных действующих трендов. Однако процессы развиваются очень быстро, и можно уверенно прогнозировать в ближайшие десятилетия (если не годы) становление сетевой кооперации и сетевых взаимодействий в качестве одной из определяющих парадигм общественного и экономического развития с соответствующим фундаментальным теоретическим обоснованием (Катуков, Малыгин, Смородинская, 2012).

Для целей нашей дискуссии широкий анализ постиндустриального уклада был бы излишним, да и неподъемным. Поэтому ограничусь некоторыми соображениями, непосредственно касающимися смысла и механизмов реализации теоретических посылов социального либерализма. Речь прежде всего пойдет об особенностях становления постиндустриальной рыночной координации и формах государственной активности. Ведь именно они так или иначе оказались определяющими в научном арсенале Рубинштейна и его реляционной методологии.

Вернемся к цепочке теоретических понятий как единиц научного анализа. «Отношенческий» аспект социальных и экономических связей оказывается при этом в центре внимания. Если в качестве предмета теоретического анализа взять именно отношения, то возникает совершенно иной взгляд на многие аспекты общественной и экономической жизни, а также на понятийный научный аппарат. Попробую показать «отношенческий» аспект по тем институциональным средам, о которых пишет Рубинштейн.

Прежде всего это рыночное институциональное пространство. Тезис об однозначности рыночного выбора, субъективности предпочтений и, соответственно, интересов индивидуумов в теориях мейнстрима в той или иной степени уже подвергался коррекции (Ольсевич, 2013). В этом

смысле интересен анализ разницы понятий предпочтений и выбора в рамках рыночного поведения агентов (Hausman, 2011). Оказывается, между этими двумя базовыми понятиями стоит опосредующее их в качестве самостоятельного фактора понятие «мнение», в свою очередь, зависящее от получаемой агентом информации. Критика мейнстрима развивалась главным образом в направлении асимметричности информации и ограниченной рациональности. Но если учесть в анализе опосредующее понятие «мнение», то это подводит уже к аспекту отношений. «Мнение» толкает агента к поиску уточняющей информации, выявлению тех агентов, которые имеют сходное «мнение» (как и противоположное), а значит, к координации рыночного поведения не только на основе ценовой информации, а в системе тех или иных отношений.

В постиндустриальной экономике происходит бурное развитие цифровых технологий, позволяющих агентам переходить в интерактивный режим деловых контактов, на прямые кооперационные связи. При этом получать информацию о производителях, потребителях и других партнерах по производственно-хозяйственной кооперационной сети, об их предпочтениях и интересах можно напрямую, в онлайн-режиме, непосредственно передавая друг другу необходимые данные, быстро и оперативно согласовывая действия и находя компромиссные решения. Еще более широкие информационные возможности дают базы данных интернет-компаний. Главное заключается в том, что принимать решения можно не по стандартным рыночным критериям, а исходя из сетевых возможностей согласования интересов, минуя или даже при необходимости нарушая ценовые рыночные сигналы. Отношенческая сетевая координация получает новую информационно-технологическую основу и новый, более разнообразный круг участников.

При этом предпочтения индивидуумов могут агрегироваться совершенно иначе, нежели на традиционном рынке. Повторюсь еще раз – сети, неформальные отношенческие

образования существовали и раньше, однако теперь им есть на что опереться при поиске вариантов. Деловые отношения могут быть оформлены, как и прежде, через стандартные контракты (двухсторонние или более сложные). А могут быть сетевыми, т. е. базироваться на конкретных согласованиях временных индивидуальных интересов, формальных и неформальных. Один и тот же агент имеет возможность реализовать свои интересы в составе многих различных сетевых переплетений, причем с различной степенью правовой жесткости. При таком раскладе в сферу согласуемых интересов попадают не только специфические деловые цели, но и то, что, собственно, и экономическим, рыночным интересом названо быть не может. Опыт ряда сетевых образований (например, итальянских кластеров) свидетельствует о возможности успешного решения задач социального, культурного, образовательного развития. Нередко решать эти задачи приходится во взаимодействии с властными структурами, активно включающимися не только в финансирование, но и в совместное с участниками сетей нахождение и определение параметров этих задач. И в таком случае, видимо, не всегда просто разделить сводимые и несводимые интересы социальных общностей, а также рыночную и политическую (возможно, также социокультурную) ветвь их институализации. Борьба за влияние на общество между бизнесом и государством еще только разворачивается (*Майклуэйт, Вулдридж, 2010*).

Теперь несколько слов об общественном и государственном институциональном пространстве. Одним из определяющих факторов развития сетевой рыночной координации стало формирование сетевого общества, т. е. становление широкомасштабных сетевых социальных взаимодействий. Социальные сети стали тем цементирующим связующим звеном, которое обеспечивает в современном обществе формирование общих, понятных целей и использование общих и понятных средств их реализации. Возможность быстро мобилизовать участников социальной сети для совместных действий создает условия реализации как общих для всех

целей, так и отдельных, индивидуальных. При этом все участники получают быстрый доступ к необходимой информации и стимул активно обмениваться ею (Nuxham, 2003)²³.

Сетевые отношения по самой своей природе призваны выявлять и институционализировать потребности, предпочтения и интересы не только отдельных индивидуумов, но и их интегрированных групп самого разного масштаба. Сети разнообразны и решают для своих участников разные типы задач. По характеру этих задач и степени интегрированности участников различают предпринимательские (деловые) сети, сети поддержки (круг хорошо знакомых лиц и организаций), иерархические сети (использование контактов более опытных и авторитетных участников сети новыми членами) (Инновационное..., 2009). Под воздействием сетевых связей постепенно меняется структура самосознания общества и многие общественные отношения. Это не может не затрагивать в том числе и интересы общества как социальной целостности (несводимые), и механизмы их формирования.

Было бы совсем неверно расценивать бурно развивающиеся социально-сетевые отношения только как позитивное явление. Уже на начальном этапе формирования сетевой организации общества и экономики становятся очевидными ее возможные негативные стороны. Конструктивные решения требуют более совершенной организации, чем спонтанное сетевое взаимодействие. Требуется также определенная зрелость и готовность к сотрудничеству большей части звеньев сетей, нацеленность на развитие и прогресс, а не только на оппонирование власти. Самая большая опасность заключается в том, что сети могут подавлять и спонтанно выталкивать из своей среды не согласных с большинством. А ими как раз могут оказаться те самые пассионарии,

23. Вот типичный пример. Когда писалась эта статья, как раз разворачивались события вокруг процесса над А. Навальным по «Кировлесу». Через социальные сети были очень быстро мобилизованы и соответствующим образом настроены десятки тысяч граждан, вышедших на митинг протеста. Мотивировка, полученная из информации социальных сетей, оказалась намного сильнее официальной.

которые раньше и лучше других распознают критические проблемы социума (Рубинштейн, 2012. С. 21–23).

В сетевой парадигме в корне меняются место и функции государства. Привычный тезис о сокращении масштабов и роли государства, в том числе в экономике, уже явно недостаточен. Эта роль меняется в принципе. Дело не в том, больше или меньше государство регулирует экономику, более или менее жестки создаваемые им рамки предпринимательской деятельности. И даже не в том, что иерархическое бюрократическое государство не справляется в должной мере с теми задачами, которые ему ставит общество. Смысл современных сдвигов заключается в том, что выросло и укрепилось мощное сообщество сотрудничающих частных компаний, научных и образовательных организаций, профессиональных объединений, различного уровня политических структур и различного уровня общественных организаций. Всех агентов этого сообщества объединяют не властные отношения, не субординация, а социальное взаимодействие и партнерские отношения (Дракер, 2010; Смородинская, 2012)²⁴. Возникает понятие так называемого функционального плюрализма, базирующегося на согласованной работе (*collaboration*) всех общественных, политических (в том числе государства) и экономических институтов.

В свете сетевой парадигмы интересно взглянуть и на методологическое положение Рубинштейна об участии индивидуумов в формировании нормативного интереса общества (Рубинштейн, 2012. С. 22–24). Здесь он остается в рамках любимой концепции несводимых интересов. Оговорившись, что последние определяет не какая-то абстракция, а «конкретные люди, вступающие в определенное взаимодействие между собой и с существующими институтами», он вводит категорию «других людей» с «другим поведением»

24. Многие авторы ссылаются на пример программы Великобритании «Big Society, Not Big State» («Большое Общество вместо большого государства»). Программа предполагает беспрецедентное сокращение госсектора и передачу значительной части полномочий государства на уровень самоорганизующихся социальных сетей.

(Рубинштейн, 2012. С. 23). И вот главное – этими «другими людьми» оказываются небольшое количество избранных индивидуумов, облеченных правом самостоятельно определять нормативные интересы. Грубо пересказано, но смысл именно в этом. И действительно, в современных реалиях сосуществуют обе системы – отбор нормативных ценностей «другими людьми» и выработка общественных приоритетов в результате согласованных социальных взаимодействий. Вопрос только в том, сможет ли общество мирно выйти из этой потенциально конфликтной ситуации.

Все-таки в новейших условиях утверждение, что институты гражданского общества способны уменьшить отклонение общественных интересов, сформулированных политиками, от интересов социума (Рубинштейн, 2012. С. 25), представляется недостаточным. Сами институты пока весьма несовершенны и едва ли способны в их нынешнем виде выполнить эту задачу. В то же время быстрыми темпами оформляется сетевое социальное взаимодействие, вполне способное вырастить собственные институты с собственным пониманием общественных интересов и методов их реализации. Видимо, в сложившейся ситуации необходимо встречное движение традиционных общественно-политических структур и иерархий и интенсивно оформляющегося сетевого сообщества, опирающегося на активный, продвинутый и требовательный «креативный класс».

Неоклассическая традиция и структура реального капитала

И еще один вопрос. Мы исходили из того, что реляционная методология Рубинштейна при всех ее тонких нюансах остается, тем не менее, в рамках неоклассической теоретической традиции. Данная же статья является попыткой показать наступление на эту традицию новых тенденций, которые несет с собой постиндустриальная экономика. Многое пришлось утрировать, чтобы обратить внимание на агрессивность этого наступления и неизбежность его

последствий для теоретического осмысления. Такое осмысление, несомненно, еще впереди. А пока приходится констатировать, что современная реальная экономика, изучение которой явно отстает в последние годы от многих других аспектов теоретического знания, сильно отличается от традиционных макро- и микроэкономических представлений о ней. Акцентируя внимание на постиндустриальных трендах, принципиально важных для модификации экономической методологии социального либерализма, я оставляла без внимания тот факт, что реальная экономика имеет свои «родовые свойства», недоучет которых может привести к искаженным представлениям.

Одно из таких «родовых свойств» – системная структура основного реального капитала, без понимания реакции которого на постиндустриальные импульсы теоретическое представление правильным быть не может. Массовое появление сетевых отношений в обществе и экономике, как было показано выше, связано обычно с современными ИТ-технологиями и так называемым пятым технологическим укладом. Однако адекватная структура основного капитала в реальном процессе поступательного развития складывается как результат длительного становления и роста. Между тем проблемы расширенного воспроизводства если и исследовались экономической теорией в ходе последних десятилетий, то сводились в лучшем случае к стоимостному аспекту, а закономерности материально-технического базиса, принципы возникновения, расширения и доминирования тех или иных реальных отраслей и производств редко оказывались в сфере научного внимания. Тем самым от этого внимания ускользал фактор неравномерности развития и неоднородности структуры реального капитала, т. е. той материальной среды, в которой возникают и действуют экономические агенты, индивидуумы, интегрированные социумы, политические и экономические институты.

Огромная постиндустриальная надстройка над реальным сектором только тогда и будет способна решать свои

задачи, когда и если будет опираться на мощный, постоянно обновляющийся реальный капитал. Кстати, в развитых странах постиндустриальная эйфория все-таки не привела к разрушению крупных пластов промышленного капитала даже в 1990-е и 2000-е годы, когда обновление основного капитала было весьма скромным. В свою очередь, недопущение сворачивания основного капитала невозможно без адекватного системного доступа к денежной ликвидности.

Вырисовывается системная картина качественной структуры современного реального капитала. Отрасли реального производства (прежде всего обрабатывающие) сильно различаются не только из-за накопленного отставания части из них, но и по причине общей логики воспроизводства. Научным интересом к этим закономерностям объясняется, наряду с прочим, ренессанс современного марксоведения²⁵. Возникла настоятельная необходимость понять движение денежного капитала и денежного обращения во взаимосвязи с кругооборотом производительного капитала в его материально-вещественной форме. Теоретический мейнстрим обходился без этого, ибо научная парадигма опиралась на хорошо известную и всесторонне описанную рыночную координацию путем ценового механизма рыночного обмена. В постиндустриальной экономике структура материально-технического базиса настолько усложняется, что ограничиваться лишь исследованием «популяции фирм» просто невозможно. Материальной основой общественного воспроизводства является множество подсистем, представленных множеством популяций (Макаров, 1997). Один из главных отличительных признаков таких популяций – возраст и стадия жизненного цикла основного капитала. Анализ по этому признаку исключает восприятие материального

25. Воспроизводство основного капитала в глазах современного исследователя предстает гораздо более сложным процессом, чем его видел Маркс. Теоретический анализ воспроизводства, адекватный современным реалиям, предполагает не только натурально-вещественный аспект, но и стоимостной, который Марксова концепция игнорировала (Маевский, 2010; Маевский, Малков, 2011).

базиса как монолитного и предполагает сосуществование разновозрастных подсистем (Маевский, Малков, 2011).

Материально-технический базис современной экономики, таким образом, представлен разными группами отраслей и производств. Повторю – отраслевая структура зависит не от того, насколько далеко продвинулась экономика по пути постиндустриальных изменений, а от объективно заложенных пропорций новых и старых отраслей и их жизненных циклов. Можно дискутировать о деталях и критериях развитости (или отсталости), но важно главное: в экономике закономерно сосуществуют зоны ценовой и сетевой координации, они не просто параллельно развиваются, а взаимодействуют между собой, обогащая и поддерживая друг друга.

И в этой связи важно понимать, что и реляционная методология теоретического анализа, и ее главные рабочие идеи должны принимать в расчет современную специфику возникающих институциональных пространств. Понимая это, Рубинштейн и говорит о «факторе неопределенности», «некоторых приближениях интересов общества как такового». Возмущающее воздействие на нормативный интерес, который «всегда будет отличаться от реальных потребностей социума», отмечает он, оказывают и интересы правящих элит, и целевые ориентиры правящих партий и коалиций. Возможности демократических институтов гражданского общества, видимо, действительно «способны уменьшить отклонение» (Рубинштейн, 2012. С. 25). Но это все-таки опять одномерная логика в рамках неоклассической парадигмы. Для нее и сейчас имеется достаточное институциональное пространство. Однако нельзя не видеть встречного движения сетевых структур с их иными принципами общественной и экономической координации. Желательно, конечно, чтобы это встречное движение принесло позитивный результат, но большой уверенности в российских условиях для этого нет. И, похоже, сетевая координация в ближайшей перспективе может оказаться сильнее.

1.3. Рыночная координация воспроизводственных взаимодействий²⁶

Неоклассическое теоретическое объяснение организации рынков получило важный импульс с появлением знакового труда Ж. Тироля «Рынки и рыночная власть: теория организации промышленности» (*Tirole, 1988; Tirole, 1996*). Это было подобно тому повороту, какой произвела в свое время «Природа фирмы» Р. Коуза, открывшая границы фирмы (введя для этого понятие трансакционных издержек)²⁷. Современная концепция организации рынков, продолжив традицию неоклассики, добавила к теоретическому объяснению понимание неразрывности материально-технического аспекта формирования рынка и его агентов с законами их рыночного поведения. В этом не было нужды при неоклассическом описании рынков. Однако для объяснения структуры рынков, рыночных стратегий его акторов, принципов рыночного доминирования только категорией совершенной рыночной конкуренции (главным образом, рисков высокой степени концентрации и монополизации) оказывалось уже недостаточно.

Законы рынка и рыночного поведения без привлечения реальных материально-технических характеристик объяснить невозможно, т. е. невозможно объяснить рынок без изучения организации. Это относится и к природе фирмы, и к ее поведению на рынке, и к отраслевой структуре. Отсюда вытекает также отношение к государственной власти и к государственному вмешательству в рыночные отношения. Важно понять ту грань, за которой регулирующая функция власти объективно может войти в противоречие с ограничивающим воздействием на организацию реальных материально-технических факторов.

26. Дерябина М.А. Рыночная координация воспроизводственных взаимодействий // *Общественные науки и современность*. 2016. №6. С. 153–164.

27. Оба автора – лауреаты Нобелевской премии по экономике: Р. Коуз – 1991 г., Ж. Тироль – 2014 г. Мотивировка Нобелевского комитета подчеркивает значимость анализа в работах Тироля «рыночной власти и регулирования», причем в центре этого анализа стоит объяснение рыночного равновесия, устанавливаемого крупными компаниями, и методы их регулирования.

Одной из наиболее актуальных задач модернизации российской экономики стала необходимость конвертировать финансовые потоки, денежные ресурсы в новые реальные активы, способные генерировать постоянный доход. Найти качественное реальное обеспечение для обесценивающихся денежных ресурсов — задача очень сложная. Эффективные проекты, тем более мегапроекты, с прицелом на перспективу не всегда адекватно описываются в денежном выражении. А ведь возможность запустить масштабные реальные проекты — одно из решающих конкурентных преимуществ. И даже ограниченность денежных ресурсов не должна отодвигать решение этой проблемы, скорее наоборот. В условиях сжатия кредитных ресурсов (а для России и недоступности внешних рынков капитала) необходимость эффективных реальных проектов только возрастает. В каком-то смысле промышленный капитал должен потеснить финансовый, а государственная промышленная политика — временно перехватить инициативу у рынка. Понимание этого объясняет подъем интереса теоретической мысли к проблемам организации, который наблюдается в настоящее время. Развитые страны в последние годы активно возвращают реальные производства в метрополии, обращаются к продвинутой промышленной политике. Россия во многом воссоздает промышленный капитал заново, а для этого тем более требуются соответствующие организационные и институциональные предпосылки.

Не в последнюю очередь эта задача предъявляет требования к пониманию рыночной координации в современной экономике. Структурные сдвиги и заявленное импортозамещение предполагают относительно быстрое и грамотное перестроение массы кооперационных производственно-хозяйственных связей. При этом неизбежно освоение новых форм горизонтального кооперирования и методов горизонтального управления, сетевого взаимодействия фирм и организаций, включая институты гражданского общества.

Организация и рыночные взаимодействия

Из всего множества и разнообразия рыночных взаимодействий для организации реального сектора важны формы и принципы рыночной координации – от хорошо известных в неоклассике и неoinституциональной теории до формирующихся в новейшее время. В системе рыночных отношений на передний план выдвигаются свойства и объяснения организации, важные для механизмов сделок. В свою очередь, фирмы обнаруживают мотивы организации, порождаемые стремлением к более сильной позиции на рынке, к монопольному или доминирующему положению, к власти и рыночной силе. Позиционирование фирмы определяется не только ее природой как единицы предпринимательской деятельности, минимизирующей затраты (ею она остается всегда), но прежде всего ее местом в системе рыночных взаимодействий.

В упомянутой исследовательской программе Тироля фирма рассматривается в системе отношений конкуренции, а методологически – в теории организации рынков (*Тироль*, 1996). Ответ на вопрос о природе фирмы как единицы коммерческой деятельности Тироль видит в проявлении «монопольной силы», не всегда явно наблюдаемой и не всегда подвластной закону. Это отличает данную исследовательскую программу от большинства известных направлений теории фирмы. Рассматривая сущность фирмы в координатах рынка и рыночной власти, Тироль выделяет ряд характеристик, связанных с организацией рынка и его акторов. И первая такая характеристика – «лазейка для проявления монопольной власти». При этом в качестве «лазеек» используются известные в принципе (и в неоклассике, и в неoinституционализме) свойства природы фирмы и ее интересы, но рассмотренные в аспекте рыночных связей и взаимодействий.

Отмечу также пронизывающий всю исследовательскую программу особый интерес Тироля к источникам и формам проявления монопольной силы на рынке и ее механизмам. В качестве таковых, понятно, называется ценовая

дискриминация и возможность контроля промежуточных цен. Стремление увеличить монопольную силу побуждает предпринимателя к интернализации в рамках фирмы таких видов деятельности, которые не обязательно по своей природе требуют организационного объединения (Тироль отмечает, что большинство внутренних сделок «не наблюдаемы») и вполне могли бы реализоваться через стандартные механизмы рыночного обмена. Что же до трансфертных цен, то они тем более носят нерыночный характер, скрывая занижение равновесных рыночных цен, делая также «не наблюдаемым» внутренний оборот в рамках фирмы.

Известна широко используемая корпорациями практика сокрытия масштабов внутреннего оборота от финансового и налогового контроля (например, уход от налога с продаж). Известны и трудности выявления истинных мотивов многих организационных решений. Интегрируясь с одним, «своим», актором, фирма может ставить в дискриминационные условия других. На поверхности организации хозяйственного оборота могут использоваться известные стандартные аргументы типа экономии от масштаба и рациональной вертикальной хозяйственной интеграции, горизонтальная интеграция вплоть до слияний и поглощений, трактуемая как расширение бизнеса, и многое другое. В действительности же главный мотив — наращивание монопольной силы.

Фактор экономии от масштаба заслуживает специального внимания. Главным аргументом в его пользу в литературе обычно называется экономия на удельных затратах. Это может быть экономия и собственно на производстве, и за счет совокупных резервов, и на функциях управления (*Robinson, 1958; Williamson, 1975*). Во многих случаях все эти виды экономии вполне могут быть получены на основе стандартного рыночного соглашения, а производственная функция с возрастающей отдачей от масштаба не обязательно реализуется только в рамках отдельной фирмы. Зато стремление увеличить переговорную силу и доминирование на рынке неизменно подталкивают предпринимателя к соответствующим

организационным решениям, где это возможно, с использованием аргументов «экономии от масштаба».

Усиление рыночных позиций требует скоординированных действий отдельных игроков чаще всего за счет той или иной формы организационной интернализации. С одной стороны, на рынке приходится противостоять разнообразным рискам, а с другой — необходимо иметь достаточную переговорную силу для противостояния возможному давлению властей. Поэтому между организациями разного типа возникают и развиваются долгосрочные взаимодействия и связи, помогающие поддерживать друг друга в стремлении к устойчивому положению на рынке, а в идеале — к откровенному доминированию. Выгода от доминирования по сравнению с иными акторами в определенных сегментах рынка в этом случае может быть получена в результате так называемых специфических инвестиций и создания специфических активов. Специфичность активов — тот инструмент, который обеспечивает долгосрочность отношений звеньев интегрированной структуры и укрепляет соответствующие контрактные связи (Williamson, 1983). В результате формируется то, что Тироль и Уильямсон называли двухсторонней монополией в случае, когда долгосрочные связи на базе специфичных инвестиций устанавливали производитель и покупатель. В реальной экономике чаще встречаются так называемые многопродуктовые монополии, организующие в своих рамках необходимое количество акторов.

Аналогично формируются и более сложные и многосторонние монополии, организационно объединяющие рыночных игроков в результате специфических инвестиций. Регулируется их создание через специфические инвестиции *ex ante*, способные принести гарантированный уровень дохода *ex post*. После того, как сделан выбор из множества потенциальных партнеров и реализованы *ex ante* специфические инвестиции, интерес к максимизации результатов *ex post* становится общим для всех участников контракта. Рыночная сила такой монополярной структуры увеличивается

по сравнению с остальными субъектами рынка. Это не значит, что сделки происходят просто и бесконфликтно. Всегда существует угроза отказа акторов от продолжения связей на любом этапе. Потенциальные партнеры проходят сложные многоступенчатые стадии согласований, торга за доходы, за уровень внутренних цен и оценку необходимых издержек. Причем, как правило, сознательно скрывается или искажается имеющаяся у партнеров информация по соответствующим сегментам рынка и по характеру самих специфических инвестиций (двухсторонняя асимметричность информации)²⁸.

Что же касается самих краткосрочных, а тем более долгосрочных контрактов, то главной проблемой, по общему признанию, для принятия организационных решений оказывается их неполнота²⁹. Из-за неопределенности трансакционных издержек как до заключения контракта, так и в ходе его реализации (т. е. всех расходов и выгод *ex ante* и *ex post*) контракт в принципе не может быть полным (Институциональная..., 2005). Поэтому выбор степени полноты и формализованноеTM рыночной связи может осуществляться только из промежуточного варианта между отсутствием контракта (т. е. рыночное взаимодействие через ценовой механизм) или полным контрактом (что возможно только теоретически). Именно этим объясняется необходимость прибегать в процессе торга к помощи независимой третьей стороны (арбитраж).

Рыночное взаимодействие и взаимозависимость фирм, особенно их поведение в неопределенных или в непредвиденных ситуациях, связаны с понятием рыночной власти. Сразу определимся, что рыночная власть хотя в известном смысле и коррелирует с механизмами государственной власти в экономике, конечно же, не аналогична ей. Рыночная

28. Имеются в виду многочисленные и хорошо описанные в литературе возможные формы оппортунизма.

29. Неполнота контрактов объясняется, наряду с прочим, тем, что в момент их заключения невозможно четко определить обязанности сторон, распределение издержек и выгод, а также ответственность сторон при любых обстоятельствах.

власть в рамках межфирменного взаимодействия не означает безоговорочного диктата в принятии решений. Скорее это комплекс полномочий, влияния и преимущественных прав в условиях неопределенности, в том числе правовой. В нормальном варианте рыночного взаимодействия такие полномочия бывают естественным образом сосредоточены в руках какой-то одной стороны в процессе торга заинтересованных участников. В условиях, когда полностью специфицировать все права всех сторон невозможно (как невозможен полный контракт), облечение властью и влиянием одной стороны может оказаться даже предпочтительнее, чем третейский суд (арбитраж). Это не означает, правда, что какие-либо полномочия вообще не могут быть переданы на усмотрение других участников процесса торга или третьей стороне. Важно в принципе оставаться субъектом власти. А главное в реализации рыночной власти — возможность перераспределения выигрыша от сделки в свою пользу.

В литературе о рыночных сделках властью всегда называли возможность принятия решений через контроль, соответственно, со стороны поставщика или покупателя (производителя или потребителя) (*Grossman, Hart, 1986*)³⁰. Имеется в виду способ распределения остаточных прав контроля в пользу одной из сторон — по всем или по некоторым спецификациям прав. Как отмечалось, существенно при этом, что распределение власти дает преимущество в разделе выгоды от сделки. А это уже становится стимулом к инвестициям. Для российской деловой практики в отсутствие полных контрактов наиболее результативный способ защиты специфических инвестиций — право собственности.

Таким образом, право собственности (через соответствующую спецификацию) оказывается в российских условиях необходимым и наиболее надежным инструментом получения и удержания рыночной власти. Этим нередко

30. Понятно, что в реальных сделках, как правило, речь идет не о двухсторонних, а о многосторонних и многоступенчатых соглашениях.

объясняется странный характер организационных решений и организационной структуры, когда активы приобретаются не по мотивам рациональности и организационной стратегии фирмы, а в целях создания потенциальных резервов для подкрепления возможных инструментов власти. При этом почти никогда речь первоначально даже не идет об инвестициях в специфические активы ни *ex ante*, ни *ex post*. А серьезные изменения в общей, в частности организационной, стратегии фирмы почти всегда связаны с соответствующими изменениями в составе собственности.

Организация и рыночная координация

Насколько известно, в литературе нет устоявшегося понятия, тем более общепринятого термина, характеризующего координацию. С теми или иными вариациями общий смысл рыночной координации определялся как упорядочение действий субъектов рынка через взаимодействие спроса и предложения и равновесные цены. Координация действий субъектов рынка возможна также с помощью инструментов власти. Обе эти формы координации базируются на определенных правилах и нормах, которые характеризуют не только формы взаимодействия субъектов рынка, но также и способы их организации.

Неоинституциональная теория упорядочила трактовку координации через крайние варианты механизмов организации — от рынка до фирмы (Коуз, Уильямсон). Координация стандартных рыночных взаимодействий через механизмы сделки (контракты) принципиально отличается от координации в рамках фирмы, целиком определяемой решениями (властью) предпринимателя³¹. Есть, однако, опасность упрощения трактовки координации, если ограничиться в ее понимании только этими полюсами. Классические отношения конкуренции большого числа участников рыночных взаимо-

31. Корпорации «внутри себя» антирыночны, так как координация действий достигается через указания предпринимателей, а не через рыночные взаимодействия. Рыночная координация заканчивается «перед дверью» предприятий, а дальше начинаются приказы (Линдблом, 2010).

действий рано или поздно получают оформление в двусторонних контрактах, в результате чего рыночные взаимодействия замещаются неконкурентными по сути отношениями, т. е. происходит фундаментальная трансформация», поддерживаемая внутренним единством природы фирмы и рынка (Уильямсон, 1996).

Кроме того, внутрифирменные отношения, координируемые командами менеджмента и оформляемые отношенческими контрактами найма, не могут просто оставлять вне сферы внимания такие факторы, как престиж и масштабы фирмы, соотношение интересов руководителей и подчиненных, климат в коллективе, культура организации в компании, а главное – внутренние коммуникации и обмен знаниями между работниками всех уровней. Именно эти факторы помогают выработать стратегическое направление развития фирмы, вектор ее будущей динамики. А фундаментальный организационный вопрос – «сделать самому или купить на открытом рынке?» – стоит перед менеджментом постоянно. То есть раз и навсегда данный выбор между фирмой и рынком невозможен³².

Теоретическое объяснение взаимодействий субъектов рынка последовательно развивалось во взаимосвязи с теорией фирмы. Наиболее значимыми вехами этого процесса в течение длительного времени была неоклассическая теория, доработанная и расширенная позднее в рамках неoinституционализма. Причем это теоретическое продвижение было весьма существенным для понимания как собственно организаций, так и координации их взаимодействий. Рассматривая фирму как организационную форму преобразования ресурсов в продукт (производственная функция), неоклассика видела смысл координации в регулировании и рациональном устройстве обмена товарами и услугами через сделки, выгодные участвующим акторам. В своей известной статье «Организации

32. Характерно, что внутреннее единство фирмы и рынка, возможность «фундаментальной трансформации» вызывает возражения в правовом контексте, исходящем из принципиальной разницы между юридической конструкцией фирмы и рынка как институтов (Hodgson, 2002).

и рынки» Г. Саймон, характеризуя смысл неоклассического подхода к организации, именно рынки называл «центральной фигурой» теории (Simon, 1991). Именно рынок задает цены продуктов и факторов производства (вход—выход), информация о которых беспрепятственно получается акторами (фирмами). К координации действий фирм на рынке, по неоклассике, не имеют отношения ни их внутреннее устройство, ни социальные процессы, происходящие в их рамках.

Неоинституциональная теория, развивая исходные предпосылки неоклассики, также сохранила в центре внимания рынок и обмен. Ценовой механизм также рассматривается как сила, организующая и интегрирующая отдельных производителей, создавая рынок из хаоса автономных организаций³³. Однако неоклассическая теоретическая конструкция кардинально переменилась, когда ее центр тяжести переместился с цен на контракты и в качестве инструмента анализа появились трансакционные издержки. Необходимость иного, нежели ценовой механизм, способа рыночной координации выдвинула на передний план предпринимателя с его менеджерским ресурсом реструктуризации и сокращения рыночных издержек (Коуз). Фирма на рынке — уже не «черный ящик», а субъект со своими границами, масштабом, структурой и внутрифирменными отношениями. И что особенно важно — с внутрифирменными трансакционными издержками.

Развитие координации приобретает свой организационный вектор. В непрерывном, постоянно меняющемся организационном поле сосуществуют рынок и фирма как взаимодействующие организационные формы координации. Границы между ними подвижны и взаимозависимы. Уже упоминавшаяся дилемма предпринимателя «сделать самому или купить на открытом рынке» — лишь часть проблемы.

33. Наверное, этот подход, имея свои определенные теоретические цели, не противоречит в принципе объяснениям интегрирующей координации хозяйственных процессов через разделение труда. Экономическая теория слишком часто, к сожалению, игнорирует материально-технические основы развития, непрерывную дифференциацию хозяйственной деятельности, уходя в сферу стоимостных категорий.

Целостность фирмы обеспечивается не только производственно-технологическим единством, но и единством особых социальных отношений, отличных от просто обменных. Фирма в этом смысле рассматривается как некий кластер особых социальных отношений, зафиксированных в контрактах между собственниками ресурсов, наемными работниками и особым агентом, осуществляющим контроль (*Alchian, Demsetz, 1972*)³⁴. Подобно тезису Уильямсона о внутреннем родстве фирмы и рынка А. Алчиан и Х. Демсец в упомянутой статье трактуют фирму как рынок, находящийся в частном владении. Вместе с тем в работах этих авторов уже проскальзывает мысль об особом источнике большей производительности фирмы по сравнению с обычными контрактными отношениями самостоятельных акторов. Источник этой особой организационной производительности — командная (согласованная) деятельность в рамках фирмы. В организационном поле появляется, таким образом, еще одно пространство.

Разрабатывая свою теорию экономической организации, Уильямсон тоже отталкивался от рынка. В основе его теоретической конструкции, так же, как у Коуза и его последователей, фирма возникает в местах «провалов» рынка, восполняя пустующие звенья рыночной координации. И даже теоретическое обоснование внутрифирменной иерархической координации прямо исходит из необходимости заполнения тех зон, где рынок оказывается несовершенным — «в начале были рынки» (*Williamson, 1975*). Пространство свободных рыночных обменов может претерпевать возмущающие воздействия особых условий контрактных отношений — ограниченной рациональности субъектов этих отношений, вероятности их оппортунистического поведения и специфичности используе-

34. М. Белоусенко, ссылаясь на работы А. Алчиана и Х. Демсеца, приводит подробное описание их концепции внутрифирменных социальных механизмов, образующих в конечном итоге «классическую капиталистическую фирму» (*Белоусенко, 2006*). Она характеризуется тем, что собственники активов через систему отношений найма (контрактов найма) получают право на мониторинг процесса труда во всей организации. Это и есть основа властных отношений внутри фирмы (*Williamson, 1975*).

мых активов («триада Уильямсона») (Белоусенко, 2006). Эти воздействия и толкают предпринимателя от полюса рыночных взаимодействий к организации фирмы. Иначе говоря, в соответствии с неоинституциональной традицией, фирма возникает только там (и тогда), где (и когда) рынок перестает быть совершенным и обнаруживаются его «провалы».

Для понимания специфики организации рыночной координации из всех названных выше элементов «триады Уильямсона» особое, ключевое, значение имеет третий — специфичность активов. В приложении к рыночной координации это в целом, казалось бы, хорошо проработанное теоретическое положение требует дополнительного осмысления. Вкратце данный исследовательский ракурс можно свести к следующему. Основные блоки физического капитала, создаваемые разделением труда, не могут формироваться и взаимодействовать вне определенных организационных рамок. А рамки организации, в свою очередь, в значительной степени зависят от того, насколько полно и адекватно они оформляют процесс воспроизводства основного капитала. Экономическое развитие, его динамика с неотвратимой необходимостью базируются на последовательной смене поколений физического и человеческого капитала. При этом переключающийся режим воспроизводства в экономике и ее основном индустриальном ядре обуславливает одновременное сосуществование разновозрастных производственных систем (Маевский, Малков, 2013). Это верно как для экономики в целом, так и еще более — для масштабов отдельных отраслей, подотраслей, видов производств, взаимосвязанно существующих в форме активов различной специфичности³⁵. Разновозрастная структура физического капитала требует

35. Физический капитал — это материально-техническая основа производственного процесса (комплексы машин, оборудования, производственных технологий), действующая в конкретных производственных целях. Специфичность физического капитала состоит в том, что он не может быть использован в других производственных целях или это использование будет связано с существенной потерей стоимости. Специфический человеческий капитал — это уникальные профессиональные знания и опыт, которые невозможно легко и быстро скопировать и накопление которых требует времени и инвестиций.

соответствующей структуры издержек на его функционирование. Одни производственные комплексы (относительно молодые) способны функционировать в течение более или менее длительного времени без крупных транзакционных издержек, другим для сохранения в качестве активов необходимы меры, связанные с дополнительными инвестициями *ex ante* (реконструкция, капитальный ремонт или более масштабная модернизация). Причем финансироваться данные транзакционные издержки могут и из собственных ресурсов, и в кооперации с другими производственными системами. Это неизбежная закономерность индустриальной экономики, базирующейся на капитале и механизмах его воспроизводства³⁶. Капитал – сложный агрегат, который, хотя и состоит из отдельных частей, существует все-таки как целостность (Маевский, Малков, 2013).

Специфические активы, таким образом, возникают двумя путями. Во-первых, специфичность обуславливается местом актива в объективно возникающей и постоянно воспроизводящейся разновозрастной структуре капитала как ее закономерного элемента. При этом важно, что эти производственные системы изначально являются самоорганизующимися системами, т. е. создающими для себя собственные специфические правила. Во-вторых, специфический актив может целенаправленно создаваться предпринимателем для реализации конкретной бизнес-идеи. Для собственника активов независимо от пути их формирования всегда существует необходимость выбора формы и устойчивости взаимосвязей либо в рамках своей организации, либо в кооперации с другими собственниками, т. е. той или иной формы рыночной координации.

Итак, фундаментальный вопрос выбора организационной формы координации, стоявший на всем протяжении

36. В. Маевский замечает, что едва ли можно считать корректным и полным описание воспроизводства общественного капитала, не учитывающее переключающийся режим воспроизводства (Маевский, Малков, 2013). Это значит, что и разновозрастной характер производственных систем должен учитываться как фактор организации капитала и его воспроизводства.

индустриального этапа экономического развития, – рынок (ценовой механизм) или иерархия (фирма) (Дерябина, 2011). Теоретико-методологическое пространство этого поиска довольно широкое – от классической и неоклассической ортодоксии, институциональных и неинституциональных подходов до более прагматичных теоретических конструкций, учитывающих современные реалии. Это и ресурсная теория фирмы (в том числе теория знаний как главного стратегического ресурса), и теория динамических способностей, нацеленная на адаптацию организационных решений к условиям быстро меняющейся конкурентной среды, и предпринимательские (менеджеральные) теории, направленные на поиск организационных решений для бизнес-идей. Наконец, это одно из новых направлений экономической теории – поведенческая экономика (Капелюшников, 2013).

Организация в теории рыночной координации

Как видим, в индустриальной экономике шкала выбора организационных решений последовательно формировалась в процессе теоретического объяснения и методологической разработки ряда принципиально важных положений. Прежде всего обосновывался главный вопрос организации – причины и необходимость возникновения и существования фирмы как относительно обособленного субъекта хозяйства и организационной единицы наблюдения и анализа. Классическая и неоклассическая теоретическая модель предполагала существование типовой (репрезентативной) фирмы, совершенной конкуренции и рыночного равновесия на основе равновесия совокупного спроса, предложения и цен. Эта общая теоретическая парадигма последовательно развивалась в работах А. Маршалла, Д. Кларка, Э. Чемберлина и Д. Робинсон (Moss, 1984). Рыночная координация предполагалась преимущественно за счет ценового механизма и контрактов.

Неоинституциональная модель Р. Коуза, А. Алчиана, Х. Демсеца и О. Уильямсона исходила из транзакционной

природы фирмы и «замещения» в известных пределах рынка фирмой. Наряду с ценовым выделяется иерархический механизм координации, призванный снижать трансакционные издержки. При всем различии неоклассического и неоинституционального подходов к организационным критериям фирмы и межфирменной координации их идейно роднит изначальное отношение к рынку как первооснове всяческих отношений между акторами. Речь идет об уже упомянутой общей логике объяснения организации в рамках обеих теоретических парадигм — фирма возникает в местах «провалов» рынка. Концептуальное продвижение неоинституционализма состояло в поиске обоснования границ фирмы (трансакционные издержки, специфические активы), т. е. тех точек или пространств, в которых фирма может замещать рынок, тогда как неоклассики не видели этой проблемы как критерия организации.

Другим важнейшим продвижением неоинституционализма послужил сам по себе тезис о трансакционной природе фирмы. Совокупность порождающих фирму трансакций и неполных контрактов требует единого, скоординированного в соответствующем звене иерархии управления этими процессами. Такой организационно-управленческий аспект анализа помогает выбрать форму организации, которая максимально учитывала бы специфику возможных взаимодействий между субъектами контрактных отношений. И шкала управленческих механизмов для такого выбора опять-таки зависит от места и роли организации в рыночном пространстве. Так, Уильямсон видит следующую динамику форм взаимодействий. Во-первых, это «дискретный рыночный обмен» независимых собственников ресурсов (краткосрочные полные контракты). Во-вторых, это противоположная ему «централизованная иерархическая организация» отношений подчинения между наемными работниками и предпринимателями в рамках фирмы. В-третьих, это множество «смешанных или промежуточных» моделей отношений полунезависимых производителей (фирм) (долгосрочные неполные кон-

тракты), заполняющих пространство между первыми и вторыми (Уильямсон, 1996). Эти последние рассматриваются как гибридные структуры и как теоретический прообраз разнообразных объединений фирм и рынков – стратегических альянсов, консорциумов, иных договорных соглашений и сетей. Существенно при этом, что в рамках гибридных контрактов самостоятельные организации могут терять (а могут и не терять) часть своей юридической и хозяйственной независимости.

В индустриальной экономике отношения рыночной координации организовывались фирмами и рыночное взаимодействие было в основном межфирменным. Отношения же индивидов складывались и развивались в рамках фирм, а фирма позиционировалась как совокупность отношенческих контрактов, которые увязывали индивидуумов в едином предпринимательском процессе (Уильямсон, 1996). Именно поэтому координация в рамках фирмы понималась как особая форма управления, и чаще всего это была иерархическая координация. Она представляла в основном как механизм использования приказов. Управление в этом случае необходимо для организации взаимоотношений индивидов, действующих на основе добровольно заключаемых долгосрочных контрактов. Поэтому структура управления этими контрактами (отношениями индивидов) представляет собой своего рода институциональную матрицу, в которой иницируются, реализуются и прекращаются индивидуальные контракты (Menard, 2002).

В теории экономической координации, как, может быть, ни в каком другом сегменте теоретической экономики, научные исследования можно базировать на выявлении собственно экономической значимости реально существующих человеческих проблем. В теоретическую экономику, в противовес методологическому индивидуализму и конкуренции, привносятся категории взаимопомощи, сотрудничества, партнерства, кооперации. Они важны не только сами по себе, но прежде всего своей интерпретацией категорий власти

и властных отношений³⁷. В процессе эволюции экономической теории во все времена делались попытки использовать в концепциях экономического развития своего рода антитезы ключевых рыночных категорий (Кропоткин, 2007)³⁸. В XXI в. всевозрастающее значение приобретают формы рыночной координации, основанные на сотрудничестве и партнерстве, получившие название сетевых.

Сетевая, «отношенческая» координация в той или иной форме присутствовала на рынке всегда. Ее идеи исподволь развивались в общем теоретическом потоке. Но в постиндустриальной экономике происходит своего рода очередная фундаментальная трансформация отношений между субъектами рынка, влекущая за собой соответствующие изменения форм рыночной координации. Широкое развертывание горизонтальных связей и сетевых форм рыночной координации опирается на два взаимосвязанных фактора. Во-первых, имеются в виду все большие возможности бурно развивающихся информационно-коммуникационных технологий (установление разнообразных прямых связей в онлайн-режиме без посредников). Во-вторых, возникают предпосылки выхода, в том числе и на основе ИТ, отношений индивидуумов за рамки фирм на базе общих интересов и партнерства (Катуков, Малыгин, Смородинская, 2012; Болтански, Кьяпелло, 2011). Это позволяет ответить на актуальные запросы инновационной экономики — высокие требования к интеллектуальному капиталу и профессиональному уровню работников и использование преимуществ совместного труда в организованной

37. Характерный образец такого подхода к экономической методологии мы находим у Д. Макклоски (Макклоски, 2015). Обращаясь к трудам А. Смита, Макклоски видит в его теоретических построениях то, что обычно ускользало от взгляда исследователей, концентрировавших внимание на свободе сделок и владении собственностью, а именно — важность для торговли и обмена таких категорий, как симпатии и добродетель (Расков, 2015). Интересно отметить, что П. Кропоткин, также ссылаясь на труды Смита, считал способность рассуждать и общаться такой же важной характеристикой в процессе разделения труда, как и саму склонность к обмену.

38. По собственному признанию Макклоски, на ее становление как экономиста оказала большое влияние книга Кропоткина «Взаимопомощь как фактор эволюции», впервые изданная на английском языке в 1902 г. в Лондоне.

команде на началах равенства и оперативной связи между партнерами (коллаборация).

В инновационной экономике потенциал сетевой рыночной координации получает свое дальнейшее развитие. Организация рыночного взаимодействия в сетях сложнее других форм координации, и теоретические основания ее гораздо шире. В методологию теоретической экономики, наряду с традиционными категориями рыночных обменов, включаются иные, более общие характеристики отношений и взаимоотношений субъектов любой активной целенаправленной деятельности. Узловые понятия рынка и конкуренции уравниваются теорией кооперации индивидов, их взаимной поддержки ради реализации общего интереса. И что особенно важно – на основе общих интересов оказывается возможным прийти к рыночному согласию без вмешательства властных институтов³⁹ и на основе принципов, отличных от традиционно принятых в предпринимательской деятельности.

Добровольные связи формально равных партнеров позволяют частично заменить иерархический контроль контролем рыночного типа, опирающегося на потребности клиентов. Сетевая координация, таким образом, постоянно поверяется рынком. Кроме того, она способствует преодолению (точнее, уравниванию) атомизации в обществе и экономике. Совместные интересы приводят к взаимопониманию, диалогу и договоренностям не только между партнерами, но и между конкурентами, тем более, что сегодняшний конкурент завтра может стать партнером. И наоборот.

Даже краткий и вынужденно избирательный анализ эволюции теоретических подходов к организации позволяет отметить важную особенность ее оснований. Теория организации, в отличие от многих других научных дисциплин, всегда представляла некую совокупность различных школ

39. Имеются в виду не структуры государственной власти, а иерархические властные отношения в сфере предпринимательства, включая внутрифирменные.

и концепций, которые могли взаимно дополнять, а могли и противостоять друг другу. Теорию организации невозможно «подгонять» под какой-то единый метод или подход, так как сама организация – динамичная и многоликая единица человеческой деятельности с огромным разнообразием целеполагания, внутренних процессов, структуры, мотивации, стимулов и систем контроля. Основания теории экономической организации динамичны и не имеют конечного рубежа. Потенциал возможностей и энергии организации столь же беспределен, как и развитие жизненных сил общества. На практике же речь идет о бесконечном многообразии конкретных организационных форм и форм рыночных взаимодействий. Важно, что эволюция этого множества не может быть представлена как переход от доминирования одной формы к другой, как движение от менее совершенной формы к лучшим организационным решениям. В реальности складывается постоянное гибкое сосуществование, непрерывное развитие этих форм как способов существования самой материи, бесконечной и непрерывной.

1.4. Горизонтальные и вертикальные структуры в экономике: эволюция теоретических оснований⁴⁰

Структура отношений и взаимодействий экономических агентов на всех стадиях экономического развития предполагала широкое качественное разнообразие, которое в литературе обычно группируется по двум обобщающим принципам, облегчающим анализ. Это, во-первых, иерархический тип отношений, иначе квалифицируемых как вертикальная интеграция. Во-вторых, это отношения кооперации, проявляющиеся как конкуренция либо как сотрудничество и характеризующиеся как горизонтальная интеграция. В реальном

40. Дерябина М.А. Горизонтальные и вертикальные структуры в экономике: эволюция теоретических оснований // Вестник ИЭ РАН. 2019. №5. С. 9–23. DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10056.

секторе оба принципа выступают в форме вертикально или горизонтально интегрированных корпоративных и рыночных сетевых взаимодействий. Поэтому в основе анализа социально-экономических систем всегда, явно или неявно, лежит анализ принципов и форм их организации. В современной постиндустриальной экономике закономерности формирования и взаимодействия иерархических и сетевых структур остаются важным аспектом системного анализа.

Проблемы организации экономики и общества традиционно изучались в рамках двух исследовательских трендов. Во-первых, с точки зрения «всеобщей организационной науки» (по А. Богданову), т. е. как теоретические и методологические основания способов организации предпринимательской деятельности, реального сектора экономики, организации рынков и способов координации рыночных взаимодействий (Богданов, 2019). Во-вторых, как прагматичная научная дисциплина, отвечающая запросам выработки экономической стратегии, решения важных практических проблем развития и роста, способная создать необходимые теоретические и методологические основания уже для конкретной экономической политики с обязательным включением проблем властных и регуляционных отношений. Как залог успешности системных экономических изменений оба тренда должны поддерживать друг друга: концептуальные, «модельные» разработки должны опираться на адекватные инструменты их практической реализации, а институты системного реформирования (структуры, формы, нормы, правила) не должны противоречить концептуальному замыслу. При этом обязательной сферой организационного структурирования всегда была организация процессов принятия решений (Саати, 2019).

В теоретическом наследии индустриальной экономики последовательно складывались своего рода прообразы современного понимания иерархических и сетевых организационных структур отношений экономических агентов. В исторической ретроспективе господствуют два мощных направле-

ния теоретической организационной мысли — теория фирмы и теория рынков. А прообразы вертикальной и горизонтальной интеграции просматриваются в теоретическом объяснении вариантов обмена как основной формы движения продукта — либо через рыночный ценовой механизм, либо как процесс, непосредственно регулируемый предпринимателем.

От неоклассики к неоинституционализму

Значимые попытки понять и объяснить процессы, совершающиеся в рамках фирмы (в отличие от неоклассического «черного ящика»), обосновать границы фирмы в рыночном пространстве (вертикальные связи), видеть природу и формы рыночных взаимодействий и рыночной координации (горизонтальные связи) были предприняты и последовательно развивались в рамках неоинституциональной теоретической парадигмы. Знаменитая статья Р. Коуза (Природа фирмы..., 2001) показала разную природу разделения и кооперации труда в рамках (границах) фирмы и в конкурентном рыночном пространстве. Издержки использования ценового механизма (транзакционные издержки), экономию которых не может обеспечить рынок («провалы рынка»), ведут к необходимости увести их в рамки фирмы на откуп решениям предпринимателя, осуществляющего функцию координации. Происходит «замещение» рынка и рыночной координации фирмой (с ее границами).

Дальнейшее развитие проблема вертикальных и горизонтальных отношений в рамках неоинституциональной парадигмы получила в результате методологического осмысления неизбежного поиска каждой фирмой ответа на вопрос — производить сложный продукт самостоятельно или отдать свободному рынку те или иные операции технологической цепи. Это еще один прообраз современных иерархических и сетевых отношений (Уильямсон, 1985).

Если посмотреть, какие отношения в конечном итоге лежат в основе современных сетевых бизнес-процессов, обеспечивающих цепочки создания добавленной стоимости

в суверенных и в глобализированной экономике, то можно увидеть все эти прообразы, писанные еще неинституционалистами.

Многие современные проблемы организации экономики теоретически укоренены в неинституционализме. Однако сравнительные теоретические исследования показывают, что по основным своим исходным положениям неинституционалисты все же ближе к неоклассике, чем к современным трендам. Это хорошо показано в фундаментальной работе М. Белоусенко (Белоусенко, 2006).

Суть в том, как главные неинституционалисты объясняли роль рынка и фирмы в экономике. Центральная идея, объединявшая Р. Коуза, А. Алчиана, Х. Демсеца и О. Уилсона, сводилась к тому, что рынок, и только рынок, является основой и первоначалом любой хозяйственной деятельности, а фирма с ее иерархичной внутренней координацией (которую вообще игнорировала неоклассика) возникает только там и тогда, когда обнаруживаются «провалы» рынка. Иными словами, иерархии возникают в зонах провалов» рынка (Williamson, 1975). Правда, развивая мысль о рынках и фирмах как иерархиях, теоретический неинституционализм уже видел и так называемые «гибридные» структуры – стратегические альянсы, франчайзинговые соглашения, сети фирм (кластеры), различного рода объединения самостоятельных организаций, сознательно и добровольно отдающие часть своей хозяйственной автономии и независимости. Это еще один прообраз современных сетей и иерархий (Williamson, 1996). О. Уильямсон, анализируя реальную картину эволюции организационных форм в течение более чем двухсот лет, сделал вывод: «Могут встречаться более или менее предпочтительные типы иерархии, но иерархия сама по себе неизбежна всегда, когда недопустимо жертвование эффективностью производства» (Уильямсон, 1985. С. 370). Итак, неинституционализм усматривал первооснову развития и движения организационных форм исключительно в свете теории транзакционных издержек. В отличие от неоклассики, которая вообще не

интересовалась закономерностями организации общественного производства и организацией самой производственной деятельности, неоинституционализм «заглядывал в черный ящик», но только в аспекте конкуренции транзакционных издержек и социальных структур (поведенческие характеристики), не касаясь производственно-технологического аспекта организации.

Ресурсно-ориентированный подход и «организация промышленности»

Ни неоклассика, ни неоинституционализм не видели необходимости в анализе истоков саморазвития организации, т. е. внутренних факторов, обеспечивающих рост и развитие. Ответ на эти вопросы пытается найти так называемый ресурсно-ориентированный подход к теории фирмы. Основоположителем этого направления считается Э. Пенроуз (Великобритания). Классический труд — «Теория роста фирмы» (*Penrose, 1980*). Рост и развитие (фирмы) определяется, по Пенроуз, двумя факторами. Во-первых, наличие неделимого, невозпроизводимого фонда, комплекса производственных ресурсов, создающих для их обладателей поток стоимости (конкурентное преимущество). Примечательно, что ресурсы трактуются как коллективные, т. е. их использование по отдельности и вне рамок фирмы конкурентных преимуществ и потока стоимости не дает. Во-вторых, фирма являет собой сеть административных (властных, менеджерских) отношений, координирующих использование фонда ресурсов в различных целях и в разное время (*Penrose, 1980. P. 20, 24*).

Пенроуз и ее последователи наметили еще один важный аспект организации экономики, ее структуры и предпосылок к росту. Речь идет об экспансии фирмы в другие отрасли (сферы), отличные от тех, где она была создана, о процессе диверсификации реального производства в связи с такой экспансией (*Richardson, 1972*). В этих работах можно увидеть еще один прообраз методологического и теоретического

осмысления последующего сетевого порядка. В отличие от неоклассики, видевшей причину диверсификации исключительно в несовершенстве рынка (и, соответственно, в падении прибыли), Пенроуз рассматривает диверсификацию и экспансию фирмы в другие отрасли и производства в качестве ее собственной уникальной способности использовать ресурсы для получения еще большей прибыли и порождать еще более высокий рост. Но и такая логика с современных позиций тоже «не дотягивает». У Пенроуз речь идет о категории неиспользованных или недоиспользованных ресурсов. Однако, чтобы уйти от уязвимой логики неоклассики, необходимо понять, что речь должна идти не о неиспользуемых ресурсах, а о таких, которые пока не существуют, которые еще нужно найти, создать, понять и развить. Этот логический недочет был замечен и восполнен несколько позже (*Lazonick, 2002a*).

В советской, а затем в российской традиции содержание понятия «организация промышленности» существенно отличается от принятого в западной теоретической литературе. В российских источниках под организацией промышленности понималась и сейчас понимается прежде всего отраслевая и территориальная структура промышленности, состав ее основных единиц (предприятий и организаций) по размерам и типам. В западной традиции под «теорией организации промышленности» понимается организация рынков, рыночная координация и рыночные взаимодействия. В известной работе Г. Ричардсона (*Richardson, 1972*) под организацией промышленности понималась некая «способность к организации» (*organizational capabilities*), определяемая комплексом знаний, умений и опыта в осуществлении той или иной производственной и предпринимательской деятельности.

В знаменитом учебнике лауреата Нобелевской премии за 2014 г. Ж. Тироля теория организации промышленности концентрируется на трех аспектах: вопросы теории фирмы; несовершенная конкуренция и политика общества по отношению к бизнесу (*Tirole, 1988*). Это главный круг вопросов. Теория организации промышленности в этой традиции

исследует истоки и условия рыночной власти, формы ее проявления, факторы ее удержания и утраты, ценовое и неценовое соперничество. (Используется именно термин «соперничество», а не «конкуренция»: англ. rivalry, нем. Wettbewerb, а не competition или Konkurrenz). Под влиянием Чикагской школы все большее внимание в теории организации уделяется проблемам дерегулирования, либерализации условий входа в отрасль (и выхода из нее), конкурентоспособности на мировых рынках.

Ресурсно-ориентированный подход обнаруживает еще один, едва ли не самый важный, прообраз будущих сетевых отношений. Имеется в виду способность, организационное преимущество фирмы, позволяющее организовать производство и необходимые кооперационные связи в такой форме, в какой рынок этого сделать просто не может. «Формы, в которых фирма управляет своими ресурсами и способностями, могут в результате давать высокую производительность, обеспечивая постоянный источник конкурентных преимуществ» (Madhok, 2002. P. 536). Накапливалось понимание того, что существуют способности, компетенции, взаимодействия, которые не могут быть собраны вместе в целях более высокой производительности исключительно посредством механизма рынка (Тис Д.Дж., Пизано, Шуен, 2003. С. 150–151).

До появления современных сетевых структур означенная организационная производительность достигалась в рамках фирмы. Формат фирмы до известной степени позволял соответствующим образом организовывать конкурентоспособное производство и реализовывать потенциальные конкурентные преимущества бизнес-единиц (Белюсенко, 2006. С. 87).

К сетевым организационным структурам методологически подводит идея так называемых динамических транзакционных издержек. Это важно для вертикальной интеграции стадий производства, когда необходима устойчивость отношений всех участников производственно-хозяйственной кооперации. Препятствием для эффективной интеграции промежуточных стадий технологической цепочки может быть

оппортунистическое поведение того или иного участника кооперации. А поскольку экономика подвержена частым систематическим изменениям, связанным как с техническим прогрессом, так и с рыночной средой, то организационные проблемы координации возникают постоянно. Они связаны с издержками на убеждение, ведение переговоров, координацию действий и передачу необходимых знаний участникам кооперации. Это и есть динамические транзакционные издержки (*Langlois, Foss, 2002*).

Необходимость адаптироваться к систематическим изменениям требует от фирмы (бизнес-агента) оперативного использования новых знаний и умений (организационных способностей), которыми она не располагает, но может либо получить у внешних организаций, либо вырастить их самостоятельно, что неизбежно потребует времени и затрат. Поэтому необходимо на возмездных условиях кооперироваться с теми, кто располагает данным ресурсом, как это происходит в стратегических альянсах или иных сетевых структурах. Возможно и простое поглощение фирмы с необходимыми способностями. В таком случае вертикальная интеграция является, по сути, средством ликвидации препятствий для кооперации и механизмом прямой передачи информации, стимулирования обучения в организации (*Белоусенко, 2006. С. 89–90*).

В преддверии инновационной экономики

Окончательный отрыв от традиционных трендов научной мысли о принципах организации происходил в результате отказа от неоклассической (отчасти и неоинституциональной) трактовки организации. В процессе формирования так называемой теории инновационной фирмы произошло переосмысление методологических основ организации и сложилось представление о природе организации как о постоянном динамичном наращивании конкурентных преимуществ. Достижение всех видов устойчивых конкурентных преимуществ теперь увязывается с активными инновационными процессами и соответствующими принципами организации. Теория инно-

вационной фирмы развивается в работах У. Лазоника. На формирование его взглядов, в частности, оказали влияние работы Э. Пенроуз и Й. Шумпетера (*Lazonick, 1991; 2002b*).

В условиях функциональной дифференциации, определяемой разделением труда, в рамках организационной структуры необходим «обратный» процесс интегрирования субъектов разделения труда в единое целое, работающее на достижение общей цели — создание постоянных конкурентных преимуществ. Поэтому неизбежно возникают иерархические механизмы управления. Организации стремятся найти более или менее эффективные в заданных условиях варианты дифференциации и координации труда, обеспечивающие накопление разных организационно специфических ресурсов и стараются развивать те из них, которые являются более эффективными. Те, которые являются менее эффективными, они пытаются ликвидировать. Именно это ведет к трансформации организационных структур (организационных форм), т. е. к организационной эволюции (*Белоусенко, 2006. С. 254*).

Исторический опыт крупных иерархий свидетельствует о наличии определенных закономерностей организационных изменений, ведущих к повышению эффективности в конкурентной среде (*Белоусенко, 2006. С. 299–301*). Прежде всего, речь идет о новой дифференциации во всей организации, о появлении новых линий подчинения и каналов коммуникации, а также о новых формах координации и мотивации. При этом организационные и технологические процессы неразрывны. Задача фундаментальной трансформации организационных структур специально не ставилась, она изначально была производной от стратегической цели — необходимости снижения издержек на единицу продукции под давлением конкуренции. И обратный процесс: по мере нарастания трудностей приспособления к новым условиям изменения в организационных отношениях поддерживали изменения технологий и, следовательно, трансформацию структур издержек. (*Белоусенко, 2006. С. 300*). Таким образом, одно без другого невозможно, оба фактора взаимно обусловлены.

Мезоуровень как элемент новой парадигмы

Развитые горизонтальные связи организаций на микроуровне ассоциативно воспринимаются как прообраз современных сетевых структур. Формирующиеся устойчивые пространственные, временные и функциональные структуры и взаимодействия уже невозможно просто квалифицировать как стандартные организации микроуровня, это нечто большее. Анализ таких структур логически требует введения адекватной их природе теоретической категории – мезоуровня. А теоретическая мысль еще в условиях индустриальной экономики исподволь готовилась к появлению новой парадигмы – мезоэкономики. Этому в немалой степени способствовало проникновение в экономическую теорию идей синергетики. Категория мезоуровня, например, изначально была синергетической. Микроуровень состоит из отдельных организаций, которые, собственно, и реализуют рост экономики. Этот рост, наряду с прочим, обеспечивается особыми организационно специфическими ресурсами организаций. Помимо общих потребностей роста, эти ресурсы лежат в основе еще одного важнейшего свойства экономики – они создают, формируют организационные рамки конкуренции. Организационно специфические ресурсы агентов микроуровня придают конкуренции (в отличие от рынка свободной конкуренции) особый олигополистический характер: опираясь на накопленные ресурсы (знания, технологии, опыт производственно-хозяйственной организации фирм, опыт налаживания их связей с внешней средой), отдельные, преимущественно крупные, агенты делят рынки и создают барьеры для входа новых субъектов. Организационно специфические ресурсы становятся ограничителем конкуренции в смысле входа в рынок и роста в нем благодаря тому, что их невозможно достаточно быстро скопировать другим субъектам. В этих условиях рост организаций происходит одновременно с ростом их доли рынка (Белоусенко, 2006. С. 302–304).

В защиту вертикальной интеграции и иерархических структур

Важным концептуальным, можно даже сказать, парадигмальным, элементом, на котором строились и теория фирмы Коуза, и неинституциональная теория Уильямсона, является вертикальная интеграция. Если следовать логике поиска и анализа прообразов современных иерархических структур экономики, то корни большинства из них уходят именно в вертикальную интеграцию. В основе подобного анализа исходно, первоначально лежат производственно-технологические связи, производственно-технологические цепочки, создающие каркас, несущий скелет производственной интеграции, но не исчерпывающие, конечно, всего содержания интеграционных процессов.

Вертикальная структура определяется не только своим технологическим скелетом, но также и факторами рыночных взаимодействий. И в этом смысле известные «границы фирмы», понимаемые как устойчивый скелет транзакций, раздвигаются не только по стадиям «вперед» и «назад» по технологической цепочке, но и в горизонтальном рыночном пространстве хозяйственных взаимодействий, определяемом общим характером, величиной и главным образом специфичностью активов. Таким образом, чисто технологические аспекты организации дополняются «отношенческими». Одновременно повышается значимость специфических активов. Возникает необходимость согласованно решать задачи эффективной организации специфических активов в производственном и в хозяйственном аспекте.

В дополнение к факторам организации производственно-технологических и рыночных взаимодействий на вертикальные интеграционные процессы активно воздействуют уже социальные по своей природе факторы. Речь идет о процессах внутри самих иерархий — взаимоотношениях собственников, менеджеров и работников. Это минимально возможные социальные группы, набор которых может расширяться в зависимости от специфики орга-

низации отношений и глубины их анализа. Фактически речь идет об интересах названных групп, которые связывают воедино организацию и оказываются в основании долгосрочного сотрудничества и целостности «трудового коллектива». При анализе социальных факторов важно видеть не только интегрирующие тренды сотрудничества, но, напротив, возможности оппортунистического поведения, эгоизма, отлынивания. Неоинституционалисты давно знали и учитывали в анализе такие «поведенческие» особенности социальной стороны организационных процессов (*Robertson, Altson, 1992*).

Есть еще один фактор, толкающий в ряде случаев к интеграции автономных рыночных субъектов. Это недостаток опыта и знаний, т. е. упоминавшихся выше организационных способностей, для выстраивания длительных устойчивых кооперационных отношений и долгосрочной эффективной производственно-хозяйственной координации. В условиях неопределенности ситуации на рынках по тем или иным причинам, прежде всего из-за обострения конкуренции, может оказаться недостаточно стандартных контрактных отношений, и возникает мотивация к более надежной и формально закреплённой интеграции. При этом эти факторы толкают субъектов рынка не только к вертикальной интеграции, но и к организационному закреплению и фиксации горизонтальной хозяйственной координации, что стало одной из причин разного рода объединений, альянсов и партнерств. Эти процессы также следует методологически рассматривать как прообразы последующих развитых сетевых структур экономики.

Хотя в недрах современного технологического уклада экономики явственно созревают предпосылки и обозначаются практические результаты грядущих коренных изменений, все же разделение и специализация труда в обозримом будущем в той или иной форме останутся главным фактором организации производственных структур. Поэтому и иерархия сохранится как один из необходимых способов организации производства и, соответственно, механизмов управления.

Однако иерархические способы организации производства и управления совсем не исключают все более широкого распространения неиерархических форм организации. Традиции развитой рыночной координации, кооперации и разнообразных производственно-хозяйственных взаимодействий автономных субъектов порождают вполне эффективные и динамичные децентрализованные формы организации и управления, не предполагающие наличия жестких вертикальных структур. Современные инновационные процессы, бурное развитие ИКТ, динамизм и разнообразие современных товарных рынков и многое другое требуют и одновременно создают более гибкие и подвижные организационные структуры, отличные от иерархических. Упомянутые выше факторы накопления знаний и умений, организационных способностей, опыта самостоятельного налаживания производственно-хозяйственных связей и партнерских взаимодействий делают возможными организации с институционально закрепленной меньшей степенью иерархии.

Во многих случаях иерархические структуры, имеющие многоуровневый характер, связаны с высокими издержками для экономики, которые могут оказаться выше, чем при иных способах организации. Решение возникающих проблем можно обеспечить либо путем совершенствования самих иерархий (что не всегда возможно), либо через поиск других форм долгосрочной кооперации и сотрудничества. При этом в общий процесс организационного прогресса могут свободно включаться самые разные субъекты различных размеров и с разным потенциалом организационных способностей. Прежде всего, это возможность включения в производственные структуры агентов малого и среднего бизнеса.

Теоретические истоки категории мезоуровня экономической системы

Понятие мезоуровня, синергетическое по своей природе, наряду с другими элементами воспроизводственной организации, имеет достаточно длительную методологическую пре-

дысторию. М. Белоусенко в концепции общей теории экономической организации пользуется понятием мезоуровня как свойства организации экономики и меры ее организационной эволюции (Белоусенко, 2006. С. 354–360). Мезоуровень – это тот «уровень взаимосвязанных организаций и их отраслей, на котором отдельные фирмы еще можно различить» (Белоусенко, 2006. С. 354–355). При таком подходе организационная эволюция рассматривается теоретически и методологически не как стандартная иерархия уровней управления экономикой «микро–макро», а как пространственная система взаимодействий «организация – внешняя среда». В современной экономике эти взаимодействия представлены как вертикальными, так и горизонтальными связями.

В стандартной экономической теории всегда уделялось большое внимание отношениям «фирма – внешняя среда (рынок)», а механизм экономического роста в целом расценивался как микроэкономический. Трансформация и развитие в такой схеме определяются только внешними ресурсными и рыночными ограничениями, не открывая природы и роли внутренних организационных ограничений (все та же логика «черного ящика»). Отсюда и статический характер толкования развития и роста, не опирающийся на внутренние факторы. В теории мезоэкономики анализ хотя и концентрируется чаще всего на функциональных (институциональных) аспектах мезоуровня, но в отличие от неоклассики и неинституционализма, мезоэкономическая теория вносит динамизм в методологические основания развития. Его порождает сочетание внешних (со стороны рынка) и внутренних (организационные способности) факторов и ограничений. Мезоэкономический анализ предполагает сложную систему внутренних подстроек, адаптации каждого агента к меняющимся условиям рыночных обменов. Так появляется внутренний источник динамизма всей системы. Формируется устойчивая изнутри и способная к развитию экономическая структура.

Предпосылки такого подхода к структуре экономической системы в теории, конечно, были. Так, Т. Веблен

в «Теории делового предприятия» рассматривал экономику как устойчивую совокупность множества специализированных фирм на основе сцепления» (concatenation) предприятий и отраслей (Торстейн Веблен, 2007). Веблен утверждал, что объем бизнеса в пересчете на единицу продукции, взаимный выигрыш получаются благодаря согласованию действий специализированных и технологически взаимосвязанных самостоятельных организаций. Одновременно «сцепленные» предприятия согласованно преодолевают возникающие ограничения с целью создания конкурентных преимуществ. Это достигается с помощью упоминавшихся постоянных промежуточных подстроек друг под друга (Белоусенко, 2006. С. 358–360). Вебленовский принцип сцепления означает, что изменение эффективности (в сторону повышения или понижения) каждой отдельной организации обязательно поменяет соотношение потоков ресурсов и продуктов во всей системе. При этом возникают взаимные ограничения, так как у каждой сцепляющейся организации есть свои возможности изменять эти потоки для других участников сцеплений. Потому и нужна промежуточная подстройка организаций под внешние для них воздействия.

Эти принципы справедливы для любой экономической системы, основанной на разделении труда. Независимо от этапа и уровня развития экономики каждая организация в той или иной степени связана со всем множеством действующих на данный момент агентов. Из этого закономерно следует вывод о формировании сложной, разветвленной системы, являющейся не просто суммой, совокупностью огромного числа элементов, а способом системной организации ресурсных возможностей роста. Экономика как подобным образом организованная система растет не просто в каждом своем элементе, а во всех сцепленных частях, узлах и взаимодействиях. Так формируется мезоуровень экономической системы.

Мезоуровень экономики по своей природе сложнее, чем просто среднее звено в иерархии микро–макро. Его нельзя также упрощенно трактовать как своего рода агрегат агентов

микроуровня. Отношения на мезоуровне экономики сложнее, так как имеют двухсторонний характер. Организация воздействует на мезоуровень и одновременно получает обратное воздействие на себя – происходит постоянное двухстороннее взаимодействие. Конечно, нечто подобное имелось и в стандартной экономической теории – фирма постоянно взаимодействовала с внешней средой, т. е. с рынком, и получала постоянное воздействие на себя со стороны рынка. Методологически фирму нельзя рассматривать в отрыве от среды, от рынка. Рыночная среда (через систему институтов) поддерживает либо отторгает возможность стратегического или организационного выбора.

Мезоэкономический подход видит эти процессы сложнее и глубже. Дело в том, что организация не только постоянно адаптируется к заданной институциональной системе, но одновременно активно ее меняет. Чтобы подобраться к таинству этих взаимодействий, необходимо не просто увидеть их институциональную природу, но и понять специфику работы самих институтов (теория институциональных изменений Д. Норта тут вполне пригодна) (Норт, 1997).

В каждый данный момент организация располагает определенными организационно специфическими ресурсами, т. е. знаниями, опытом, нормами поведения, ценностями, непосредственно определяющими ее конечную производительность. В традициях ресурсно-ориентированного подхода это называется организационными способностями. Вместе с тем эти же ресурсы потенциально могут и тормозить общую динамику издержек организации. Это объективно существующие своего рода центробежные силы, порождаемые процессом разделения труда. Любая организация вынуждена постоянно стремиться снижать силу возможного противодействия процессу извлечения внутренней экономии. Организации учатся создавать такие специфические ресурсы, которые обеспечивали бы достижение своей главной цели. Это и значит, что формируются институты, нормы функционирования организаций и их взаимоотношений, вырастающие как бы

изнутри, из первоначальной материально-технической структуры. Благодаря таким изначальным институтам снижается степень возможного взаимного оппортунизма автономных рыночных субъектов и повышается роль коллективных отношений, их норм и ценностей. Таким образом, в процессе конкуренции субъекты экономики сначала производят отбор организационных форм, обеспечивающих и содействующих максимально эффективной деятельности, а затем транслируют их другим субъектам с целью максимизации эффекта сотрудничества (Полтерович, 2018; Полтерович, 2016).

Сам этот процесс не может быть простым, он нелинейный, так как связан с возможностями возникающих институтов для целей эффективной реализации живого и развивающегося потенциала человеческих ресурсов (Белоусенко, 2006. С. 370–372). В ходе указанного отбора организации разрабатывают соответствующие мотивационные системы и нормы взаимодействий, которые направляют и при необходимости меняют вектор их эффективного функционирования. Это класс неформальных институтов, структурирующих организации изнутри и определяющих обратное воздействие их на рыночную среду. Существует и класс формальных институтов, структурирующее воздействие которых на организации и рыночную среду более очевидно, проще наблюдаемо. Прежде всего это институты прав собственности.

* * *

Постиндустриальная экономика унаследовала солидный теоретический и методологический багаж по проблеме иерархических и сетевых связей. В распоряжении современной экономической науки, несмотря на сильно изменившийся предмет исследований, имеется как огромный пласт целостных теоретических парадигм раннего и позднего индустриального периода, так и общеметодологические подходы к способам организации и координации человеческой деятельности. Ретроспектива теоретического знания охватывает широкий спектр подходов. Это и «Всеобщая организацион-

ная наука (тектология)» А. Богданова, и многочисленные зарубежные и отечественные исследования по теории организации и теории управления. Исследования современной организации могут опираться на большой массив работ по теории институтов и институциональных изменений, по ресурсной теории организации вплоть до современных исследований, характеризующих организацию постиндустриальной экономики и общества (Колесник, 2015; Кондратьев, 2018; Смородинская, 2015; Болтански, Кьяпелло, 2011; Олескин, 2015; Мильнер, 2012). Специальное внимание в постиндустриальных исследованиях уделяется теоретическому осмыслению вопросов вертикальной и горизонтальной организации в реальном секторе экономики, ее иерархических и ассоциативных форм и, что немаловажно, источников вертикальной и горизонтальной власти.

1.5. Иерархические и сетевые социально-экономические структуры с позиций общей теории организации⁴¹

В последние десятилетия в условиях непрерывного усложнения, роста нелинейности и неопределенности развития социально-экономических процессов соотношение иерархических и сетевых принципов организации экономики и общества неуклонно сдвигается в сторону доминирования сложных сетевых структур (Смородинская, 2015). Этот устойчивый современный тренд в мировой экономике никак не противоречит тому, что в той или иной форме горизонтальные, сетевые способы организации всегда, практически на всех этапах развития производственно-хозяйственных и социальных взаимодействий, сосуществовали с вертикальными, иерархическими способами организации (Дерябина, 2019).

41. Дерябина М.А. Иерархические и сетевые социально-экономические структуры с позиций общей теории организации // Вестник ИЭ РАН. 2020. №2. С. 40–70. DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10015.

Понимание сущности, природы изменчивости и вектора развития современных форм организации как всеобщих организационных понятий невозможно вне общемировоззренческих представлений об организации как об универсальной эволюционной схеме Бытия, способе ее структурной устойчивости. Так ее понимали и трактовали В. Вернадский и А. Богданов, а в наше время Д. Чернавский, С. Курдюмов, Б. Мильнер. Характерно, что во введении к фундаментальному труду А. Богданова о всеобщей организационной науке концепция автора квалифицируется как «исследование общих законов организации независимо от конкретной природы элементов, составляющих системы» (Богданов, 2019. С. 32), и специально отмечается способность устанавливать «то общее, что скрыто под многообразием специальных оболочек» (Богданов, 2019. С. 78).

Таким образом, казалось бы, ультрасовременный социально-экономический тренд опирается на глубокую предысторию. У всех подходов и теоретических осмыслений организационных процессов, независимо от исторического времени, существует некая методологическая общность – системность. Системно рассматривается как сам конкретный предмет организации, так и способ организационного процесса. Универсальный язык научного анализа, будь то естественные или гуманитарные науки, «обязательно будет включать язык теории динамических систем» (Чернавский, 2017. С. 88). При этом базовые модели математического описания универсальной сути явлений должны обязательно удовлетворять требованию «структурной устойчивости» (Чернавский, 2017. С. 87). Структура, структурная устойчивость – это уже не одна лишь из общих характеристик системы, но прежде всего свойство ее организации. Структуру организации системы можно (и нужно) анализировать с различных методологических позиций, причем каждый методологический аспект отражает некую конкретную иерархию системных свойств. Это может быть иерархия информационных уровней (Чернавский, 2017), иерархия процессов и методов

принятия решений (Саати, 2019), иерархия уровней управления социально-экономической системы (традиционные микро-, макро- и средний уровень управления иерархически организованной экономики) (Мильнер, 2012), иерархические формы организации и управления в рамках отдельных предприятий и производственно-хозяйственных комплексов. Общим для большинства этих типов иерархий является построение по принципу отношений власть-подчинение.

Иерархические структуры социально-экономических систем

Понимание иерархии как системного свойства системы, в том числе и экономической, предполагает наличие неких уравнивающих системных понятий. Так, в синергетике противоположным иерархии системным понятием, как правило, считается самоорганизация. Однако противоположность эта сама по себе включает более глубокую внутреннюю логическую противоречивость. Критически анализируя чисто синергетический подход Г. Хакена к иерархии и самоорганизации (Хакен, 2009), В.И. Маевский называет оба понятия «феноменами, находящимися во взаимной внутрисистемной связи», т. е. не исключающими, а обуславливающими существование друг друга (Маевский, 2018. С. 22–23). Указанная внутрисистемная связь, помимо отношений власть–подчинение, реализуется и получает свою устойчивость как структура за счет еще одного важнейшего принципа организации – отношений взаимодействия, взаимодополнения, взаимного поддерживания. Поэтому при анализе конкретных организационных характеристик структурной устойчивости системы речь всегда идет о том или ином соотношении как вертикальных и горизонтальных производственно-хозяйственных связей, так и иерархических и сетевых рыночных и управленческих взаимодействий.

Указанные элементы структурной устойчивости систем по мере своего исторического развития обогащались соответствующими качественными свойствами. Так, иерархические

отношения власть-подчинение из отношений простого силового принуждения и подчинения обрели легитимный характер за счет утверждения обязательных четко сформулированных правил поведения, принятия решений, способов контроля и ответственности за их соблюдение, придававших рациональный характер процессам организации. Складывалась адекватная институциональная структура, функционально поддерживающая способ организации. Исторически одновременно формировались уравновешивавшие иерархию и противостоящие ей горизонтальные связи, организационно структурирующие не властные, а «отношенческие» (по О. Уильямсону) взаимодействия, ставшие прообразом нынешних сетевых структур (Олескин, 2015. С. 210–221).

Анализ современных организационных процессов предполагает не только умение уловить «то общее, что скрыто под многообразием специальных оболочек», но и увидеть изначальные основы, базовые категории и алгоритмы действий, исторически возникавшие по мере накопления организационного опыта человечества. А идея единства всеобщих организационных методов является методологическим посылом для такого анализа. Поэтому наука о законах и процессах системной организации в экономике и обществе, границы структурной устойчивости и изменчивости организации — извечно актуальный цивилизационный запрос. Важнейшим исследовательским аспектом на протяжении многих лет, несомненно, остается вопрос о природе и развитии иерархий.

Иерархии как способ организации. В фундаментальном труде А.А. Богданова (Малиновского) «Тектология: Всеобщая организационная наука» содержится именно такой анализ системной организации, основные понятия и методы которого остаются актуальными также и для объяснения современных организационных трендов. Теория Богданова, базирующаяся на идее единства всеобщих организационных методов, во многом предвосхитила идеи кибернетики и синергетики, фактически сформулировала положения системного

подхода и теории самоорганизации, а позднее легла в основу концепции устойчивого развития. В «Тектологии» в качестве основополагающего выдвигается принцип динамического равновесия системы, постоянно взаимодействующей с внешней средой (развитый потом в синергетической теории динамических систем) (Чернавский, 2017) и накапливающей в результате этого взаимодействия потенциал неравновесности и неустойчивости. «Структурная устойчивость», по Богданову, достигается в результате неизбежных организационных перестроек с помощью их адекватных форм. Если рассмотреть существо таких организационных форм, то легко обнаруживаются аналогии с современными организационными трендами. В развитие упоминавшегося повышения и понижения устойчивости системы, т. е. изменения ее общей организованности (или дезорганизованности), Богданов подробно рассматривает организационные механизмы, обеспечивающие структурную устойчивость. Создана большая стройная теория, в которой среди прочего можно увидеть прообразы того, что сегодня квалифицируется как иерархии и сети.

Иерархии с позиций организационной науки рассматриваются в двух взаимосвязанных аспектах. Во-первых, как способ организации такой структуры связей и отношений, которая обеспечивает единство частей системы для достижения определенных целей, т. е. иерархия создается как форма целенаправленного единства. Во-вторых, иерархия выступает как способ организации, выстраиваемой для оформления отношений власть-подчинение. Единство этих аспектов организационного процесса Богданов называл эгрессией, имея в виду процессы, трактуемые в современной терминологии как создание внутренне единой устойчивой иерархической структуры.

Иерархичность организации не означает гомогенности возникающих структур. Внутренние связи и взаимодействия элементов этих структур подчиняются вектору процессов, которые Богданов называл «активностями» (порождающими «энергии») и «сопротивлениями» (растрачивающими «энер-

гии») (Богданов, 2019. С. 140–150). При этом «сопротивление» элементов не является чем-то особым, отдельным, самостоятельным. Это та же активность, противопоставленная другой активности (Богданов, 2019. С. 144). Не случайно организационная наука Богданова считается предтечей синергетики. Удивительно похожа на его положения об энергии активностей и сопротивлений теория корреляций И. Пригожина (Пригожин, Стенгерс, 2014а. С. 138–140). Отсюда следует важный вывод: более высокий уровень организации достигается в тех случаях, когда соединение элементов в систему содержит меньше противоречий и сопротивлений, чем их простое сложение⁴². Сам процесс организации поэтому рассматривается как постоянный и непрерывный процесс поиска необходимых изменений⁴³.

Иерархичность организации неоднородна, что важно не только с методологических позиций, но и требует учета в процессе выбора вариантов практических организационных решений. А. Богданов выделяет «два специальных случая», «два типа, играющих большую роль в организационном развитии». Первый тип организации – это концентрация активностей, создающая возможность максимального их накопления в одной системе. Второй тип по преимуществу фиксирует активности, закрепляет их в данной форме, обуславливает максимальную прочность системы (Богданов, 2019. С. 385).

Центральное звено иерархии. Для понимания природы иерархии необходимо уловить особенности этого типа организации, которые обеспечивают не просто взаимодействие элементов, а показывают источник субординации этих эле-

42. И организационная наука, и синергетика на основании этого делают вывод, важный для понимания системности: организованное целое оказывается больше простой суммы своих частей именно потому, что в нем создаются новые «активности», новая энергия за счет корреляций между элементами, соединяющимися более успешно, чем противостоящая им энергия сопротивления.

43. Идея об организации как постоянном процессе внутренних изменений получила развитие в работах И. Шумпетера, рассматривавшего процессы инноваций как системные изменения в организации (технологические, управленческие и пр.).

ментов в системе. Только поняв это, можно объяснить обязательное наличие центрального звена в иерархии, функции которого отличаются от других элементов. Этот элемент — носитель «централистической связи», «центральный» (по Богданову) — оказывает преобладающее влияние на другие элементы, обеспечивая упомянутую выше «агрессию». В качестве частного случая такого «агрессивного центра» можно рассматривать руководителя в группе людей (Богданов, 2019. С. 386). Активности всех элементов системы под воздействием центрального звена в совокупности превышают простую сумму их активностей. Механизм достижения этого — способность центрального звена притягивать активности других элементов и снижать, гасить их сопротивления (Богданов, 2019. С. 388–389).

Необходимость центрального звена иерархической системы в не меньшей степени обусловлена ее взаимодействием с внешней средой. При этом равновесие системы во взаимодействии с ее внешней средой всегда лишь относительное. Чем выше уровень организованности иерархической системы, тем лучше она ассимилирует активности из внешней среды и противостоит ее разрушительным влияниям. Чем ниже уровень организации системы, тем медленнее идут эти процессы, и система ослабевает. Выводы для вектора развития иерархических социально-экономических систем: в революционные эпохи, в эпохи крупных социально-экономических перемен происходит процесс преобразования систем «в виде едва заметной авторитарности» в «организации вполне строгой авторитарной дисциплины, твердой власти» (Богданов, 2019. С. 395).

Другое следствие наличия в иерархии обособленного центрального звена — возможность для этого звена произвольно отклоняться от равномерности и равноправия в отношениях с периферическими звеньями, что и является базовым условием отношений власть—подчинение и возникающего неравенства в специфических активностях отдельных элементов системы. Создаваемые властью центра активности

могут быть более благоприятны для одних звеньев системы и менее благоприятны для других. Богданов выделяет две группы социально-экономических активностей — те, которые направляются на производство, и те, которые относятся к потреблению (Богданов, 2019. С. 396–397). Если внешние и внутренние условия неблагоприятны для развития первых активностей и благоприятны для вторых, возникает основа для эксплуатации с возрастанием неравенства. Центральный элемент имеет возможность отнимать жизненную энергию у подвластных периферических элементов иерархической системы. Это отрицательное воздействие постоянно истощает систему, накапливаясь до разрушительных размеров и угрожая возникновением кризисов из-за нарушения ее устойчивости.

Теоретически возможен и другой вариант иерархических системных отношений. Когда сила эксплуатации возрастает не слишком быстро, а внешние и внутренние условия развития благоприятны для трудовых активностей, социальная энергия системы увеличивается, одновременно увеличивается ее сопротивление вредным воздействиям (в том числе и усилению эксплуатации). В этом случае разрушительные последствия действий центрального элемента формируются параллельно с развитием трудовых активностей, а процессы вырождения идут в ином направлении — разрушается не вся социальная система, а только ее центральный уровень, господствующие группы и классы (Богданов, 2019. С. 397–398). Кроме того, исследование уровней «организованности» иерархии (по терминологии Богданова) показывает, что по мере удлинения и усложнения цепочек взаимосвязанных элементов в иерархической системе, низшие звенья все меньше и меньше определяются центральным комплексом. Ослабление системных связей обнаруживается на критических этапах развития или наступающего разложения иерархической системы. И что особенно важно, это ослабление, нередко облекающееся в форму противоречий и конфликтов, становится

источником «бесплодных растрат энергии, понижающих жизнеспособность организации»⁴⁴. Вся история развития человеческой цивилизации является свидетельством того, как «усиление подобных противоречий обычно вело к разложению и крушению авторитарных группировок» (Богданов, 2019. С. 400–401).

Организация структурной устойчивости системы. Внутренняя организация развивающейся системы содержит в себе механизмы сохранения и поддержания устойчивости в условиях развития и изменений. Развивающаяся система не может постоянно пребывать в стабильном, устойчивом состоянии – «типичный ход» развития системы предполагает ее непрерывную реакцию на разрушительные воздействия внешней среды. Вместе с тем есть предел этим разрушительным воздействиям, чтобы система сохранилась как таковая. Защитная самосохраняющая реакция обеспечивается специфической структурой самой системы и присущим этой структуре свойством специфически реагировать на внешние воздействия. Богданов видел в структуре, в природе системы две части: во-первых, наиболее организованную, но менее устойчивую по отношению к некоторым разрушительным воздействиям «пластичную» часть; во-вторых, менее организованную, но более устойчивую «скелетную» часть. Диалектика изменчивого развития предполагает, что процессы роста и усложнения будут сильнее и быстрее совершаться в пластичной части, как более высокоорганизованной и более способной к ассимиляции новых сущностей. Скелетная часть системы, менее приспособленная к изменениям, связывает пластичную часть, стремится удержать ее в рамках своей формы, т. е. задержать рост системы и ограничить ее развитие (Богданов, 2019. С. 421). Из всего этого Богданов делает чрезвычайно важное, и по сей день актуальное звучащее заклю-

44. На самом деле процесс сложнее. При продвижении по агрессивной цепи от центра к периферии понижение организованности и ослабление влияния центрального элемента сопровождаются появлением «иных активностей», порождающих иную цепь взаимодействий, т. е. «другую систему со своими особыми соотношениями» (Богданов, 2019. С. 400).

чение. В социально-политических и экономических системах необходимо понимать, какое содержание они организационно закрепляли, насколько это содержание сохранилось или изменилось, соответствует ли наличная форма наличной сумме содержания, насколько она прочна и своевременно ли ее разрушение. Когда такое понимание существует, «сами собой получают» практические и научно обоснованные директивы» (Богданов, 2019. С. 426).

Исследуя механизмы структурной устойчивости «в организациях людей», т. е. в политических и социально-экономических системах, Богданов отмечал значимость «формальных» функций скелетных рамок. Сейчас мы называем эти рамки институтами. Функции скелета выполняют господствующие идеи, нормы, учреждения, «сознательно устраиваемые» организации, каковыми могут быть частные предприятия, союзы, научные учреждения. Скелетными рамками выступают официальные программы, уставы, регламенты, технические или тактические директивы. При этом особо значимы прочность этих форм и их соответствие задачам организации. Вместе с тем «в высшей степени редко при выработке форм подобных организаций ставится вопрос о степени эластичности этих форм, о легкости их вариаций с дальнейшим ростом и развитием системы». Тем самым создается почва для противоречий и растраты сил (активностей) из-за негибкости системы. Примеры этого можно найти в истории почти каждой организации, пережившей значительную прогрессивную эволюцию⁴⁵. Таким образом, формальные институты, фиксирующие скелетные структуры, «консервативнее, чем их социально-трудовая основа — пластичная часть социальной системы: они сохраняются еще тогда, когда она их уже переросла; и неизбежен такой период, в котором они становятся

45. Богданов приводит примеры неблагоприятных внутренних разногласий и расхождений в политических организациях, когда «скелетно-неподвижные» нормы требовали огромных усилий и долгой борьбы по проведению необходимых для развития реформ (Богданов, 2019. С. 428–429). Очевидна аналогия с современными бюрократическими «скелетами» и трудностями в продвижении новых «пластичных» элементов системы.

стеснением и препятствием для ее прогресса» (Богданов, 2019. С. 428–429).

Необходимость горизонтальных сетевых взаимодействий. В случае, когда динамичная пластичная часть системы приходит в противоречие с консервативной скелетной ее частью, позитивное развитие и закрепление новых элементов структуры системы нуждается в механизмах, уравнивающих эти процессы. Речь идет об упоминавшейся выше неизбежности формирования горизонтальных, «отношенческих» связей, поддерживающих структурную устойчивость системы. Именно поэтому вертикальные, иерархические способы организации экономики практически на всех этапах развития в той или иной форме сосуществовали с горизонтальными сетевыми производственно-хозяйственными и социальными взаимодействиями.

Сетевые отношения являются результатом и формальным отражением объективно существующих в системе кооперативных взаимодействий (корреляций, по Пригожину, взаимодействий активностей, по Богданову) между ее элементами. Это отличает смысл взаимодействий в сетевой структуре от процессов в иерархической структуре, в которой, как было показано, объединяющими и координирующими системными связями являются отношения власть-подчинение. Из характера взаимодействий вытекает и главное отличие иерархической и сетевой организации этих взаимодействий, а именно наличие (в иерархиях) или отсутствие (в сетях) управляющего центра. Горизонтальные кооперативные отношения в сетях, основанные на взаимном влиянии членов (корреляции элементов), имеют свою внутреннюю структуру и действующие в сети механизмы, обеспечивающие многообразие кооперационных связей при одновременном поддержании устойчивости всей структуры.

При отсутствии в сети единого формально централизованного звена управления они могут быть организованы по-разному в зависимости от степени внутренней координации не за счет властных, а за счет лидерских функ-

ций отдельных звеньев сети. При этом лидеров может не быть совсем, или лидерские (координирующие) функции могут быть минимальными. Это так называемые плоские сетевые структуры. В реальной хозяйственной жизни более широкое распространение получили иные, объемные структуры с частичными лидерами, функции которых ограничены некими специфическими сферами деятельности. В сложных системах таких частичных лидеров может быть множество, но ни один из них не образует властной пирамиды, типичной для иерархических структур. Разумеется, подразделение по признаку плоскости или объемности сети в какой-то степени условно: организации находятся в постоянно развивающихся и меняющихся условиях, меняется поведенческий и лидерский потенциалы. Но при этом неизменными остаются коренные свойства сетевой организации: во-первых, отсутствие жесткой иерархии, равенство и возможность проявить частичные лидерские свойства; во-вторых, постоянная взаимная поддержка и сотрудничество участников сети в общих интересах (Олескин, 2016. С. 15–17; 38–41).

В социально-экономических системах вертикальные (иерархические) и горизонтальные (сетевые) структуры находятся в постоянном взаимодействии. Организационный облик этих структур меняется под действием множества факторов внутренней эволюции и воздействия внешней среды. Возникают так называемые структуры-медиаторы в качестве посредников между иерархией и сетью. При этом сетевая структура может включать соответствующее организационное звено для контактов с иерархией, или же иерархия может иметь в своем составе звено, ведающее контактами с сетевыми партнерами (Олескин, 2016. С. 130–133). Потенциальная роль подобных структур-посредников заключается, во-первых, в налаживании непротиворечивых связей между иерархиями и сетями, во-вторых, в самостоятельном эффективном распределении производственно-хозяйственных и управленческих функций между обоими основными типами структур конкретных организаций.

* * *

Организация современной постиндустриальной экономики несравненно сложнее той, для которой выстраивал свой анализ А. Богданов. Современные рынки, фирмы и иерархии организуются сложнее и разнообразнее, чем это в свое время новаторски описывали неoinституционалисты (*Williamson, 1975; Уильямсон, 1996*). В наши дни и глобализованная экономика, и суверенные экономики порождают новые принципы и формы организации — продуктовые производственные и стоимостные цепочки, финансово-промышленные группы и альянсы, инновационные кластеры и многие другие формы, постоянно возникающие в современном распределенном производстве. Теория экономической организации как наука о внутренней структуре субъектов экономики и их взаимосвязях постоянно развивается. При этом «организационная точка зрения» (по Богданову) необходима как для научного теоретического понимания особенностей любого этапа развития общественного производства, так и для принятия грамотных, эффективных практических решений. В этой связи представляется важным наличие методологического ключевого звена в организационном анализе. Так, у неoinституционалистов в их теории экономической организации базовой единицей анализа была рыночная транзакция («вначале были рынки»). В общей теории организации Богданова методологически важным положением для понимания причины изначальных, глубинных организационных изменений является категория «активностей» и их динамика. Аналогично в синергетике базовой, первоначальной категорией являются корреляции элементов (Пригожин). Современная организационная наука не располагает каким-то одним, четким и однозначным определением единицы организационного анализа. Упомянутая нелинейность, сложность и динамичность социально-экономического развития позволяет лишь наметить основные тренды в формировании этой понятийной категории. Пока же в качестве базовой категории организа-

ции можно попытаться выделить общность целеполагания и необходимость согласованной адаптации к меняющейся внешней среде (Мильнер, 2012. С 52–58).

1.6. Иерархическая и сетевая организация в условиях новой нормальности⁴⁶

Методологические основания

Российская экономика адаптируется к новой нормальности⁴⁷. Сейчас уже понятно, что это начало совершенно нового многовекторного процесса. Кризисы 1998, 2008, 2014 г. тоже были нелегкими. Но в отличие от сегодняшнего всеобщего потрясения в прошлых кризисах экономическая теория и социально-экономическая политика могли опереться на достаточно прочный методологический багаж, на запас знаний, позволявший сформировать необходимые оценки сложившейся ситуации и возможные варианты преодоления негативного влияния кризиса на экономику и общество. Если оценивать эти процессы с точки зрения системного эволюционного подхода, то можно представить минувшие кризисы как ту или иную степень нарушения устойчивости эволюции динамических систем, каковыми и являются социально-экономические системы.

В настоящее время также происходят глубокие нарушения, во многих случаях вызывающие даже разрушение устой-

46. Дерябина М.А. Иерархическая и сетевая организация в условиях новой нормальности // Вестник ИЭ РАН. 2020. №5. С. 35–48. DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10055.

47. «Новая нормальность» (New Normal) – состояние общества и экономики после кризиса, при котором восстановление считается невозможным. Термин возник в связи с мировым экономическим кризисом 2008 г. и получил широкое распространение в связи с коронакризисом в 2020 г. Выражение New Normal официально уже использовалось в коммюнике саммита лидеров G-20 в 2009 г. Изначально термин концептуально предполагал состояние низкого экономического роста и высокой безработицы, что препятствовало восстановлению экономики в прежних докризисных показателях и вызывало длительную экономическую рецессию. В 2020 г. термин активно используется в связи с пандемией, причем, как и в первоначальном значении термина, считается, что возвращение к прежнему состоянию экономики окажется невозможным.

чивости системы (в терминологии теории динамических систем) (Чернавский, 2017). Изменяются основные системные характеристики, в том числе организационные. Речь идет, в частности, о наблюдаемом изменении соотношения между иерархическими и сетевыми формами организации. Как известно, в эволюции системы иерархические принципы организации уравниваются принципами самоорганизации (Дерябина, 2020). В организации современной экономики России соотношение иерархии и самоорганизации сдвигается в сторону доминирования иерархических системных свойств. Внутрисистемные связи, базировавшиеся на равновесии отношений власть-подчинение и отношений взаимодействия, взаимного дополнения и взаимного подерживания, в условиях нестабильности сдвигаются в сторону первых. Отношения власть-подчинение, как важнейшее свойство и смысл всех типов иерархий, при этом сохраняются и усиливаются.

Пока невозможно установить, насколько долго будут доминировать иерархические принципы организации, как, когда и в какой форме система в ходе своей эволюции сможет вновь опереться на уравнивающую самоорганизацию. Однако понятно, что такое доминирование будет необходимо настолько, насколько этого будет требовать нарушенная структурная устойчивость системы. Самое главное — данное требование будет действовать до тех пор, пока не будет найдена новая нормальность такой устойчивости. Для восстановления структурной устойчивости необходимо возвращение уравнивающих иерархию «отношенческих» (по терминологии О. Уильямсона) взаимодействий в системе. И также пока неясно, каких именно и как быстро. В целом же в новых условиях главные организационные составляющие системы сохраняются, но меняется их соотношение.

Из настоящего, во многом хаотичного, состояния системы рано или поздно начнет формироваться ее новая структурная устойчивость, первоначально, как было отмечено, опирающаяся на преобладание иерархического принципа организации.

Новая нормальность при этом будет формироваться и легитимизироваться за счет утверждения новых или избирательного усиления действующих норм и правил, т. е. институтов.

Конкретно указанный тренд реализуется во всех сегментах системной организации. Речь идет и о производственно-хозяйственных связях, и о методах принятия решений, об организации управления народнохозяйственным комплексом в целом и отдельными его отраслями, а также локализованными производственно-хозяйственными комплексами и предприятиями. В сфере реального сектора организационные составляющие материализуются путем установления того или иного соотношения вертикальных и горизонтальных производственно-хозяйственных связей, а также иерархических и сетевых рыночных и управленческих взаимодействий.

В России основой новой структурной устойчивости экономической системы и продвижения к новой нормальности выступают преимущественно иерархические организационные формы⁴⁸. В новых условиях выход из преходящего хаотичного состояния системы, поиск нового уровня устойчивости, как никогда ранее, требует такой организации, которая обеспечивала бы единство ее элементов, подчинение их достижению определенных целей. Как известно из теории организации, наилучшей формой целенаправленного единства как раз и являются иерархические структуры (Богданов, 2019). А в условиях новой нормальности, когда аспект самоорганизации экономической системы отступает на второй план, надежным обеспечением рационального оформления отношений власть-подчинение естественным образом становятся иерархии. В результате структурная устойчивость системы вполне закономерно обеспечивается доминированием иерархического способа организации, закрепленного в соответствующей системе институтов. Таким образом, можно сделать два

48. Речь идет именно о российской экономике. В большинстве развитых стран Запада, где иерархические формы системной организации уже давно не доминируют, а более широкое распространение получили сетевые принципы организации, новая нормальность скорее всего найдет другие пути, и соотношение указанных принципов может оказаться иным.

методологически важных заключения. Во-первых, иерархический способ лучше всего подходит для достижения целей системы, особенно если эти цели меняются и развиваются. Во-вторых, как упоминалось, иерархии наиболее приспособлены к организации отношений власть—подчинение.

Стержневая значимость иерархических связей элементов системы является одним из важных положений теории организации. Так, А. Богданов видел два основополагающих свойства иерархий. Во-первых, их приспособленность к тому, чтобы максимально накапливать новые качества системы, возникающие за счет главных форм взаимодействия ее элементов, и отделять их от второстепенных форм. Во-вторых, способность иерархий так или иначе фиксировать и закреплять эти накопленные качества, чтобы придать системе максимально возможную прочность, укрепить ее «скелет» (Богданов, 2019. С. 385; Дерябина, 2020. С. 64). Именно такие основополагающие свойства обуславливают доминирование иерархических форм организации в кризисных условиях, когда происходят нарушения структурной устойчивости системы.

Вместе с тем указанное доминирование не может быть догматичным, самодовлеющим. Методологически необходимо найти такой организационный ответ на разрушение сложившихся ранее системных связей, чтобы предотвратить одновременное разрушение горизонтальных связей и взаимодействий, на которые опирается структурная устойчивость. Именно они сохраняют и обеспечат «скелетный» каркас новой нормальности.

В контексте новых оснований структурной устойчивости необходимо понять и новые функции традиционного центрального звена системы. Как никогда ранее, в кризисных условиях (хаотическое состояние системы) возрастает организующая роль центрального звена иерархии. Смысл любой организации состоит в том, чтобы обеспечить рациональность (в экономике — эффективность) системного объединения элементов, когда общий эффект новой организационной формы

превышает сумму эффектов ее элементов. В дезорганизованной системе, утратившей в той или иной степени свою структурную устойчивость, этот смысл нередко теряется. Дело в том, что при кризисном состоянии системы плохо проходят или совсем угасают потоки информации и управленческие сигналы между уровнями и отдельными элементами системы (Колесник, 2015; Саати, 2019). Именно так с началом современного кризиса часто происходит в России, когда в производственно-хозяйственной практике, в бюджетно-финансовой системе «гасятся» финансовые потоки и властные распоряжения. На фоне дезорганизованных локальных взаимодействий возместить эти разрушения просто нечем. Причем дело не только в бюрократических преградах, а в самом хаотичном состоянии системы. Становится понятным и очевидное усиление централизации управления, и доминирование иерархических структур организации. Российская практика сегодня подтверждает правоту А. Богданова, который более 100 лет тому назад показал в своей «Тектологии», что в эпохи крупных социально-экономических перемен системы, построенные «в виде едва заметной авторитарности», перерождаются в «организации вполне строгой авторитарной дисциплины, твердой власти» (Богданов, 2019. С. 395; Дерябина, 2020. С. 64). В частности, это выражается и во взаимодействии центрального звена иерархии с ее периферическими звеньями в рамках отношений власть—подчинение.

Для анализа кризисных явлений в современной России несомненный интерес представляют выделявшиеся А. Богдановым два типа системных отношений центр-периферия. Первый тип регулирует отношения, определяющие производство, производственно-хозяйственные связи. Второй тип системных отношений направлен на регулирование социальной активности и социальных связей (по Богданову, «потребления») (Богданов, 2019. С. 396–397). Между этими типами связей существует определенная, но не прямая зависимость (нелинейность). Разрушенная кризисом локализация связей в производственной сфере истощает

систему, накапливает потенциал ее структурной неустойчивости и разрушения. Однако упомянутая нелинейность этих отношений позволяет на какое-то время поддерживать системную устойчивость за счет сохранения социальной активности («потребления», по Богданову). Целенаправленно поддерживаемая социальная энергия в системе может в некоторой степени (и временно) противостоять разрушительному хозяйственному воздействию кризиса. В России в системе антикризисных мер руководство страны использует эту своего рода методологическую «передышку». Достаточно широкая социальная поддержка направлена не только на сбережение народа и сохранение человеческого потенциала, но и позволяет затормозить, сдержать на какое-то время разрушительное воздействие кризиса.

Это и мировая тенденция. Так, в докладе ЮНКТАД (Конференции ООН по торговле и развитию), озаглавленном «От глобальной пандемии к процветанию для всех: не допустить еще одного потерянного десятилетия», содержатся рекомендации правительствам стран мира по преодолению кризиса. Речь идет о повышении расходов госбюджетов и направлении их на повышение оплаты труда низкооплачиваемых работников, о повышении налогов на богатство, об усилении контроля за деятельностью корпораций. В России антикризисные действия правительства пока вполне согласуются с рекомендациями ЮНКТАД. При этом меры прямой финансовой поддержки на первых порах были скромными, а основной акцент делался на меры косвенной поддержки — льготы, субсидии, отсрочки выплат, снижение ставок и программы реструктуризации кредитов. В итоге падение ВВП стало меньше ожидаемого, выросла средняя зарплата, меньше ожидаемого был также рост безработицы. В случае второй волны кризиса помощь населению должна стать приоритетом. В краткосрочной перспективе это позволит, во-первых, не сильно упасть потребительскому спросу, а во-вторых, избежать масштабной волны банкротств предприятий (Ведомости, 2020. 30 сентября).

Не случайно, однако, речь идет о временной передышке. В условиях кризиса, на критических его этапах неизбежно происходит ослабление системных связей. Централизация антикризисного управления ведет к усложнению и удлинению цепочек взаимосвязанных элементов системы. Кризисный опыт российской экономики свидетельствует о том, что низшие звенья все меньше определяются центральным звеном иерархии и все меньше подчиняются ему. Возникающие противоречия и конфликты разлагают иерархические системные структуры, наталкиваясь на непроходимость управленческих сигналов из центра. Поэтому социальные «потребленческие» меры по удержанию структурной устойчивости экономики имеют свой временной предел. Социальная «передышка» должна использоваться для оперативной антикризисной корректировки «скелетных» (по Богданову) структур экономики. В современной России в условиях структурной неустойчивости ведется постоянная работа по выявлению и фиксации так называемых «системообразующих» предприятий и отраслей.

В самой природе структуры системы изначально заложены методологические основания для определения и корректировки ее организационного «скелета». Как известно, А. Богданов выделял в структуре системы две части – «пластичную» и «скелетную» (Богданов, 2019. С. 421, 426; Дерябина, 2020. С. 66–67). Смысл их сочетания заключается в том, чтобы одновременно улавливать и взаимно приспособлять изменения внешней среды и состава собственных элементов, но, сохраняя устойчивость системы, не допускать, чтобы утрачивалась ее структурная целостность. Пластичная часть ассимилирует новшества и обладает более высокой степенью организационной реактивности к изменениям. Процессы эволюции протекают в ней быстрее, с высоким уровнем ассимиляции новых сущностей. «Скелетная» часть структуры системы организована проще, но зато она более устойчива к внешним и внутренним воздействиям на нее (в том числе и к кризисным шокам). Смысл этой части структуры системы

заключается в удержании ее (системы) формальных организационных рамок за счет сознательного ограничения, связывания пластичной части, сдерживания возможных слишком резких изменений и деформаций.

«Скелетные» рамки обеспечиваются, во-первых, стабильной конкретной организацией реального капитала и производственно-хозяйственных связей, а во-вторых, устойчивыми способами функционирования системы в целом и ее элементов, т. е. институциональными нормами (Дерябина, 2020. С. 67). Иными словами, функциональные рамки «скелетных» структур «консервативнее» (по Богданову), чем их пластичная часть (Богданов, 2019. С. 428–429). Коронакризис застал врасплох действующие современные формы организации производства и управления. Он разрушил главное — сложившиеся основы распределенного производства, пространственные принципы системной организации. Изменения происходят как в пластичной, так и в скелетной части социально-экономических систем. В России восстановление структурной устойчивости в сфере производства началось со скелетной части организации — с восстановления и модернизации под новую нормальность так называемых системообразующих сегментов общественного производства.

Роль иерархических и сетевых структур в социально-экономической стабилизации в России

С самого начала коронакризиса меры по минимизации его шоковых последствий, по выработке стратегических направлений стабилизации и дальнейшего развития экономики, а также необходимых оперативных структурных изменений предполагали соответствующий организационный аспект. В России, как, впрочем, и в мировой экономике, не было достаточных теоретических наработок и практического опыта решения задач подобного масштаба. Не было реалистичных оценок того, какой будет социально-экономическая цена выхода из кризисной ситуации. Но антикризисная политика на всех этапах исходила, во-первых, из сохранения

системной структурной устойчивости, во-вторых, из неизбежности глубоких организационно-управленческих преобразований. Если взглянуть на этот процесс с методологических позиций всеобщей организационной науки, то становится очевидным, что организационно-управленческий аспект неизменно присутствует во всех планах восстановления российской экономики⁴⁹. Используя методологию А. Богданова, можно отчетливо выделить «скелетные» меры во всех принимаемых правительственных программных и оперативных документах. Это относится не только к восстановительной их части, но и к последующим этапам запланированного устойчивого роста.

В апреле 2020 г. правительственная комиссия по повышению устойчивости развития российской экономики утвердила список из 246 предприятий, получивших статус системообразующих. Список приходилось постоянно расширять, чтобы охватить все значимые отрасли и виды производств⁵⁰. Поэтому функцию их отбора переложили на профильные ведомства. Так, перечень системообразующих предприятий ТЭК составил Минэнерго. Он содержал 97 компаний, в их числе Роснефть, Лукойл, Газпром, Газпромнефть (Ведомости, 2020. 21 апреля). В список системообразующих предприятий, составленный Минсельхозом, вошли 66 компаний, специализирующихся на растениеводстве (14), на животноводстве (27), на производстве продуктов питания и напитков (20) и на производстве рыбы (4) (Ведомости, 2020. 22 апреля). В список системообразующих компаний Минстроя вошли 76 застройщиков жилья и инфраструктуры (Ведомости, 2020. 24 апреля). Минтранс включил в перечень системообразующих 32 авиакомпании (Ведомости, 2020. 30 июня). В каждой отрасли действуют свои специфические критерии отбора

49. Характерно, что в начале кризиса мнения по поводу его продолжительности и концептуальной значимости для последующего социально-экономического развития заметно расходились — от уверенности, что скоро все наладится, до признания неотвратимости «новой нормальности».

50. Правительству довольно скоро пришлось увеличить количество системообразующих предприятий до 646.

компаний. «Скелетные» функции системообразующие компании смогут реализовать также за счет предоставления им льготных кредитов на пополнение оборотных средств. Ставка по таким кредитам субсидируется государством на уровне ключевой ставки ЦБ – 6%. Половина кредита обеспечивается государственными гарантиями Минфина. Важной мерой стали и предусмотренные отсрочки по уплате налогов.

Иерархический принцип организации потенциально всегда несет в себе угрозу нарушений потоков информационных и управленческих сигналов от верхних уровней иерархии к нижестоящим. Так, компании, включенные в список системообразующих, вместе со своим статусом получили обременительную обязанность представлять огромную отчетность, регулярно направляемую в государственную информационную систему промышленности (ГИСП) Минпромторга (Коммерсантъ, 2020. 2 июля). В случае нарушений предприятиями сроков или полноты подачи отчетности приостанавливается рассмотрение их заявок на предоставление мер поддержки (отсрочек по налогам, субсидий на возмещение затрат, льготных кредитов и госгарантий). Предприятия со статусом системообразующих сталкиваются с избыточными требованиями и сложными процедурами отбора необходимой информации, в результате чего они просто не могут воспользоваться господдержкой в части пополнения оборотных средств и компенсации расходов на персонал. Кроме того, предприятия в ряде случаев избегают обращаться за помощью, т. к. государство требует слишком чувствительную информацию, которая может попасть к конкурентам. Многие компании вообще предпочли бы выйти из перечня системообразующих, но боятся «имиджевых потерь». В результате из общего числа 1 335 предприятий, имеющих право на льготные кредиты, получили их лишь 139.

Следует отметить еще один важный аспект отработки организационного «скелета» экономики, причем не столько в условиях кризиса, сколько уже с прицелом на стратегическую перспективу. Широкое распространение жестких

иерархических структур и относительное сжатие процессов самоорганизации можно считать методологически оправданным лишь на ограниченный период времени наиболее острого кризиса и адаптации экономики к новым условиям. Далее, по мере адаптации к новой нормальности следует ожидать продолжения уже намеченного ранее курса на сокращение числа госкомпаний. Так, в правительственную программу по приватизации на 2020–2022 гг. (от декабря 2019 г.) вошли 293 предприятия, в том числе такие крупные, как Совкомфлот, ВТБ, морские торговые порты, Алмазювелирэкспорт. Предполагаемое сокращение доли государства в ряде не структуро-определяющих и не ключевых компаний (кроме оборонных) неизбежно будет связано с изменением их производственно-хозяйственной структуры и структуры управления (Ведомости, 2020. 24 июля). Одновременно с сокращением доли государства, даже если это сокращение будет относительно небольшим (как, например, в Совкомфлоте, где доля, оставшаяся у государства, составит более 80%), изменятся принципы организации за счет ослабления иерархичных форм и расширения самоорганизации в рамках компаний. Государственные производственно-управленческие иерархии будут закономерно приближаться по способу организации и управления к нормальным публичным компаниям, торгуемым на рынках ценных бумаг. В целом, по замыслу Минфина, к 2025 г. число компаний с государственным участием должно сократиться примерно в полтора раза.

Сделка по IPO Совкомфлота привлекла довольно качественный спрос, большую часть которого составили долгосрочные инвесторы, причем спрос поровну распределился между российскими и иностранными инвесторами. Важно, что приватизация позволит компании активно расширить присутствие в ключевых направлениях бизнеса. Сделка позитивно повлияет и на развитие всей судостроительной отрасли, т. к. Совкомфлот является одним из крупнейших заказчиков гражданского судостроения РФ (Ведомости, 2020. 8 октября).

В перспективе, видимо, изменятся и критерии отнесения компаний к числу «скелетных», и стимулирующие инструменты их деятельности взамен жестких иерархических отношений власть-подчинение.

Одной из важнейших организационных антикризисных мер является сохранение и восстановление нарушенных кризисом производственно-хозяйственных и стоимостных цепочек. В условиях новой нормальности оказались как вертикальные иерархические, так и горизонтальные сетевые структуры экономики. Разрывы всех видов кооперационных цепочек были обусловлены двумя основными факторами.

Во-первых, рвутся цепочки поставок на внутреннем рынке. Уже в конце апреля 2020 г. более половины предпринимателей (54%) были вынуждены остановить работу. Из-за карантинных мер повсеместно срывались сроки исполнения контрактов, отдельных стадий пусконаладочных работ, разрывались технологические связи. Пока не всегда ясно, как кардинально противостоять этому тренду и как помогать в налаживании нарушенной кооперации. Карантинные ограничения и сокращение спроса коснулись всех видов компаний и предприятий — малых, средних и крупных. В начале апреля 2020 г. правительство утвердило, а затем постоянно уточняло и расширяло список так называемых пострадавших отраслей, включивший перечни направлений и видов деятельности (по кодам ОКВЭД)⁵¹. Проблема в том, что, как не раз уже бывало, с попытками (и в России, и в мире) поддержать специально выбираемые отрасли и производства, их перечень неминуемо «расползлся» именно из-за опасности нарушения цепочек кооперационных производственно-хозяйственных связей. Вот простой пример. В отличие от автоконцернов большинство производителей автокомпонентов не подпадают ни под критерии системообразующих, ни под критерии наиболее пострадавших от кризиса предприятий. Поэтому они не могут претендовать на льготные кредиты для попол-

51. См.: www.rbc.ru/economics/28/05/2020.

нения оборотных средств и на доступ к отсрочке по налогам и по аренде. Но без такой поддержки не смогут работать системообразующие предприятия. Эта же проблема характерна и для ряда других отраслей. Однако, хотя совершенно понятно, что восстанавливать кооперационные цепочки необходимо, реальные действия наталкиваются на все те же бюрократические и управленческие барьеры (Коммерсантъ, 2020. 15 мая). Кстати, именно стремлением избежать зависимости от партнеров по производственно-хозяйственной кооперации объясняется столь характерная для России управленческая тенденция «собрать под одной крышей» возможно большее количество производственных единиц, имеющих отношение к конечной продукции.

Во-вторых, прерываются производственно-хозяйственные связи по международной кооперации. Если «подтянуть» к системообразующим компаниям кооперантов отечественного рынка сложно, но можно, то с зарубежными партнерами в условиях пандемии сохранить такие связи становится затруднительно, если вообще возможно. Вот тут и проявляется недостаточное качество развития российского обрабатывающего сектора экономики. В нем преобладают пока относительно простые производства, основанные на использовании труда низкой квалификации и массовом производстве относительно простых товаров. В высокотехнологичных отраслях, таких как машиностроение, химическая, пищевая промышленность, количество товарных позиций в российском экспорте составляет всего 30–40% от товарных позиций в Германии, США, Канаде и Китае⁵². По оценкам Центра исследований структурной политики НИУ ВШЭ, так называемая сложность российской экономики во втором десятилетии XXI в. оказалась заметно ниже даже уровня 1990-х годов.

Разрыв кооперационных цепочек производственно-хозяйственных связей характерен не только для России. На

52. Научный доклад «Россия в новую эпоху: выбор приоритетов и цели национального развития», подготовленный НИУ ВШЭ (Ведомости, 2020. 29 сентября).

карантин ушли многие предприятия в разных странах, что привело к нарушениям в глобальных цепочках стоимости в системе международного разделения труда, проявлению слабых звеньев этой системы. Все более актуальной становится локализация производственных цепочек с максимальной концентрацией добавленной стоимости на суверенных национальных территориях. В этой ситуации давно назревшая в России структурная трансформация экономики представляется основным фактором преодоления кризиса и выхода на траекторию устойчивого экономического роста. Собственно, как организационные, так и технологические предпосылки у России для этого имеются. С одной стороны, уже накапливается передовой организационный опыт скоординированного управления промышленным и инвестиционным потенциалом территорий. Хороший пример – промышленная площадка ОЭЗ «Липецк», на территории которой реализуют свои инвестиционные проекты 65 компаний из России, Европы, США, Японии, Китая, Республики Корея (РБК+, 2020. 19 июня. Вып. №2).

С другой стороны, Россия пытается вписываться в мировую тенденцию локализации на суверенной территории выпадающих звеньев производственной кооперации. Эта тенденция обозначилась еще до коронакризиса – он только ускорил ее и показал необходимость готовиться к серьезным организационно-управленческим усилиям и финансовым затратам. В России, например, уже давно стоит вопрос об организации собственного производства газовых турбин для энергоблоков. Правила отбора инвестиционных проектов по строительству энергоблоков с использованием газовых турбин допускают участие в конкурсе иностранных инвесторов, имеющих планы по локализации технологий в РФ (немецкая Siemens, американская GE). Вместе с тем ужесточение кризисных и геополитических условий потребовало проработки вариантов без иностранного партнера. Российскую турбину вызвались производить Силовые машины и консорциум Объединенной двигателестроитель-

ной корпорации Ростеха совместно с ИнтерРАО и Роснано. Экспериментальные энергоблоки на российских газовых турбинах обойдутся энергорынку вдвое дороже, чем предполагалось ранее. Однако, по мнению специалистов, в сложившихся условиях такой уровень затрат «вполне рыночный» (Коммерсантъ, 2020. 30 июня).

Тут уместно небольшое теоретическое отступление. Речь идет о замеченной аналитиками современной тенденции ухода логики принятия решений по производственной кооперации от стандартных позиций экономии на транзакционных издержках. «Более того, сейчас такая логика вообще становится не адекватной степени сложности экономики, когда цепочки создания стоимости постепенно сменяются экосистемами и платформами, фирмы трансформируются в дисперсные сообщества, а ключевую роль приобретают сетевые ресурсы» (Фролов, 2020. С. 127–128). Коронакризис, конечно, вносит свои коррективы в скорость реализации процессов реформирования сочетания иерархических и сетевых принципов организации, в формы установления закрепления новой нормальности. Очень важно и в этих условиях понимать, что возврат к прежним представлениям об организации стратегии развития, в том числе и к пониманию стандартных иерархий, уже невозможен. Но невозможно также с точностью определить вектор будущих изменений. Социально-экономическая система все еще пребывает в хаотическом состоянии, точки бифуркации в ходе эволюции системы не обозначились, вектор дальнейшего системного развития не определился. Сейчас можно только на относительно короткое время устанавливая взаимодействие и приоритеты многих факторов системной эволюции — экономических, социальных, политических, геополитических.

* * *

Опираясь на менее чем годичный опыт формирования новой нормальности, можно попытаться хотя бы уточнить наметившиеся пока еще очень короткие тренды. Вместе с тем

имеющийся опыт практических действий все еще не позволяет сделать ответственных оценок и рекомендаций.

Современное социально-экономическое положение уже привычно квалифицируется как коронакризис. Действительно, поводом к его возникновению была пандемия. Именно она толкнула власти всех стран, в том числе и России, к принятию тех или иных мер по преодолению возникших явлений в экономике и обществе. Реальные же кризисные явления явились уже результатом конкретных действий правительств. Локдауны, карантины, закрытие границ и другие многочисленные ограничения, непосредственно воздействовавшие на потребительскую и предпринимательскую активность, сокращали совокупный спрос и разрывали цепочки хозяйственных связей. Любой неверный или недостаточно выверенный шаг может вызывать непредвиденные масштабные экономические нарушения и разрушения. Для понимания таких последствий принимаемых мер оказывается достаточно имеющегося теоретического багажа — об этом писал еще Дж.М. Кейнс⁵³. Сейчас же важно осознать, что из-за пандемии и экстренных шагов правительств падение производства, сокращение спроса и разрыв производственных цепочек происходят очень быстро. Восстановление, напротив, потребует более длительного времени, высоких затрат и больших организационных усилий.

В России государство в условиях кризиса стимулирует спрос за счет роста дефицита бюджета и накопленных ранее резервов. При этом главное условие методологически грамотных действий — выдержать допустимые (хорошо известные в теории) соотношения основных параметров монетарной политики. При этом важным ограничителем является недопущение того, чтобы поступающие в экономику финансовые ресурсы не оседали в банковских резервах. Деньги должны беспрепятственно доходить до реального сектора и до населения. И главное — реальный сектор должен поддерживаться

53. См.: www.rbc.ru/opinions/finances/27/04/2020.

в таком состоянии, чтобы эти ресурсы принять. Значение организационного фактора тут очень велико. В российской экономике, как было показано в настоящей статье, иерархический принцип организации со свойственным ему централизованным принятием стратегических решений в кризисных условиях является доминирующим.

Раздел 2

ПРОЦЕССЫ
САМООРГАНИЗАЦИИ
В ЭКОНОМИЧЕСКИХ
СИСТЕМАХ: НАСТРОЙКА
МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ
ОПТИКИ

2.1. Самоорганизация: теоретические и методологические основания в оптике синергетической парадигмы⁵⁴

Объяснение экономики и общества как сложной саморазвивающейся системы стало в современном научном дискурсе своего рода исходным методологическим положением. На нем строятся как концепции стратегического развития, так и вытекающие из них представления об изменениях необходимых траекторий и рамок преобразований отдельных сегментов и системы в целом. Особенно полезным такое объяснение может быть в условиях очевидного многообразия моделей социально-экономического развития, связей, контактов и обменов между людьми и организациями, возникновения и преодоления кризисов развития, присущих современному миру.

Эволюция социально-экономических систем, как и любых сложных систем, многовариантна и зависит от характера внешней среды и структуры самой системы. При этом многовариантность будущих состояний системы и путей ее эволюции имеет свои закономерные ограничения, которые необходимо учитывать в реформаторской деятельности. Для намеченного в России прорыва к новому этапу социально-

54. Дерябина М.А. Самоорганизация: теоретические и методологические основания в оптике синергетической парадигмы // *Общественные науки и современность*. 2018. №6. С. 149–161. DOI: 10.31857/S086904990002757-4.

экономического развития знание и понимание этих ограничений означает возможность не только более точного выбора траектории развития, но и сбережение потенциальной энергии общества. Грамотное управление, таким образом, предопределяет ускорение социально-экономической эволюции, и наоборот. Причем один из основополагающих подходов к анализу сложных систем предполагает включение в исследование категории самоорганизации.

Самоорганизация: подходы и объяснения

Анализ самоорганизации как общемировоззренческой категории, как единицы системного знания выявляет зависимость ее толкования от того или иного аспекта структуры и эволюции системы. Соответственно, будучи одной из важнейших характеристик сложных систем, она является имманентным свойством и социально-экономических систем. При этом, с одной стороны, выявляется широкий спектр понятий, категорий и процессов, на которые опирается самоорганизация, а с другой — и сама самоорганизация экономики и общества предстает в различных конкретных проявлениях (как материально-вещественная, пространственная, социальная, институциональная, управленческая).

В случае социально-экономических систем, в отличие от естественно-природных, самоорганизация как фундаментальное свойство их возникновения и развития органично связана с сознательной деятельностью человеческого сообщества. Эволюционно-синергетическая теоретическая парадигма учитывает объективные различия между системами, созданными человеком, и системами, возникающими в результате только самоорганизации (Николис, Пригожин, 2017. С. 275–280; Хакен, 2014. С. 26, 34). При этом различия не всегда оказываются четко выраженными. Особенность гуманитарных систем, т. е. систем, созданных, спроектированных и построенных людьми, заключается в том, что их специфические функции во многих случаях могут осуществляться также путем самоорганизации. В гуманитарных системах

внешнее окружение, внешняя среда заданы жестко, поэтому закономерный обмен системы с окружающей ее средой — веществом, энергией и информацией — приобретает специфические черты. Эволюция таких систем определяется поведением действующих агентов во взаимодействии с внешней средой. В отличие от природных систем (физико-химических, биологических), чьи элементы также взаимодействуют с внешней средой, в гуманитарных системах в этот процесс вмешивается фактор интереса человеческого индивидуума и «коллективного сотворения истории» (Николис, Пригожин, 2017. С. 275–276).

Теоретические представления о самоорганизации создавались и развивались в рамках синергетической парадигмы и в целом сводились к пониманию процессов спонтанного упорядочивания, возникновения структур (пространственных, временных, пространственно-временных, функциональных) в открытых нелинейных системах. Первоначальное осмысление самоорганизации пришло из описания термодинамических и гидродинамических процессов (горения и теплопроводности). Решающим для мощного теоретического продвижения стало (и сейчас остается) математическое описание многих процессов различной природы. Математические модели (как отмечается в литературе, поначалу довольно простые) оказались подходящими для относительно адекватного отображения сложного поведения структур различной природы и разного класса систем — начиная с физики, химии, биологии вплоть до экономики, социологии, экологии и общих закономерностей человеческого бытия. Язык математического описания позволил выявить «фундаментальную общность процессов рождения, усложнения, видоизменения и тенденций к распаду структур в самых различных областях действительности» (Князева, Курдюмов, 2018. С. 42–43, 208). Таким образом, принципы самоорганизации, первоначально выведенные из естественных наук, в настоящее время успешно используются в анализе и организации человеческого обще-

ства. Из многочисленных конкретных методологических подходов к пониманию самоорганизации (в рамках гуманитарных систем вообще и социально-экономических систем, в частности) наибольшее признание в научном сообществе получили синергетическая модель «параметров порядка» и принцип подчинения Г. Хакена, теория диссипативных структур И. Пригожина и некоторые другие⁵⁵.

Для всех подходов к самоорганизации характерно ее толкование как своего рода формы жизни системы. Иными словами, самоорганизация имеет смысл только при наличии системы, ее структуры, ее элементов, взаимодействий между элементами системы, а также между системой и внешней средой. Наличие всех этих признаков системы абсолютно необходимо для ее формирования, организации и эволюции. Далее, во всех толкованиях самоорганизации наличествует тезис о понимании ее как эволюции системы от хаотического состояния к порядку, и наоборот. То есть самоорганизация может приводить к выходу системы из состояния равновесия, усилению хаотических состояний как основы для будущего упорядочения на новых принципах.

Наконец, система с позиции самоорганизации нередко трактуется как своего рода иерархия и взаимосвязь макроскопического и микроскопического состояния и описания системы. Эту иерархию ни в коем случае нельзя отождествлять с традиционной иерархией структурных уровней организации и управления экономикой, ее макро- и микроуровнями. При этом системное и макро-микроэкономическое понимание иерархии содержательно все-таки связаны (Занг, 1999. С. 306–309).

К экономическому анализу, с определенными оговорками, применимы категории описания системы. Так, можно

55. К числу подходов к изучению феномена самоорганизации сложных систем следует также отнести модели самоорганизованной критичности (самоорганизация на «краю хаоса») П. Бака, модели сложных адаптивных систем М. Гелл-Манна, модели формирования и эволюции нестационарных структур в режимах с обострением А. Самарского и С. Курдюмова (см.: Князева, Курдюмов, 2018. С. 205).

сопоставить (но не отождествлять) экономическую теорию всеобщего равновесия и синергетические понятия устойчивости и неустойчивости системы (Хакен, 1985). Синергетические «параметры порядка» (Хакен) ассоциируются с воздействием макроэкономических переменных на предпринимательскую среду. В целом теория самоорганизации может способствовать очень важному аспекту экономического анализа — пониманию динамизма и многомерности экономики как системы. Современная теоретическая экономика для поиска объяснений ряда процессов, таких как динамика развития, выбор стратегии развития, переход к сетевой организации и усиление горизонтальной координации, нуждается в основаниях, которые дает анализ общества и экономики как открытой самоорганизующейся системы. Иными словами, распространение понятий и категорий самоорганизации на экономический анализ может прояснить природу многих современных трендов в экономике и обществе.

Структурная природа системы (особенно — сложной) обычно объясняется тезисом — сумма частей не эквивалентна целому (Занг, 1999. С. 306). Этот тезис поддерживается практически во всех работах по самоорганизации⁵⁶. Для понимания структуры системы уместно вспомнить образное замечание И. Пригожина, который отмечал, что, говоря, например, об истории архитектуры, мы имеем в виду не отдельные кирпичи, а здание в целом. Говоря о старении, мы должны учитывать, что этот процесс затрагивает не отдельные атомы и молекулы, а отношения между ними. В ходе исторического развития сказанное относится не к изменению природы отдельных людей, а к изменению отношений между ними (Пригожин, Стенгерс, 2014b. С. 208). Даже рождение новых идей обусловлено тем, что люди погружены в разделяемый многими мир значений, проблем и отношений. И эти отношения, в свою очередь, зависят от развития средств коммуни-

56. Данный тезис теории самоорганизации хорошо соотносится с тезисом экономического анализа о том, что макроэкономика не есть агрегат субъектов микроэкономики.

кации и связи, от создания глобальной коммуникационной сети. Это уже напрямую относится к природе гуманитарных систем.

Таким образом, одного положения о том, что система состоит из элементов («частиц», по Пригожину), для понимания смысла структуры недостаточно. Структура появляется, если между элементами происходят взаимодействия. Тут проявляется еще один признак структуры системы — разные типы таких взаимодействий. Простое взаимодействие элементов («межчастичное» взаимодействие) является признаком самого наличия системы, причем содержание, смысл этого признака — потенциальная энергия. Она остается потенциальной до тех пор, пока система и ее структура находятся в состоянии относительного равновесия. Более сложный тип взаимодействия элементов появляется в ходе динамических процессов и может быть обозначен как корреляция. Корреляции возникают в случае, когда элементы системы оказывают воздействие друг на друга, сталкиваясь и сообщая друг другу некую информацию («общение», по Пригожину). В случае сталкивающихся элементов системы возникает поток корреляций — парные, тройные и более сложные. Элементы «помнят» о столкновении и соответственно меняют свой характер (Пригожин, Стенгерс, 2014б. С. 138–140). Это уже не простое взаимодействие элементов с неким энергетическим потенциалом, а корреляции всего поведения системы, усиление динамизма и нарушение в результате ее равновесного состояния. Данные процессы не только характеризуют структуру системы, но и составляют содержание перехода системы от порядка к хаосу (Пригожин, Стенгерс, 2014а. С. 211).

Для экономического анализа понятие подобных кооперативных взаимодействий в рамках системы методологически важно. Под влиянием этих взаимодействий и взаимной координации элементов система изменяет характер своего макроэкономического поведения, переходя от равновесного к неравновесному состоянию, от порядка к хаосу, и наобо-

рот. Таким образом, кооперативные взаимодействия макроскопически проявляются как самоорганизация (Занг, 1999. С. 291; Хищенко, 2014. С. 25–26).

Категория хаоса для самоорганизации – одна из основных, ибо в самом общем плане она как раз и трактуется как спонтанное упорядочение, т. е. переход от хаоса к порядку. В результате этого упорядочения происходят формирование и эволюция структур – уже упоминавшихся пространственных, временных и функциональных. А благодаря возникновению структур проявляется и иерархия макро- и микроскопического состояния системы. Такая иерархия уровней системы предполагает два совершенно различных по смыслу проявления хаоса (Пригожин, Стенгерс, 2014б. С. 208–209).

На микроскопическом уровне, т. е. у самого основания множества первичных структурных элементов системы, царит так называемый динамический (по Пригожину) хаос. Он служит основой для макроскопических воздействий, преобразующих и упорядочивающих этот микроскопический хаос. Именно такое макроскопическое воздействие приближает систему к равновесию. На макроскопическом уровне хаотическое состояние системы упорядочивается за счет особых внутренних механизмов – параметров порядка (Хакен, 2014. С. 132–133). Это особые величины (переменные), которые подчиняют себе и организуют поведение отдельных элементов и подсистем сложной системы (Хакен, 1980. С. 231–235). В конечном счете, поведение большой системы зависит от поведения небольшого числа параметров порядка. Поэтому даже очень сложные системы могут быть сведены к очень простым (Занг, 1999. С. 266–267). Параметры порядка, таким образом, позволяют системе находить новые траектории к равновесию за счет упорядочения первоначального хаоса. В более поздней работе, «Информация и самоорганизация: макроскопический подход к сложным системам», Хакен ввел в число уровней описания самоорганизации понятие мезоскопического уровня (Хакен, 2014. С. 65–66).

Значение методологии параметров порядка для системного экономического анализа невозможно переоценить. Мезоуровень — именно тот уровень, где с помощью параметров порядка из огромного множества характеристик микроскопических элементов (упоминавшийся динамический хаос, по Пригожину) выявляются существенные для образования структур самоорганизующейся системы. При этом внутренние механизмы, порождающие порядок в неравновесных системах, отличаются от механизмов, устанавливающих порядок в системах, находящихся в равновесии.

Оба механизма значимы для анализа самоорганизации. Любая развивающаяся система в своей эволюции проходит через стадии равновесия и неравновесия, причем активность процессов самоорганизации зависит от степени удаленности системы от равновесного состояния. Равновесная система в ходе достаточно продолжительной эволюции и накопления информации упирается в своего рода «энтропийный барьер», не позволяющий просто восстановить первоначальное состояние (Пригожин, Стенгерс, 2014б. С. 140). Корреляции во взаимодействии элементов и подсистем запускают процесс перехода от порядка (равновесное состояние) к хаосу. Одновременно другие корреляции создают обратный процесс — переход от хаоса к порядку. Оба процесса — прямой и обратный — в принципе компенсируют друг друга (Пригожин, Стенгерс, 2014а. С. 211]. Система продолжает эволюционировать в процессе самоорганизации на основе синтеза порядка и хаоса в поиске достижения максимально возможной устойчивости (Николис, Пригожин, 1979. С. 22, 287). В состоянии устойчивости (порядка) сохраняется и иерархия уровней самоорганизации. Если (когда) наступает обратный процесс — распад сложной системы на более простые — система теряет устойчивость (хаос). Но после достижения некоей критической точки в развитии хаотичного состояния вновь начинается упорядочение и возникает иерархия уровней самоорганизации. Но это — уже новые элементы, новые структуры и новые взаимодействия (Бранский).

Уровни описания самоорганизации системы и формирования ее структур

Описание самоорганизации системы как процесса поиска и обретения ею структуры может быть выполнено на различных взаимосвязанных уровнях (Хакен, 2014. С. 65–66). На микроскопическом уровне главное – мелкие, подробные свойства множества элементов, самоценные сами по себе. Потенциально микроскопические элементы могут образовывать разнообразные макроскопические состояния с новыми свойствами (Хакен, 2014. С. 34). Однако система погружается в процесс самоорганизации только тогда, когда начинается образование ее структур. А для этого, в свою очередь, необходимо пренебречь многими мелкими подробностями микроскопических элементов, т. е. существенно сократить объем информации, чтобы выявить особенности их поведения, важные для данного процесса. Своего рода отбор микроскопических частей и элементов системы происходит в соответствии с так называемым принципом подчинения Хакена, на основании которого осуществляется исключение части переменных, вследствие чего поведение системы оказывается обусловленным гораздо меньшим числом степеней свободы. В реально функционирующих сложных системах (например, в социально-экономических) число параметров порядка гораздо меньше по сравнению с имеющимся большим числом «подчиненных» микроскопических элементов (Хакен, 2014. С. 77, 79). Поэтому упорядочивание такой системы по параметрам порядка требует исключения некоторой части неустойчивых микроскопических переменных и удержания равновесия за счет меньшего числа параметров (Занг, 1999. С. 265–268). Это и есть принцип подчинения, без которого невозможно осуществить анализ эволюции и самоорганизации системы. Более того, нарушение принципа подчинения неизбежно приводит к нарушению устойчивости системы из-за возникновения ее хаотического движения, при котором микроскопические элементы перестают полностью подчиняться параметрам порядка (Хакен, 1980. С. 375).

Мезоскопический уровень самоорганизации, таким образом, формируется в процессе упорядочения системы по параметрам порядка. Главный результат состоит тут именно в том, что на мезоскопическом уровне происходит образование структур системы. Хакен отмечает: для многих исследований вообще достаточно рассматривать систему на мезоскопическом уровне, ибо формируемые на этом уровне структуры уже содержат достаточную информацию об ее эволюции и самоорганизации (Хакен, 2014. С. 66, 80). На мезоуровне происходит колоссальное сжатие информации и сохраняется только та, которая имеет реальное и решающее значение для формирования структур⁵⁷.

В соответствии с синергетической теоретической парадигмой система может считаться самоорганизующейся, если она без специфического воздействия извне обретает какую-то пространственную, временную или функциональную структуру (Хакен, 2014. С. 34)⁵⁸. Самоорганизация поэтому есть такое упорядочение системы, которое выражается в спонтанном образовании и эволюции структур (Князева, Курдюмов, 2018. С. 220). Названные выше структуры вполне адекватно описывают самоорганизацию социальноэкономических систем. В связи с этим исследование данных структур может служить хорошей методологической основой для мезоэкономического анализа.

В современной глобализированной экономике процессы эндогенной самоорганизации, как в каждой гуманитарной системе, конечно, соседствуют с факторами «коллективного сотворения истории». Соотношение этих двух начал в разные периоды (особенно краткосрочные) может меняться. Однако долгосрочные тренды развития сложной и нелинейной совре-

57. Принцип подчинения нельзя отождествлять с хорошо известным в макроэкономическом анализе принципом агрегирования, в соответствии с которым производится укрупнение экономических показателей за счет их объединения в единый общий показатель.

58. Для самоорганизации положение о неспецифическом и специфическом воздействии на систему имеет принципиальный смысл. Специфическое воздействие — это целенаправленное внешнее навязывание системе структуры или функционирования. В этом случае о самоорганизации речь не идет.

менной экономики свидетельствуют, что именно формирование и эволюция всех названных видов структур самоорганизации должны быть в центре мезоэкономического анализа. При этом в сложной социально-экономической реальности не просто разглядеть процессы формирования данных структур. Тем не менее именно по их состоянию можно оценить реальную эволюцию системы. В целом синергетический анализ эволюции социально-экономических систем, их организаций и структур как раз и прослеживает эту сложность: периодичность, чередование ускорения и замедления процессов формирования или, напротив, распада структур, а также стирания различий между ними.

Пространственные структуры социально-экономических систем — это, наверное, самые наблюдаемые, непосредственно прослеживаемые признаки самоорганизации⁵⁹. Данные структуры как одна из составляющих самоорганизации имеют относительно устойчивую природу, они распознаваемы и в ходе формирования, и в форме возникшей организации. Правда, в них проявляется и фактор специфического воздействия, который так или иначе может деформировать естественные, эндогенные, процессы самоорганизации. Тем не менее общий вектор этих процессов определять необходимо.

Пример мощного сдвига в пространственных структурах социально-экономической системы — наблюдаемый в эпоху становления и расширения постиндустриальной экономики (и общества) постепенный отход от иерархичной модели организации производственно-хозяйственных и рыночных связей и последовательное формирование нового способа производства, основанного на сетевом укладе производственных и хозяйственных взаимодействий (*Смординская, 2015*).

59. Пространственные структуры не следует отождествлять с территориальными. Территориальные структуры — это географическое размещение реального производства, населения, природных ресурсов, климатических зон, городских агломераций и т.п. Специфический фактор воздействия на территориальные структуры является определяющим. Однако и в таких структурах в ходе их достаточно длительной эволюции процессы самоорганизации рано или поздно обнаруживают себя (*Князева, Курдюмов, 2018. С. 87–88*).

Формируется то, что в новой системе понятий принято называть распределенным производством (Смординская, Катухов, 2017).

Процесс пространственной перестройки структуры системы развивается, последовательно проходя стадии распада структур, выполнивших свою историческую миссию, последующего упорядочения хаотического состояния системы и, наконец, формирования структур с новыми устойчивыми свойствами. Как было сказано, пространственные структуры – наиболее наблюдаемые по сравнению с другими структурами мезоскопического уровня. Основной такой наблюдаемой формой и одновременно механизмом перехода к новым пространственным структурам стали так называемые стоимостные цепочки⁶⁰, прежде всего глобальные стоимостные цепочки.

Не следует, однако, полагать, что новые пространственные структуры есть исключительно феномен постиндустриального развития. Исподволь они зрели в ходе развития и теоретического осмысления длительных трендов хозяйственной практики, мировой торговли, разделения труда. Толчком к их формированию в качестве прообраза современных пространственных структур системы, а не результата только известных «размещенческих» факторов, стала попытка трактовать новые структуры как изначальный выбор микроэкономическими агентами их хозяйственных предпочтений и стремление выстраивать в соответствии с этими предпочтениями новые связи (сбытовые, снабженческие, информационные и пр.) (Пилясов, 2011. С. 6–7). Менялись и некогда устойчивые теоретические представления о немобильности отдельных факторов производства и полной мобильности товаров. Так был сделан определенный шаг к пространственному объяснению ценовых цепочек, в том числе и глобальных. Уже в 1970-х гг. в представления об организации международных

60. Методологически правильнее было бы говорить о распределенном производстве и стоимостных цепочках в глобализированной экономике, когда последовательные стадии производственно-хозяйственного цикла выходят за границы не только отдельных фирм, но и стран.

экономических отношений, мировой торговли внедрялись концепции и инструменты новой теории организации промышленности (Пилясов, 2011. С. 10–12). Теория общего равновесия, в которой пространственное распределение объяснялось через микроэкономический механизм (микрорешения фирм, производителей и работников), принадлежит П. Кругману (Krugman, 1979; Krugman, 1991)⁶¹.

Современные глобальные стоимостные цепочки представляют собой пространственные структуры, характеризующиеся принципиально новыми свойствами, отличными от традиционной рыночной кооперации (Смородинская, Катков, 2011. С. 73–75, 83–87)⁶². Во-первых, ракурс анализа рыночной координации переместился с простого обмена конечной продукцией между фирмами к анализу координируемых ими цепочек. Создаются пространственные межфирменные сети, в рамках которых организуются потоки добавленной стоимости. Цепочки таких операций неизбежно выходят за рамки отдельных фирм и организуются многими компаниями одной страны или группы стран. Рыночная координация поэтому также выходит за рамки отдельных фирм в целях организации производства мирового уровня. Такая организация, в свою очередь, обеспечивает цепочки нарастания потока добавленной стоимости от начала производственно-хозяйственного процесса вплоть до конечного потребителя (см.: (Ореховский, 2016)).

Во-вторых, в рамках цепочек последовательные стадии производства не замыкаются организационно и юридически границами соответствующих корпораций, а «распределяются» по тем фирмам и странам, где эти производства обеспе-

61. Ему же принадлежит и объяснение через микроэкономический механизм формирования международных пространственных структур: страна может отказываться от изменения пространственной дислокации технологий в результате решений отдельных фирм, которые могут и не быть рациональными (Пилясов, 2011. С. 22; Brezis, Krugman, Tsiddon, 1993).

62. В литературе используются также близкие по смыслу термины: цепочки поставок, продуктовые цепочки, ценностные цепочки, цепочки добавленной стоимости, стоимостные цепочки и др., ключевое слово для всех этих понятий – цепочка как организационная (пространственная) устойчивая связь экономических агентов.

чивают более высокую эффективность. Получается сложная распределенная бизнес-сеть из юридически самостоятельных, но функционально объединенных звеньев. Причем первоначальный инициатор всей цепочки связан с ее звеньями не иерархически (как было в случае традиционных промышленных корпораций и холдингов), а координационно, объединяя звенья всего бизнес-процесса. Таким образом, меняется пространственная структура экономической системы: от стоимостных цепочек до распределенного производства, от хаотического переходного состояния до новой устойчивости. На месте бывших иерархий возникает новый горизонтальный сетевой уклад (Смординская, Катуков, 2017. С. 77–78, 94).

Формирование пространственных структур системы происходит в органической взаимосвязи с другими структурами мезоскопического уровня. Упомянувшиеся временные, пространственно-временные и функциональные структуры также перестраиваются под новое состояние системы. Поэтому пространственные изменения в структурах системы, даже если структурные преобразования начинаются именно с них, требуют перестройки системы институтов, т. е. функциональных структур. Однако старые функциональные структуры не могут не быть ограничением эволюции системы (Кирдина-Чэндлер, 2017а).

Временные структуры социально-экономических систем, в отличие от пространственных, являются сложно наблюдаемыми, сложно идентифицируемыми, так как их вычленение из общего структурного поля системы затруднительно и содержательно, и технически. Вместе с тем роль временных структур для понимания эволюции сложных социально-экономических систем трудно переоценить.

Временные структуры — один из наиболее дискуссионных элементов мезоскопического анализа структур системы. В противовес упрощенному, «вульгарному», их пониманию как последовательности прошлого, настоящего и будущего, свойственного линейным представлениям о развитии, синергетическая парадигма исследует временные структуры системы

с точки зрения близости или отдаленности от точки нарушения равновесия в развитии системы. Вообще активность самоорганизации системы, как уже отмечалось, зависит от ее удаленности от состояния равновесия. Структуры могут быть «старыми» и «молодыми» в зависимости не от момента их появления, а от срока их существования в системе. Молодые структуры – предвестники будущего, старые коренятся в прошлом. Соответственно, настоящее всегда состоит из элементов прошлого и будущего. Получается, что главный признак старых структур состоит в том, что это – медленно уходящие структуры. А молодые структуры, напротив, являются «быстро сгорающими» структурами (Князева, Курдюмов, 2018. С. 121).

С таких, синергетических по сути, позиций выстроена целостная концепция времени в философии М. Хайдеггера (Хайдеггер, 1993). По Хайдеггеру, прошлое – следы прежних, но не исчезнувших процессов, это «память» системы. Будущее – множество возможных траекторий эволюции системы. Поэтому подлинное время – не последовательность, а вечное присутствие временных структур. Хайдеггер говорит о некоей «временности» (*Zeitlichkeit*), которая «изначально времениется из будущего» (Heidegger, 1986. P. 328–331)⁶³.

Структуры разного возраста имеют разный темп эволюции. В этой связи невозможно произвольно объединить или разъединить структуры системы. Временные структуры органически привязаны к организационным (пространственным) и функциональным тенденциям эволюции системы. Поэтому сложная структура системы представляет собой некую суперпозицию ряда структур разного возраста, конкретные области локализации которых определенным образом взаимно перекрываются⁶⁴. В связи с этим при анализе временных

63. Термин «изначально времениется из будущего» распространен в научной литературе о концепции времени, а Хайдеггером используется как рабочий, хотя сам временной детерминизм ведет свою историю еще из античной философии.

64. Кругман в своей концепции экономической географии отмечает колоссальные эффекты зависимости сложившегося размещения производительных сил в пространстве от прошлого пути (Пилясов, 2011. С. 20; Krugman, 1987. P. 41–55, 47).

структур эволюционно развивающейся нелинейной системы необходимо, во-первых, увидеть в ее сегодняшнем состоянии те звенья и сегменты, в которых процессы в данный момент времени протекают так, как они шли во всей системе в прошлом. Во-вторых, нужно видеть также и те элементы и сегменты, в которых уже сейчас процессы развиваются так, как они будут идти во всей системе в будущем (Князева, Курдюмов, 2018. С. 153–156).

Для мезоэкономического анализа понимание «временности» структур принципиально. Такие известные концепции, как *path dependence*, «эффект колеи», правомерно отдают должное преемственности развития, соединяя временные структуры настоящего с теми, какими они были на прошлом этапе эволюции той или иной социальноэкономической системы. Подобный временной детерминизм хорошо поддерживает анализ временных структур настоящего. Временные структуры будущего понять сложнее. Хайдеггер оперировал ими как своего рода проектом, как возможностью свершиться, наступить. Главное в концепции временных структур будущего — их присутствие уже в настоящем в качестве собственного прошлого. Временной детерминизм структур мезоуровня создает определенные границы, рамки возможного в проектировании эволюции социально-экономической системы, которые следует учитывать в качестве объективного фактора в процессе целеполагания «коллективного сотворения истории».

Исследуя процессы самоорганизации в человеческих сообществах, синергетическая теоретическая парадигма фиксирует феномены возможного введения в систему новых видов деятельности, которые в случае успеха могут расширяться и стабилизироваться в структурах системы. При этом если тот же вид деятельности попытаться внедрить в какое-то другое время, то успех наблюдается отнюдь не всегда. Поэтому необходимо так осторожно подходить к краткосрочному планированию, основанному на непосредственной экстраполяции прошлого опыта (добавлю — и чужого

опыта). Статические методы определения перспективы грозят обществу застоєм, а возможно, и катастрофой (Николис, Пригожин, 2017. С. 280).

Временные структуры социально-экономической системы существуют и живут независимо от намерений и конкретных действий агентов «коллективного сотворения истории». Вероятно, именно это следует, помимо прочего, иметь в виду при любом варианте экономической и социальной модернизации. Разрабатывая программы движения вперед, прогресса в материальном базисе и в человеческом потенциале, стремясь максимально реализовать потенциальную энергию общества (и все это совершенно правильно), следует нащупывать своего рода точки опоры, которые «подсказываются» из будущего. Это контуры надвигающейся гуманитарной цивилизации человечества, опирающейся на принципы самоорганизации (Евстигнеева, Евстигнеев, 2016. С. 181–186).

Функциональные структуры – третий тип синергетического структурирования самоорганизации. Социально-экономические системы, безусловно, относятся к классу сложных не просто потому, что состоят из большого и очень большого числа элементов, а потому, что сложным является их поведение. Сложное же поведение требует сложных норм его структурирования. Для мезоэкономического анализа это значит, что организация и функционирование экономики как системы требует адекватных институтов. Если исходить из положения о роли мезоскопических структур для упорядочения системы, то на передний план выходит поиск главных особенностей, существенных для образования структур и позволяющих обобщать, группировать элементы системы, находить нормы их упорядоченного функционирования. Это и есть институты. Хакен называл их «переменными» и в качестве примера возможных мезоскопических переменных для экономических и социальных систем приводил, соответственно, «денежные потоки» и «число людей, разделяющих определенные взгляды» (Хакен, 2014. С. 65–67).

Выполнение любых сложных функций призвано осуществлять сложные системы, состоящие из согласованно действующих частей. Для понимания универсальных законов, описывающих и объясняющих функционирование сложной системы, необходимо знать, для какого уровня – макро- или микроскопического – они предназначены. От этого будет зависеть специфика организации и структуры фундаментальных свойств системы или, если угодно, модели сложной системы. Здесь опять уместно вспомнить, что макро- и мезоскопическое описание системы позволяет за счет колоссального сжатия информации получить понимание глобальных, фундаментальных ее свойств. К их числу относится и соотношение между отдельными макроскопическими переменными. Однако к этим макроскопическим переменным в конечном счете приводят конкретные индивидуальные микроскопические события, которые по своей природе могут оказаться недостаточно известны на других уровнях⁶⁵. Иными словами, речь идет о «тонком понятии сложности», присущем всем сложным системам (Хакен, 2014. С. 26–28).

Представленные институтами функциональные структуры изначально связаны (взаимно перекрываются) с пространственными и временными структурами, причем их специфика состоит в формировании рамок, ограничений, предпочтений и стимулов. Мезоскопические функциональные структуры обеспечивают нормы устойчивых состояний в эволюции системы. Для мезоэкономического анализа это означает, что экономика нуждается для своего устойчивого функционирования в мезоструктурах и механизмах и постое-

65. Системное объяснение связи макроскопических переменных с конкретными событиями в среде элементов микроуровня не следует отождествлять ни с применяемым в экономическом анализе принципом методологического индивидуализма, ни с трактовкой макроэкономики как агрегата субъектов микроуровня. Уровни системы не равнозначны уровням организации и управления экономикой. Это отличает понимание мезоуровня системы от традиционных трактовок мезоэкономики.

янно осуществляет поиск таких норм и правил (Кирдина-Чэндлер, Маевский, 2017. С. 12).

Функциональные мезоскопические структуры заняли свое место в экономическом анализе именно благодаря институциональному содержанию. Выделение мезоуровня экономики и мезоэкономический анализ базируются «на представлении об экономике как сложной самоорганизующейся системе. Здесь мезоуровень экономики определяется как система устойчивых социально и материально обусловленных структур взаимосвязей и правил совместного функционирования составных частей экономической системы, которые обеспечивают ее воспроизводство и динамику развития в долгосрочной перспективе. Поэтому исследования мезоуровня позволяют увидеть те особенности структурного устройства экономики и механизмов ее развития, которые не улавливаются в микро- и макроэкономике» (Кирдина-Чэндлер, 2017б. С. 26).

Каждый из описанных типов структурной характеристики системы, формируемых на мезоуровне, определяет соответствующий аспект самоорганизации. Поэтому анализировать процесс и результат самоорганизации следует по всей совокупности новых свойств системы. Эти свойства, как отмечалось, не просто связаны между собой, но взаимно перекрывают друг друга. Для целей мезоэкономического анализа основные структуры процессов самоорганизации в ходе эволюции системы, а также характеристики, обеспечивающие ее новые свойства, можно было бы схематично представить в виде таблицы:

Таблица. Структуры самоорганизации экономических систем на мезоуровне

Тип структуры	Свойства системы
Пространственные структуры	Организация производственно-хозяйственных взаимодействий
Временные структуры	Вектор развития
Функциональные структуры	Институты как нормы взаимодействий

В первом приближении, опираясь на теоретические и методологические основания самоорганизации, можно выделить некоторые объективные требования к выработке общей концепции системного социально-экономического реформирования в России.

1. Для сложных систем невозможно произвольно задать траекторию развития. Напротив, следует понять и использовать их собственные сложившиеся тренды. Резкое специфическое воздействие на структуру и функционирование социально-экономической системы, насильственный слом эндогенных процессов самоорганизации неизбежно приведут к растрате ресурсов и потенциальной энергии общества.

2. Переход к инновационному этапу социально-экономического развития состоит в создании условий для формирования адекватных производственно-хозяйственных взаимодействий, ведущих к максимизации потоков добавленной стоимости. Традиционные монополистические корпорации (иерархии) должны уступить место сетевым формам координации и кооперации труда (сетевой уклад) в соответствии с закономерностями развития инновационной экономики и возможностями и требованиями IT-технологий.

3. Разработка социально-экономической стратегии требует соразмерного общей траектории развития соотношения временных факторов – учета не только прошлого опыта, но и модусов времени в целом, в том числе признаков новой постиндустриальной цивилизации.

4. Для устойчивого социально-экономического развития и освоения принципов новой модели необходимы соответствующие функциональные структуры – новые институты, организационные и нормативные. При этом создание их не должно стать самоцелью (не стоит спешить внедрять понравившиеся институты). Рассматривать их следует исключительно как механизмы формирования и поддержки новой траектории развития социально-экономической системы.

Большая научная дискуссия о стратегических направлениях социально-экономического развития России еще впе-

реди. Но уже сейчас понятен общественный запрос на ее результаты. Во-первых, обновления требует сама модель развития экономики и общества, о чем многократно говорилось и писалось, но что так и остается неясным. Во-вторых, пройти этап смены модели необходимо в исторически короткие сроки (заявленный «рывок» в развитии), что также не нуждается в доказательствах, но требует серьезной теоретической проработки.

2.2. Экономика как система: поиск мезоуровня в рамках синергетической парадигмы⁶⁶

Попытки представить экономику как большую саморазвивающуюся систему, понять и объяснить с этих позиций ее структуру, функционирование и принципы анализа предпринимаются в научной литературе постоянно (Занг, 1999; Евстигнеева, Евстигнеев, 2012; Князева, Курдюмов, 2018). Характерно, что в самих этих попытках прослеживается некая эволюция подходов — от традиционного линейного мышления с привычной методологией анализа на все более увеличивающемся числе параметров и объектов и, соответственно, на все более усложняющихся моделях до современных гетеродоксальных парадигм, отличных от теоретического мейнстрима. Уровень сложности социально-экономических процессов настолько высок, что вполне закономерными стали попытки использовать для их анализа инструментарий, казалось бы, относящийся к иным областям знания, но зато позволяющий адекватно понимать наблюдаемую реальность, не ограничивая трактовку достигнутым уровнем ортодоксальной экономической теории (Смординская, 2015). В этом смысле из всех неортодоксальных теорий следует выделить эволюционную и синергетическую парадигмы, привнесшие в экономический анализ новые возможности системного и структурного понимания экономики и общества.

66. Дерябина М.А. Экономика как система: поиск мезоуровня в рамках синергетической парадигмы // Вестник ИЭ РАН. 2018. №4. С. 9–18.

Развитие теоретических представлений экономики как системы

Исследование экономики и общества в рамках синергетической (и эволюционной) теоретической парадигмы методологически базируется на принципиально ином понимании системы как категории общего порядка. При любых методологических оговорках общественная и экономическая система (социально-экономическая система) большинством теоретических парадигм мейнстрима трактуется как иерархия разных масштабов и сложности. Уровни системы, соответственно, понимаются как уровни такой иерархии. Микроуровень представляется как множественность субъектов рыночных отношений (производственно-хозяйственных единиц) – предприятий, фирм, организаций, а также домохозяйств. Макроуровень трактуется как уровень народного хозяйства в целом. При этом важно, что в экономическом анализе он выступает не как сумма предприятий и организаций (агрегат единиц микроуровня), а как единое структурное образование. Наконец, принципиальное значение имеет методологическое выделение мезоуровня в иерархии уровней экономической системы как ее среднего звена, конкретно – уровня межотраслевых и межрегиональных связей субъектов различных сфер и видов деятельности (Мезоэкономика переходного периода..., 2001; Мезоэкономика развития..., 2011). В такой трактовке мезоуровень экономики как иерархической системы представляет собой важное специальное пространство взаимодействий предприятий и организаций – уровень горизонтальных связей.⁶⁷ Вместе с тем в рамках этого подхода все сложнее было найти место нелинейным связям элементов и уровней усложняющейся социально-экономической системы. Мезоуровень экономики и мезоэкономический анализ стал наполняться понятиями, выходящими за

67. Для корректности анализа к указанной классификации уровней иерархии следует добавить еще и мировой уровень как уровень мирового хозяйства в целом. В условиях глобализации анализ экономической системы любой страны невозможен без учета воздействия на нее мирового хозяйства.

рамки «среднего звена». Мезоэкономика стала трактоваться как «естественное поле формирования и действия экономических институтов» (Клейнер, 2003; Волынский, 2017). Однако такое содержательное обогащение представлений о смысле вычленения мезоуровня все-таки не выявляло главного свойства экономики как системы — ее способности к самоорганизации и саморазвитию.

Синергетическая теоретическая парадигма исследует поведение экономики как нелинейной динамической системы, описывая ее динамику как повышение степени упорядоченности сложной системы. Эволюция системы при этом происходит путем изменения параметров (Николис, Пригожин, 2017; Пригожин, Стенгерс, 2014а), толкающих систему по пути чередования неустойчивых и стационарных состояний⁶⁸. Эти переменные получили признание в качестве параметров порядка. При такой трактовке эволюции системы (саморазвития и самоорганизации) возникает необходимость более глубокого понимания соотношения и взаимодействия ее микроскопического и макроскопического уровней. Причем первоначально для системного анализа было вполне достаточно этих традиционных уровней структуры системы.

В одном из первых изданий классического труда Г. Хакена «Синергетика» (Хакен, 1978) в процессе анализа самоорганизации систем речь действительно шла только о микроскопическом и макроскопическом уровне (Хакен, 1980, С. 231–235). Однако для описания степени упорядоченности системы из всего набора величин (переменных) потребовалось выделить те, которые подчиняют себе поведение отдельных подсистем сложной системы. Они-то и получили известное название «параметров порядка» (Хакен, 1980, С. 231). В конечном итоге поведение всей системы зависит от поведения небольшого числа таких параметров. Показывая

68. Такое понимание системной эволюции, первоначально сформировавшееся в естественных науках, признается большинством авторов также и в качестве закономерности развития общества и экономики.

процесс самоорганизации систем и упорядочения их элементов, Хакен первоначально довольствовался схематическим отображением формирования подсистем только через выделение параметров порядка с последующим выходом системы в новое, более упорядоченное поведение. В.-Б. Занг, опираясь на параметры порядка Хакена, специально подчеркивал, что поведение сложной системы определяется, в сущности, поведением очень малого числа таких переменных, а потому даже очень сложные системы могут быть сведены к очень простым (Занг, 1999. С. 266–267). Таким образом, между макро- и микроскопическим уровнем системы появляются методологически новые элементы, представляющие собой не просто промежуточный уровень ее структуры (как это трактовалось бы в иерархической модели), а позволяющие системе находить новые траектории к равновесию.

И. Пригожин квалифицировал самоорганизацию систем, также опираясь на разделение ее микроскопического и макроскопического уровней. Множество элементов и их взаимодействий, направленных на самоорганизацию, он методологически исследовал через понятия хаоса и порядка. При этом различается динамический хаос на микроскопическом уровне и диссипативный хаос на макроскопическом уровне (Пригожин, Стенгерс, 2014б. С. 208–209). Динамический хаос господствует на микроуровне и служит фундаментом последующих преобразующих этот хаос макроскопических явлений, к числу которых относятся приближение системы к равновесию, свойственный ее макроскопическому уровню диссипативный хаос и соответствующие диссипативные структуры⁶⁹. Диссипативные явления представляют собой макроскопические реализации хаотической динамики. Причем именно реализации, а не агрегирования, как это представлялось в иерархической модели экономики.

69. С теорией диссипативных систем можно более подробно ознакомиться в гл. 2. Словарь сложного (Николис, Пригожин, 2017).

Дальнейшее развитие теоретического представления уровней организации и эволюции систем требовало методологически зафиксировать тот уровень, на котором формируются и действуют «параметры порядка». Это тем более необходимо для описания эволюции системы путем ее сведения к системам меньшей размерности (Николис, Пригожин, 2017. С. 122, 130), а также упомянутого сведения сложных систем к более простым. Для экономического анализа особенно ценным представляется методологический подход теории ансамблей, развиваемой в рамках синергетической парадигмы. Уровни описания эволюции и самоорганизации систем усложняются вместе с усложнением самих систем. Это в полной мере относится и к социально-экономическим системам⁷⁰.

Для понимания смысла и необходимости выделения того уровня системы, на котором возникают и действуют параметры порядка, следует уяснить, как минимум, два важных обстоятельства. Во-первых, при системном анализе, в том числе экономическом, удобно и более надежно вычислять и оперировать средними статистическими значениями. Во-вторых, фиксировать наличие некоего особого уровня необходимо для системы, достигшей или приближающейся к состоянию равновесия. Г. Хакен назвал его мезоуровнем, И. Пригожин писал об «ансамблевой» точке зрения (Пригожин, Стенгерс, 2014б. С. 131–146). Теория ансамблей послужила для Пригожина узловым пунктом понимания динамики, т. е. естественного упорядочивания системы во времени.

Пригожин отмечал ограниченность описания системы в терминах отдельных траекторий ее элементов. Он приво-дил образный и понятный аргумент «ансамблевого» подхода: когда речь идет об истории архитектуры, то имеются в виду не отдельные кирпичики, а здания в целом. Процесс старения человека затрагивает не отдельные атомы и молекулы, а отно-

70. Во всех основополагающих трудах по синергетике, опирающихся, как известно, на данные естественно-научных исследований, есть специальные отсылки о применимости главных теоретических и методологических положений синергетики к развитию гуманитарных систем и «человеческих сообществ», см., например: (Николис, Пригожин, 2017. С. 275–280)

шения между ними. А история подразумевает не изменение природы отдельных людей, а изменение отношений между ними, развитие средств связи, которое приводило бы к созданию глобальной коммуникационной сети. И при системном анализе той или иной конкретной ситуации, по Пригожину, надлежит выходить за рамки концепции времени как параметра, описывающего только последовательные движения отдельных систем. Нелинейное развитие поэтому предполагает, что «адекватное описание хаотических систем, эволюции во времени, включающее в себя необратимость и вероятность, достижимо только на уровне ансамблей» (Пригожин, Стенгерс, 2014b. С. 208).

Г. Хакен для «адекватного описания» процессов самоорганизации использовал понятие уровня системы. Микроскопический, мезоскопический и макроскопический уровни, описывающие систему, взаимосвязаны (Хакен, 2014. С. 65–66). На микроскопическом уровне действуют многочисленные элементы системы, самоценные сами по себе и способные образовывать самые различные макросостояния с новыми свойствами. Смысл этого уровня в жизни системы – огромное множество всевозможных событий и подробностей изменений, накопление колоссального массива самой разнообразной информации. Здесь еще нет структуры. В этом событийном, эмпирическом базисе необходимо найти те элементы и состояния, которые толкают систему по пути эволюции и выявляют особенности ее поведения. Это и обеспечивает «параметры порядка», действующие на мезоуровне системы. Таким образом, отбор информации, важной для упорядочения системы, происходит на ее мезоуровне.

Для многих целей достаточно рассматривать систему на мезоскопическом уровне, предельно сокращая объем информации и вычлняя только главные параметры, направляющие ее эволюцию (Хакен, 2014. С. 65–67). Особое место мезоскопического уровня определяется тем, что именно на этом уровне системы формируются ее структуры. Более того, структуры являются формой самого существования системы, система возникает тогда, когда появляются структуры.

Структуры самоорганизации экономики как системы

Из сказанного вытекает, что главным признаком самоорганизации как процесса упорядочения системы является спонтанное образование и эволюция ее структур (Князева, Курдюмов, 2018. С. 220). Иными словами, система только в том случае может считаться самоорганизующейся, если она без специфического воздействия извне обретает некую пространственную, временную или функциональную структуру (Хакен, 2014. С. 34)⁷¹. Все три указанных типа структур, характерных для синергетического представления самоорганизации любой системы, вполне адекватно описывают самоорганизацию социально-экономических систем. Это значит, что данные структуры могут использоваться для целей мезоэкономического анализа. Однако в сложной социально-экономической реальности не всегда можно сразу увидеть и проследить формирование этих структур. Синергетический подход к анализу эволюции социально-экономических систем способствует «расшифровке» этой сложности — периодичность событий, чередование ускорения и замедления процессов, формирования или, напротив, распада структур, их сближения или расхождения.

Пространственные структуры. Эти структуры, формирующие процесс самоорганизации, не только непосредственно распознаваемы и наблюдаемы, но и имеют относительно устойчивую природу. В эпоху становления и расширения постиндустриальной экономики именно пространственные структуры выступают в качестве наиболее явных признаков перехода от иерархической экономической системы к системе, базирующейся на нелинейных горизонтальных связях (Смординская, 2015). Формируется новое свойство постиндустриальной экономической системы — распределенное производство. Основной наблюдаемой формой

71. Специфическое воздействие (извне) предполагает целенаправленное внешнее навязывание системе структуры или функционирования. Понятно, что в этом случае не идет речь о самоорганизации как эволюции системы.

новых пространственных структур являются так называемые стоимостные цепочки (Смординская, Катуков, 2017)⁷². При этом важно понимать, что новые структуры не были исключительным феноменом постиндустриальной экономической системы — они исподволь готовились длительными трендами хозяйственной практики, мировой торговли, разделения труда. Смысл нового феномена пространственных структур организации состоит в отходе от традиционных «размещенческих» факторов к фактору изначального выбора самими микроэкономическими агентами новых предпочтений и связей (сбытовых, снабженческих, информационных и пр.) (Пилясов, 2011. 6–7). Теория нового пространственного распределения через микроэкономический механизм принадлежит П. Кругману (Krugman, 1979; 1991).

Отличие пространственных структур современной экономической системы от традиционной рыночной кооперации очевидно. Оно заключается в перемещении критериев организации от простого обмена конечной продукцией между фирмами к координации ими нарастающих потоков добавленной стоимости — от начала производственно-хозяйственного процесса вплоть до конечного потребителя (Смординская, Катуков, 2017. С. 73–75, 83–87; Ореховский, 2016). В рамках цепочек последовательные стадии производства не ограничиваются организационно и юридически рамками соответствующих корпораций, а «распределяются» по тем фирмам и странам, где эти производства обеспечивают более высокую эффективность. Таким образом, меняется пространственная структура экономической системы: от стоимостных цепочек до распределенного производства, от хаотического переходного состояния до новой устойчивости. На месте бывших иерархий возникает новый горизонтальный сетевой уклад (Смординская, Катуков, 2017. С. 77–78, 94).

72. В научной литературе используются также близкие по смыслу термины: «цепочки поставок», «продуктовые цепочки», «ценностные цепочки», «цепочки добавленной стоимости», «стоимостные цепочки» и др., ключевым словом для всех этих понятий являются «цепочки» как организационная (пространственная) устойчивая связь экономических агентов.

Характерным и хорошо известным примером современных пространственных структур являются кластеры. Это вариант специфического альянса фирм и организаций, объединяющих на началах кооперации отдельные стадии стоимостных цепочек (Смородинская, 2015. С. 93–94, 115; Шаститко, 2009). Крупные промышленные кластеры – это и есть образцы упомянутого выше распределенного производства. Формирование пространственных структур экономической системы происходит в органической взаимосвязи с другими структурами мезоуровня, которые также перестраиваются под новое состояние в развитии системы.

Временные структуры. Этот тип структур гораздо более сложен для наблюдения, объяснения и идентификации. Временные структуры поэтому являются сложным аспектом мезоэкономического анализа. Упрощенная, по некоторым оценкам, «вульгарная», трактовка временных структур как последовательного физического чередования прошлого, настоящего и будущего в таком анализе использована быть не может. Для понимания самоорганизации как сложного нелинейного развития временные структуры должны раскрываться с точки зрения близости или отдаленности от точки нарушения равновесия системы (в т.ч. и социально-экономической). Структуры могут быть «старыми» и «молодыми» не в увязке с моментом их появления, а в зависимости от срока (возраста) их существования в системе. Свойственные каждому конкретному моменту молодые структуры ведут свой счет из будущего, старые – из прошлого (Князева, Курдюмов, 2018. С. 121).

Временная, по сути, синергетическая концепция структуры системы опирается на теорию времени М. Хайдеггера (Хайдеггер, 1993). По Хайдеггеру, прошлое – это «память» системы, будущее – это множество возможных траекторий эволюции системы. Поэтому подлинное время – это не последовательность, а вечное присутствие временных структур (*Zeitlichkeit*) (Heidegger, 1986. Pp. 328–331). Временные структуры органически привязаны к организационным (про-

странственным) и функциональным тенденциям эволюции системы. Сложная структура системы представляет собой некую суперпозицию ряда структур разного возраста, конкретные области локализации которых определенным образом взаимно перекрываются. В связи с этим при анализе временных структур эволюционно развивающейся нелинейной системы необходимо, во-первых, увидеть в ее сегодняшнем состоянии те звенья и сегменты, в которых процессы в данный момент времени протекают так, как они шли во всей системе в прошлом. Во-вторых, нужно видеть также и те элементы и сегменты, в которых уже сейчас процессы идут так, как они будут идти во всей системе в будущем (Князева, Курдюмов, 2018. С. 153–156). Поэтому главное в концепции временных структур будущего – присутствие их уже в настоящем в качестве собственного прошлого. В инновационной экономике такое представление структурной эволюции подтверждается практически ежедневно. Так, нейросети уже помогают принимать важные решения, причем в рамках очень крупных промышленных проектов. А надвигающаяся революция в банковском деле принесет с собой не только отказ от наличных расчетов, но и от таких на сегодняшний день сравнительно молодых продуктов, как банковские карты. Все это – не что иное, как точки опоры в развитии системы, «подсказываемые» из будущего, которые следует иметь в виду при разработке любых программ социально-экономической модернизации.

Функциональные структуры. Сложная природа и сложное поведение социально-экономических систем, даже самых больших, объясняется не множественностью составляющих их элементов, но прежде всего сложным поведением этих элементов. Понятно, что сложное поведение требует сложных норм его структурирования. Для мезоэкономического анализа это означает, что функционирование экономики как системы требует адекватных институтов. При этом функциональные структуры, представленные институтами, изначально связаны (взаимно перекрываются) с пространственными и времен-

ными структурами, а собственная их специфика заключается в формировании рамок, ограничений, предпочтений и стимулов. Именно мезоскопические функциональные структуры обеспечивают нормы устойчивых состояний в процессе эволюции системы. Для своего устойчивого функционирования экономика нуждается в таких мезоструктурах и механизмах и постоянно осуществляет поиск соответствующих норм и правил (Кирдина-Чэндлер, Маевский, 2017. С. 12).

Для эволюции экономики как большой саморазвивающейся системы принципиально то, что каждый из описанных типов ее структурной характеристики, формируемых на мезоуровне, определяет соответствующий аспект самоорганизации. Результатом самоорганизации системы оказывается приобретение ею новых свойств, изначально формирующихся, как и структуры, на мезоуровне. Так, пространственные структуры обеспечивают организацию производственно-хозяйственных взаимодействий, временные структуры поддерживают вектор их развития, а функциональные структуры создают разнообразные институты как нормы взаимодействий в рамках экономической системы.

2.3. Методологические основания исследования мезоуровня экономики как сложной системы⁷³

Введение: эволюция методологических подходов к мезоэкономике

В научном дискурсе по проблемам мезоуровня экономики, институтов и институциональных систем как предмета мезоэкономического анализа нередки разночтения и методологические противоречия, возникающие, правда, на фоне общего роста интереса к мезо-проблематике (Кирдина-

73. Дерябина М.А. Методологические основания исследования мезоуровня экономики как сложной системы // Journal of Institutional Studies. 2018. №3. С. 30–39. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.3.030-039.

Чэндлер, Маевский, 2017). Популярный тезис об экономике как сложной саморазвивающейся системе также по-разному трактуется в рамках различных теоретических парадигм. При этом все теоретические объяснения так или иначе выделяют в качестве опорных представления о структуре социально-экономической системы, ее микро- и макроуровни. Со временем, по мере усложнения как самой экономики, так и методов ее анализа, появилась методологическая необходимость выделения некоего «среднего звена» в качестве промежуточного в анализе иерархии уровней экономической системы.

Мезоэкономика получила объяснение в качестве «естественного поля формирования и действия экономических институтов» (Клейнер, 2003. С. 16; Волинский, 2017. С. 40–41). Само по себе это было существенным продвижением в системном анализе экономики. Трактовка ее большинством теоретических парадигм мейнстрима как иерархии разных масштабов и сложности (уровни системы, соответственно, понимались как уровни такой иерархии) заменялась системным, по сути, объяснением роли мезоэкономического пространства со свойственными ему функциями в структуре и эволюции системы (Мезоэкономика развития, 2011). Мезоэкономический подход, опираясь на структурное единство системы, интегрирует методологический аппарат исследования микро- и макроэкономики — на мезоуровне учитываются как индивидуальные особенности экономических агентов, так и закономерности их группового поведения (Колесник, 2015. С. 6–7). Понятно, что речь идет о специальном пространстве формальных и неформальных отношений агентов, а это и есть институты. При этом и сам мезоуровень, в свою очередь, есть совокупность составляющих его сложных систем со своей структурой, внутренней иерархией и взаимодействиями. И это тоже институты.

В настоящее время сформировался значительный массив теоретических и методологических знаний о мезоуровне экономики как системы. Он представлен большим спектром научных подходов — от экономического мейнстрима до

весьма разнообразных гетеродоксальных теорий⁷⁴. В подавляющем большинстве работ с той или иной степенью определенности мезоуровень экономики рассматривается как пространство формирования и функционирования институтов. При этом многообразные научные подходы объединяет важное общее свойство — они отталкиваются в понимании мезоуровня исключительно от экономики как главного поля институциональных исследований, оставляя фактически в стороне системную ее природу, признаваемую скорее формально. Между тем попытки исходить в предмете мезоанализа не только из экономики как таковой, но и отталкиваться от другой составляющей — экономики как системы — могут значительно обогатить теоретические и методологические основания такого анализа.

Мезоуровень в рамках эволюционно-синергетической парадигмы

Системный анализ в целом и синергетическая парадигма в частности исследуют общие принципы, лежащие в основе функционирования систем (Хакен, 2015b. С. 361). Классики синергетики развивали свои исследования в сфере естественных наук, но системные принципы и оценки распространяли и на гуманитарные науки, выделяя в большинстве основополагающих работ специальные разделы по экологии, социологии, экономике. Г. Хакен, исследуя «макроскопические» масштабы формирования структур в системах в процессе взаимодействия их элементов и подсистем, выделял пространственные, временные и пространственно-временные структуры, а также те взаимосвязанные уровни, на которых может и должно быть выполнено описание любой системы. При этом терминологически и по существу специально обозначался мезоскопический уровень (Хакен, 2014. С. 65–67).

74. См., например, рубрику «Институциональная мезоэкономика» в Журнале институциональных исследований за 2017 г., Т. 9. №3.

Путь к осознанию методологической необходимости мезоуровня не был простым. В классических трудах по синергетике (Г. Хакен, И. Пригожин) анализ процессов самоорганизации систем предполагал наличие в их структуре взаимодействующих микроскопического и макроскопического уровней (Хакен, 1980. С. 231–235; Пригожин, Стенгерс, 2014б. С. 131–146; 208–209). На микроскопическом уровне главное содержание – это огромное множество элементов, их свойств и взаимодействий, самоценных как таковых. Потенциально это множество элементов может образовывать разнообразные макроскопические состояния с новыми свойствами. Однако система только тогда погружается в новое состояние, т. е. в процесс самоорганизации, когда начинается формирование ее структур. Смысл формирования структуры заключается в отборе из многих мелких частных микроскопических элементов именно таких, которые важны для формирующейся структуры. Это, в свою очередь, означает, что должен быть существенно сокращен объем информации, заложенной на микроуровне, и выявлены особенности элементов, определяющие поведение системы. В результате такого отбора в поведении системы существенно сокращается число степеней свободы и выявляются те характеристики, которые упорядочивают ее эволюцию. В трудах Г. Хакена эти характеристики получили название «параметров порядка», а термин стали использовать и другие авторы. Эволюция системы, таким образом, происходит через изменение параметров, толкающих систему по пути чередования неустойчивых и стационарных состояний. Упорядочивание любой системы, в т.ч. и социально-экономической, по параметрам порядка требует исключения некоторой части неустойчивых микроскопических переменных и удержания равновесия системы за счет меньшего числа параметров (Занг, 1999. С. 265–268)⁷⁵.

75. Очевидно, что такой подход принципиально отличается от распространенного механистического представления экономики как иерархии уровней, составляемых не только определенным типом объектов, но и агрегированием величин, их определяющих, по мере восхождения от более низкого к более высоким уровням иерархии (Курдина-Чэндлер, 2017б. С. 6–7).

И. Пригожин в понимании самоорганизации и эволюции сложных систем также исходил из их разделения на микроскопический и макроскопический уровень. Упорядочение системы он трактовал как переход от состояния хаоса к порядку. Хаос на микроуровне служит фундаментом последующих преобразующих этот хаос макроскопических явлений, приближающих систему к равновесию. Он отмечал ограниченность описания системы в терминах отдельных частных траекторий ее элементов. Им была создана теория ансамблей, объясняя которую Пригожин ссылался на наглядные примеры. В качестве примера «ансамблевого» подхода он приводил историю архитектуры, которая имеет в виду не отдельные кирпичики, а здания в целом. В свою очередь, история в целом подразумевает не изменения природы отдельных людей, а изменение отношений между ними за счет развития средств связи и взаимодействий. По Пригожину, нелинейное развитие предполагает такое описание хаотических систем, их эволюции во времени, которое достижимо только на уровне ансамблей (Пригожин, Стенгерс, 2014б. С. 131–146; С. 208; Пригожин, Стенгерс, 2014а. С. 209–210). Эволюция системы выбирает свою траекторию из многих возможных вариантов (хаоса), т. е. происходит отбор вариантов эволюции на основе конкретного выбора по конкретным характеристикам из их множества – ансамблей. Теория ансамблей послужила для Пригожина ключевым пунктом понимания динамики, т. е. естественного упорядочивания системы во времени.

Мезоуровень и формирование структур системы

Развитие теоретических представлений об уровнях организации и эволюции систем требовало методологически зафиксировать тот уровень, на котором формируются и действуют параметры порядка и ансамбли траекторий эволюции. Это тем более необходимо при описании системной эволюции за счет сведения к системам меньшей размерности, а также сведения сложных систем к более простым (Занг,

1999. С. 266–267; Николис, Пригожин, 2017 С. 122, 130). Именно поэтому Г. Хакен выделил мезоуровень в качестве необходимого для описания (и понимания) природы субординации уровней развития «от микроскопического мира к макроскопическому»⁷⁶. Методологический смысл выделения мезоуровня заключается в том, что именно на этом уровне происходит формирование структур как главной характеристики системы. И именно поэтому, как отмечал Г. Хакен, во многих случаях систему вообще достаточно анализировать на мезоуровне, так как формируемые на этом уровне структуры уже содержат необходимую информацию об эволюции системы и ее самоорганизации.

Во-первых, на мезоуровне, как отмечалось, происходит колоссальное сжатие информации (отбор характеристик из многочисленных частных мезоуровня), отбирается и сохраняется только та, которая имеет реальное и решающее значение для формирования структур. Во-вторых, именно на мезоуровне реализуются последствия воздействия параметров порядка, которыми оперирует макроуровень. Этим и объясняется ключевое значение мезоуровня для системного, в т.ч. и для социально-экономического анализа. В соответствии с синергетической теоретической парадигмой система только тогда может квалифицироваться как самоорганизующаяся, когда она обретает структуру – пространственную, временную и функциональную (Хакен, 2014. С. 34). Иными словами, самоорганизация есть такое упорядочение системы, которое выражается в спонтанном образовании и эволюции структур (Князева, Курдюмов, 2018. С. 220). При этом в самоорганизующихся системах при изменении параметров может образовываться иерархия структур, не обусловленная внешними воздействиями. Структуры, в свою очередь, могут усложняться во времени и в пространстве (Хакен, 2015. С. 20–21).

76. Такое название Г. Хакен дал главе 2 своей монографии «Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам».

Упомянутые типы структур вполне адекватно могут описывать самоорганизацию и эволюцию социально-экономических систем. Синергетический подход позволяет наблюдать и квалифицировать содержание системной эволюции – периодичность процессов, чередование их замедления и ускорения, формирование или, напротив, распад структур, их сближение и стирание различий между ними. Важно, что синергетический подход выявляет усиление нелинейного характера современной глобализированной экономики, позволяет объяснить и понять то, что не укладывается в традиционные критерии линейного развития. Что же касается мезоуровня и мезоскопического анализа, то синергетическая теоретическая парадигма открывает более широкий угол зрения на соотношение структур и на место в этом соотношении упоминавшегося выше институционального системного пространства. Для мезоэкономического анализа и понимания роли экономических институтов такой подход создает существенную методологическую определенность. Институциональное содержание локализуется в сегменте функциональных структур, составляющих только часть структуры системы. Поэтому простое отождествление мезоуровня экономики с экономическими институтами сильно упрощает картину и препятствует квалифицированному объяснению экономики как сложной саморазвивающейся системы.

Типы структур самоорганизации социально-экономических систем

Пространственные структуры. В социально-экономических системах именно этот тип структур является не только наиболее наблюдаемым, но и позволяет отчетливо квалифицировать принципы и конкретные траектории эволюции системы⁷⁷. Организация пространственных структур на различных исторических этапах всегда была важным призна-

77. Пространственные структуры нельзя отождествлять с территориальными. Территориальные структуры – это географическое размещение реального производства, населения, природных ресурсов, климатических зон, городских агломераций и т.п.

ком самоорганизации социально-экономической системы, по которому узнавался и оценивался общий вектор развития. На индустриальном этапе в рамках суверенных экономик складывались различные, но достаточно устойчивые типы пространственных структур в форме тех или иных иерархий – в материальном производстве, в финансовом секторе, в принципах организации управления.

На этапе постиндустриального развития начался мощный сдвиг в пространственных структурах социально-экономических систем как в суверенных экономиках, так и в глобальном масштабе. Этот сдвиг заключается в постепенном переходе от преимущественно иерархичной модели организации производственно-хозяйственных и рыночных связей к формированию новой пространственной структуры, основанной на сетевом укладе производственных и хозяйственных взаимодействий (Смородинская, 2015). Пространственные структуры обрели форму, называемую распределенным производством (Смородинская, Катукоев, 2017).

Указанные сдвиги хорошо объясняются в категориях синергетической теоретической парадигмы. Г. Хакен специально останавливается на вопросе об эволюции (и формировании) пространственных структур при воздействии на них параметров порядка, говоря о «пространственной зависимости переменных системы». Удерживая параметры порядка, можно получить «скелет возникающих структур», позволяющий проследить рост пространственной структуры. При этом следует иметь в виду, что сами параметры не могут быть выбраны произвольно. Они должны соответствовать нелинейному характеру системы, чтобы задавать возможные «скелеты» и траектории эволюции пространственных структур. Устойчивое состояние системы в случае изменения значений параметров управления может стать неустойчивым⁷⁸. В активных средах (какими, несомненно, являются социально-эко-

78. Это особенно важно в ситуациях, когда возникает объективная потребность изменить «скелет» возникающих пространственных структур и найти новую траекторию эволюции системы.

номические системы) могут возникать смешанные пространственно-временные структуры (Хакен, 2015. С. 75–77).

Конкретным примером изменения пространственных структур современной постиндустриальной экономики от иерархической модели организации к сетевому укладу стали так называемые стоимостные цепочки⁷⁹. Новые структуры, «скелеты», возникают, однако, не одномоментно. Они исподволь готовились в ходе развития и прагматического осмысления длительных трендов хозяйственной практики, мировой торговли, разделения труда. При этом методологически важно, что как прообраз современных пространственных структур они формировались на основе изначального выбора на микроэкономическом уровне экономическими агентами в качестве хозяйственных предпочтений и стремления выстраивать в соответствии с этими предпочтениями новые связи (сбытовые, снабженческие, информационные) (Пилясов, 2011. С. 6–7). Теория общего равновесия, в которой пространственное распределение объяснялось через микроэкономический механизм (микрорешения фирм, производителей и работников), принадлежит П. Кругману (Krugman, 1979; 1991).

Современные глобальные (и суверенные) стоимостные цепочки представляют собой пространственные структуры, характеризующиеся принципиально новыми свойствами, отличными от традиционной рыночной кооперации (Смординская, Катуков, 2017. С. 73–75, 83–87). Во-первых, межфирменные связи переместились в основном с обмена конечной продукцией на производство и торговлю промежуточной продукцией. При этом цепочки операций по созданию конечного продукта выходят за рамки одной компании и одной страны и организуются как совместный проект многих компаний из разных стран. Создаются

79. В литературе используются близкие по смыслу термины – «цепочки поставок», «продуктовые цепочки», «ценностные цепочки», «цепочки добавленной стоимости», «стоимостные цепочки», «глобальные производственные цепочки». Вне зависимости от контекста использования этих понятий все их роднит главное – перечисленные цепочки организуются как распределенная пространственная сеть, структуры с относительно устойчивыми связями.

пространственные межфирменные сети (сетевой уклад), в рамках которых циркулируют потоки добавленной стоимости между участниками. При этом крупные международные фирмы, организующие такие цепочки, осуществляют не просто рыночную координацию (как в индустриальной рыночной экономике), а координацию информационно-сетевых связей между участниками в целях создания продукта мирового уровня⁸⁰.

Во-вторых, в рамках цепочек последовательные стадии производства не замыкаются организационно и юридически границами соответствующих корпораций, а «распределяются» по тем фирмам и странам, где эти производства обеспечивают более высокую эффективность. Получается сложная распределенная бизнес-сеть из юридически самостоятельных, но функционально связанных звеньев. Таким образом, принципиально меняется пространственная структура экономической системы: от традиционных иерархических конструкций до распределенного производства, от хаотического переходного состояния до новой устойчивости. Возникает новый горизонтальный сетевой уклад (Смординская, Катухов, 2017. С. 77–78, 94).

Временные структуры. В отличие от пространственных структур, временные структуры сложно наблюдать, сложно идентифицировать, их труднее вычленивать из общего структурного поля системы как содержательно, так и технически. Поэтому временные структуры — один из наиболее дискуссионных элементов мезоскопического анализа системы. Вместе с тем роль временных структур для понимания эволюции сложных социально-экономических систем трудно переоценить. Описанные выше пространственные структуры всегда существуют и эволюционируют во времени — в процессе идентификации и осознания цели, создания соответствующей организационной структуры, реализации цели и начала поиска следующей.

80. См. также: (Ореховский, 2016).

В рамках синергетической теоретической парадигмы объяснению временных структур придается большое значение. Модус времени – неизбежный способ существования и функционирования системы, предполагающий целый ряд обязательных характеристик. В противовес упрощенному пониманию временных структур как физической последовательности прошлого, настоящего и будущего, свойственному линейным представлениям о развитии, синергетическая парадигма исследует временные структуры системы с точки зрения близости или отдаленности от точки нарушения равновесия в развитии системы. Связи в системе лишь относительно устойчивы – в рамках того или иного периода времени. Структуры могут быть «старыми» и «молодыми» не в зависимости от момента их появления, а в зависимости от срока их существования в системе. Молодые структуры – из будущего. Старые структуры – из прошлого. Настоящее, в соответствии с этим, всегда состоит из элементов прошлого и будущего. Получается, что старые структуры не просто из прошлого, их главный признак в том, что это медленно уходящие структуры. А молодые структуры, напротив, являются «быстро сгорающими» структурами (Князева, Курдюмов, 2018. С. 121).

Целостная концепция модуса времени в эволюции системы, синергетическая по своей сути, выстроена в философии М. Хайдеггера (Хайдеггер, 1993). В соответствии с этой концепцией, прошлое – это следы прежних, но не исчезнувших процессов, это «память» системы. Будущее – это множество возможных траекторий эволюции системы. Поэтому подлинное время – это не последовательность, а вечное присутствие временных структур. Хайдеггер говорит о некоей «временности» (*Zeitlichkeit*), которая «изначально временится из будущего» (Heidegger, 1986. P. 328–331)⁸¹.

Сложная структура системы представляет собой некую суперпозицию ряда структур разного возраста, конкрет-

81. Термин «изначально временится из будущего» распространен в научной литературе о концепции времени, а М. Хайдеггером используется как рабочий, хотя сам временной детерминизм ведет свою историю еще из античной философии.

ные области локализации которых определенным образом взаимно перекрываются⁸². В связи с этим при анализе временных структур эволюционно развивающейся нелинейной системы необходимо, во-первых, увидеть в ее сегодняшнем состоянии те звенья и сегменты, в которых процессы в данный момент времени протекают так, как они шли во всей системе в прошлом. Во-вторых, нужно видеть также и те элементы и сегменты, в которых уже сейчас процессы идут так, как они будут идти во всей системе в будущем (Князева, Курдюмов, 2018. С. 153–156). Такой временной детерминизм хорошо поддерживает анализ временных структур настоящего. Временные структуры будущего понять сложнее. Хайдеггер оперировал ими как своего рода проектом, как возможностью свершиться, наступить. Главное в концепции временных структур будущего – присутствие их уже в настоящем в качестве собственного прошлого. Поэтому временной детерминизм создает определенные границы, рамки возможного в проектировании эволюции социально-экономической системы.

В инновационной экономике пространственно-временное представление структурной эволюции подтверждается практически ежедневно. Так, нейросети уже помогают принимать важные решения, причем в рамках очень крупных промышленных проектов. А надвигающаяся революция в банковском деле, очевидно, принесет с собой не только отказ от наличных расчетов, но и от таких на сегодняшний день сравнительно молодых продуктов, как банковские карты. Все это – не что иное, как точки опоры в развитии системы, «подсказываемые» из будущего.

Функциональные структуры. Как упоминалось, мезоуровень экономики нередко трактуется как совокупность и пространство действия институтов. Между тем, синергетический анализ социально-экономических систем позволяет

82. П. Кругман, в своей концепции экономической географии отмечает колоссальные эффекты зависимости сложившегося размещения производительных сил в пространстве от прошлого пути (Пилясов, 2011. С. 20; Krugman, 1987. P. 47).

увидеть гораздо более сложную картину. Если исходить из положения о роли мезоскопических структур для упорядочения системы за счет максимального сокращения избыточной информации, то на передний план выходит поиск главных особенностей, существенных для образования структур и позволяющих обобщать, группировать элементы системы и находить нормы их упорядоченного функционирования. Это и есть институты. Г. Хакен называл их «переменными» (Хакен, 2014. С. 65–67).

Для понимания универсальных законов, описывающих и объясняющих функционирование сложной системы, необходимо знать, для какого уровня, макроскопического или микроскопического, они предназначены. От этого будет зависеть специфика организации и структуры фундаментальных свойств системы или, если угодно, модель сложной системы. Здесь опять уместно вспомнить о том, что макроскопическое и мезоскопическое описание системы позволяет за счет колоссального сжатия информации получить понимание глобальных, фундаментальных ее свойств. К их числу относится и соотношение между отдельными макроскопическими переменными. Однако к этим макроскопическим переменным, в конечном счете, приводят конкретные индивидуальные микроскопические события, которые по своей природе могут оказаться недостаточно известными на других уровнях (Хакен, 2014. С. 26–28).

Представленные институтами функциональные структуры изначально связаны (взаимно перекрываются) с пространственными и временными структурами, причем их собственная специфика состоит в формировании рамок, ограничений, предпочтений и стимулов. Мезоскопические функциональные структуры обеспечивают нормы устойчивых состояний в процессе эволюции системы. Для мезоэкономического анализа это означает, что экономика нуждается для своего устойчивого функционирования в мезоструктурах и механизмах и постоянно осуществляет поиск таких норм и правил (Кирдина-Чэндлер, Маевский, 2017. С. 12).

Заключение

Современная постиндустриальная экономика характеризуется существенными сдвигами в конфигурации и соотношении описанных структур мезоуровня. Возникают новые, отвечающие настоящему этапу характеристики каждого типа структур и их взаимодействий. Речь прежде всего идет об упоминавшемся сдвиге от преимущественно иерархической модели экономики к сетевому укладу. Этот переход затрагивает не только мезоуровень экономической системы, но всю систему в целом. Как было показано, наиболее наблюдаемыми происходящие изменения являются в пространственных структурах. Происходит переход от фирм как наиболее эффективных иерархических деловых организаций индустриальной эпохи к варианту проектов как адекватному постиндустриальным условиям способу сетевой организации предпринимательской деятельности (Ореховский, 2016. С. 23–25). Характерно, что системные изменения происходят во всех типах структур одновременно. В рамках проектов объединяются усилия специально организованного сетевого сообщества, границы участников которого могут совпадать, но чаще всего не совпадают с формальными границами фирм. Проект как пространственная структура всегда действует также и во временном измерении. Он имеет начальную и конечную стадии эволюции, предполагающей сочетание «старых» и «новых» временных структур. Проект как сеть обязательно имеет функциональное измерение – нормы взаимодействий элементов пространственных структур, организационные рамки которых не обязательно фиксируются юридически.

Понимание трендов постиндустриального развития может существенно помочь в поиске адекватной социально-экономической модели для России. Знание и понимание системных ограничений означает возможность не только гармоничного выбора траектории развития, но и сбережение потенциальной энергии общества. Методологические аспекты мезоуровня и мезоэкономического анализа могут способствовать обоснованному выбору конкретных подходов к осуществлению намеченного стратегического рывка в развитии России.

2.4. Теоретические и методологические основания самоорганизации социально-экономических систем⁸³

Памяти Рубена Николаевича Евстигнеева

Самоорганизация — фундаментальное свойство любой сложной саморазвивающейся системы. Здесь ключевыми характеристиками служат сложность и развитие, т. е. структура и изменения. Возникнув из осмысления сначала не самых сложных систем в сфере физико-химических, термодинамических, биологических и других естественных процессов, самоорганизация закономерно стала дисциплиной о типах поведения любых сложных систем Природы и Бытия. Можно назвать ряд сформировавшихся и признанных в теории методологических подходов к изучению феномена самоорганизации сложных систем. Это синергетическая модель «параметров порядка» и принципа подчинения Г. Хакена, термодинамические модели неравновесных процессов (теория диссипативных структур) И. Пригожина, модель самоорганизованной критичности (самоорганизация на «краю хаоса») П. Бака, модели сложных адаптивных систем М. Гелл-Манна, модель формирования и эволюции нестационарных структур в режимах с обострением А. Самарского и С. Курдюмова. Особая область знаний о самоорганизации сложных систем — агент-ориентированное моделирование — базируется на моделировании действий по определенным правилам агентов микроуровня и их влияния на показатели макроуровня сложных систем. Соответствующие модели могут объяснять такие критические состояния сложных систем, как войны, теракты, обрушение финансовых рынков (*Gorodetskii, 2012*). В целом при любом подходе к самоорганизации речь всегда идет о возрастающей сложности формообразований и об их

83. Дерябина М.А. Теоретические и методологические основания самоорганизации социально-экономических систем // Вопросы экономики. 2019. №7. С.73–94. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-7-73-94.

объединении в эволюционирующие целостности (Князева, Курдюмов, 2018. С. 205–206).

Самоорганизация — это эндогенное свойство сложной системы, направленное на самопроизвольное становление и поддержание взаимной координации элементов в процессе повышения ее сложности и неравновесности (Хищенко, 2014. С. 25–26). Можно сказать иначе: самоорганизация есть становление «когерентного (взаимосогласованного) поведения элементов» системы (Князева, Курдюмов, 2018. С. 204). Далее будет показано, что сущностью процессов самоорганизации в конечном счете выступает упорядочение системы за счет формирования ее структур. «Мы называем систему самоорганизующейся, если она без специфического воздействия извне обретает какую-то пространственную, временную или функциональную структуру» (Хакен, 2014. С. 34)⁸⁴.

В большинстве трудов по самоорганизации (преимущественно в рамках синергетической теоретической парадигмы) процессы и модели, выявленные первоначально на естественно-природной основе, затем распространяются на понимание феномена человека, человеческой культуры и общества. Однако, относя гуманитарные системы к классу сложных саморазвивающихся, многие авторы улавливают их важное специфическое свойство: они несут в себе не только самоорганизующиеся начала, но и результаты «коллективного сотворения истории» действиями индивидуумов и человеческими поступками (Николис, Пригожин, 2017. С. 275–276). Поэтому существуют определенные различия между системами, целенаправленно создаваемыми людьми и возникающими и эволюционирующими только в результате самоорганизации. При этом специфические функции систем, созданных при участии человека, могут осуществляться и путем естественной самоорганизации (Хакен, 2014. С. 34).

84. «Под специфическим внешним воздействием мы понимаем такое, которое навязывает системе структуру или функционирование» (Хакен, 2014. С. 34).

Специфика гуманитарных систем, к числу которых относятся социально-экономические, заключается в том, что в их эволюции, помимо определенной внутренней структуры (самоорганизации), значимую роль играет жестко заданное внешнее окружение, внешняя среда, с которой система обменивается веществом, энергией и информацией. Далее, гуманитарные системы строятся в соответствии с желаниями, намерениями и проектами человека, которые, наряду с внешней средой, участвуют в определении контуров их эволюции. Здесь кроется внутреннее противоречие — различие между желательным и действительным поведением систем. Таким образом, к фундаментальным системным характеристикам самоорганизации добавляется своего рода телеологический аспект, абсолютно необходимый для анализа эволюции социально-экономических систем.

Выход из упомянутого противоречия методологически не так прост и не может основываться только на опыте прошлого как достаточной предпосылке предвидения будущего. Более того, суть человеческих поступков скорее исходит из непредсказуемости будущего как на уровне индивидуумов, так и в процессе «коллективного сотворения истории». Краткосрочное планирование общественной жизни, основанное на «непосредственной экстраполяции прошлого опыта», неизбежно грозит застоєм и даже, как отмечал Пригожин, через какое-то время катастрофой. Рано или поздно ход истории это подтверждает. Поэтому «основным источником, позволяющим обществу существовать длительное время, обновляться и находить пути дальнейшего развития, являются его адаптационные возможности» (Николис, Пригожин, 2017. С. 275–280). Такой же подход обоснован в: (Бак, 2017).

Представление социально-экономического пространства в виде большой саморазвивающейся системы укоренилось в современном научном дискурсе. Характерно, что в нем, как отмечается (Дерябина, 2018а. С. 9), уже прослеживается некая эволюция подходов — от привычного линейного мышления и анализа, традиционно базирующегося на постоянно

увеличивающемся числе параметров и объектов и соответственно все более усложняющихся моделях, до современных гетеродоксальных парадигм, отличных от теоретического мейнстрима. В современном обществе и в экономике возрастает потребность в целостном видении намечаемых изменений и траекторий реформирования отдельных элементов системы. Это особенно актуально в условиях расширяющегося многообразия моделей социально-экономического развития, связей, контактов и обменов между людьми и организациями, возникновения и преодоления кризисов. Такое видение эволюции социально-экономических систем тем более необходимо при существующей многовариантности и нелинейности векторов развития, диктуемой как фактором воздействия внешней среды, так и структурой самой системы.

Теоретические представления и описания самоорганизации

Теоретический анализ самоорганизации как единицы системного знания и общемировоззренческой категории выявляет ее взаимосвязь с общим пониманием эволюции и структуры системы. Причем, будучи фундаментальным свойством сложных систем вообще, самоорганизация выступает одной из важнейших характеристик и социально-экономических систем. Анализ таких систем предполагает широкий спектр понятий, категорий и процессов, на которые опирается самоорганизация. В свою очередь, самоорганизация экономики и общества предстает в различных конкретных проявлениях — как материально вещественная, пространственная, социальная, институциональная, управленческая (Дерябина, 2018с. С. 150). При этом для объяснения феномена самоорганизации как таковой важно выявить истоки ее самостоятельности, системной имманентности как непреходящей формы Бытия.

Большая часть теоретических подходов к самоорганизации исходит из идеи развития целого из характера взаимодействия его отдельных частей. Принципы такого

взаимодействия могут быть различными, главное, чтобы они двигали систему по пути эволюции. В свое время наиболее отчетливо осмысление эндогенной природы самоорганизации проявилось в так называемой автопоэзийной теории, разрабатывавшейся преимущественно в социологии (Luhmann, 1984). Развивая теорию самоорганизации на примере социальных систем, Н. Луман выделяет ряд основополагающих принципов, определяющих границы и структуру системы. Самоорганизация при этом базируется на представлении системы в виде множества базовых элементов, одновременно и создаваемых ею, и создающих ее. В отличие от любой другой группировки, система способна производить и воспроизводить все свои составляющие части из себя самой. Далее, самоорганизация обеспечивает различие между тем, что находится внутри системы и составляет ее структуру, и тем, что относится к внешней среде (с которой система взаимодействует). На основе этих различий выстраиваются функциональные потребности и свойства системы. И, наконец, самое важное: в пределах своих границ система производит собственные структуры, в которых реализуется процесс самоорганизации.

Некоторые теоретические подходы к самоорганизации. Среди теорий, описывающих структуру и поведение сложных систем, особо отметим теорию самоорганизованной критичности Бака (Бак, 2017). Автор показывает междисциплинарность науки о сложных системах и ее применимость в контексте социэкономике, например в выявлении причин биржевых крахов или в демонстрации предсказуемости поведения таких различных сложных систем, как фондовый рынок и биосфера. Теория самоорганизованной критичности выявляет идентичность, общие свойства, внутреннее единство вроде бы не связанных друг с другом явлений, таких как деятельность нервной системы или экономическое поведение. Главными эмерджентными системными свойствами Бак считает следующие. Это, во-первых, прерывистое равновесие в развитии системы, когда длительные периоды относитель-

ного покоя время от времени нарушаются катастрофами различных масштабов (он называет их «лавинами»), например обвалы и ралли курсов акций⁸⁵. (Напрашиваются ассоциации с теорией диссипативного хаоса Пригожина. Модель самоорганизованной критичности иначе называют самоорганизацией «на краю хаоса».) Во-вторых, соотношение размеров таких катастроф, которые выражаются простой экспоненциальной формулой, когда, по сути, не требуется никаких специальных теорий для описания крупных событий: одни и те же силы отвечают как за текущее снижение индекса Доу-Джонса на пять пунктов, так и за «черный понедельник» 1987 г.⁸⁶ В-третьих, самоподобие, внутренне присущее системе на любых масштабах. Автор приходит к выводу, что эти эмерджентные черты подтверждают самоорганизованную критичность, когда спонтанная эволюция различных сложных систем вплоть до критического состояния дает ключ к пониманию ее единого принципа⁸⁷.

Центральные идеи теории самоорганизации (в рамках синергетической парадигмы) базируются на объяснении процессов спонтанного возникновения и упорядочения структур открытых нелинейных систем (пространственных, временных, пространственно-временных, функциональных). Методологически осмысление самоорганизации сформировалось, как уже упоминалось, в ходе изучения термодинамических и гидродинамических процессов (горения и теплопроводности). При этом основанием для теоретического продвижения стало (и остается) специально проработанное математическое описание их самоорганизации. Математические модели сначала были довольно простыми, но, как оказалось,

85. «Прерывистое равновесие – это идея о том, что эволюция происходит скачками, а не путем медленного, но неуклонного движения вперед...» (Бака, 2017. С. 163).

86. См. вступительную статью Г. Малинецкого «Чудо самоорганизованной критичности» к работе Бака (Бака, 2017. С. 39, 42, 43–44).

87. Показательно, что многие ученые и исследователи из разных областей знаний, включая даже специалистов в области геополитики, ознакомившись с книгой Бака, переосмыслили свое понимание событий и явлений окружающего мира. А ряд руководителей крупных компаний признали, что смогли понять причины преуспевания своего бизнеса, опираясь на теорию Бака.

прекрасно подходили для приемлемого адекватного отображения сложного поведения систем различной природы — в физике, химии, биологии, а затем и в экономике, социологии, экологии, вплоть до понимания общих закономерностей человеческого бытия. Язык математики выявлял «фундаментальную общность процессов рождения, усложнения, видоизменения и тенденций к распаду структур в самых различных областях действительности» (Князева, Курдюмов, 2018. С. 42–43, 208). В настоящее время теоретические принципы системной самоорганизации, исходно выведенные из естественных наук, успешно используются в системном анализе многих сфер Бытия, в том числе организации и эволюции человеческого общества.

Для всех подходов к самоорганизации характерно представление о ней «как своего рода формы жизни системы. Иными словами, самоорганизация имеет смысл только при наличии системы, ее структуры, ее элементов, взаимодействий между элементами системы, а также между системой и внешней средой. Наличие всех этих признаков системы абсолютно необходимо для ее формирования, организации и эволюции» (Дерябина, 2018с. С. 151).

Во всех толкованиях самоорганизации как имманентного свойства системы присутствует тезис о ее эволюции от хаотического состояния к порядку и наоборот. Самоорганизация, таким образом, предполагает выход системы из состояния равновесия и усиление хаотических состояний в качестве основы для будущего упорядочения на новых принципах (см. подробнее: (Николис, Пригожин, 2017; Пригожин, Стенгерс, 2014а)).

Уровни описания системы. Большинство подходов к самоорганизации трактует и описывает систему как своего рода иерархию взаимосвязей макро- и микроскопического состояния. Было бы не только упрощением, но и явной методологической ошибкой отождествлять такую системную иерархию с хорошо известной традиционной иерархией структурных уровней организации и управле-

ния экономикой. При этом, как показано в (Занг, 1999. С. 306–309), системное и управленческое понимание иерархии содержательно все-таки связаны. Категории описания системы методологически применимы и к экономическому анализу конечно, с определенной степенью условности. Так, синергетические понятия устойчивости и неустойчивости системы, как они трактуются в (Хакен, 1985), сопоставимы (но не тождественны) с экономической теорией всеобщего равновесия. Синергетические «параметры порядка» Хакена ассоциируются с макроэкономическими переменными воздействия на предпринимательскую среду, как это принято понимать в стандартной экономической теории. Теория самоорганизации методологически поддерживает актуальный аспект экономического анализа, а именно понимание динамизма и многомерности экономики как системы. «Современная теоретическая экономика для поиска объяснений ряда процессов, таких как динамика развития, выбор стратегии развития, переход к сетевой организации и усиление горизонтальной координации, нуждается в основаниях, которые дает анализ общества и экономики как открытой самоорганизующейся системы. Иными словами, распространение понятий и категорий самоорганизации на экономический анализ может прояснить природу многих современных трендов в экономике и обществе» (Дерябина, 2018с. С. 151). В целом стандартное теоретическое представление экономики как иерархии микро- и макроуровней внешне, казалось бы, укладывается в синергетическое понимание самоорганизации и эволюции сложных систем с их разделением на микро- и макроскопический уровни. Однако синергетическая парадигма опирается на собственные теоретические и методологические основания, более сложные, чем иерархические структуры управления.

Пригожин трактовал упорядочение системы как переход от хаоса к порядку (Пригожин, Стенгерс, 2014а). Хаос на микроуровне служит фундаментом последующих преобразующих его макроскопических явлений, приближающих

систему к равновесию. Пригожин был убежден в ограниченности традиционного описания системы как траекторий эволюции ее отдельных элементов. Так была создана теория ансамблей, объясняя которую, автор ссылался на наглядные примеры. В качестве примера «ансамблевого» подхода он приводил историю архитектуры, которая имеет в виду «не отдельные кирпичики, а здания в целом». Процесс старения, по его словам, «затрагивает не отдельные атомы и молекулы, а отношения между ними». В свою очередь, история в целом подразумевает не «изменение природы отдельных людей, а изменение отношений между ними» за счет «небывалого развития средств связи, которое привело к созданию глобальной коммуникационной сети». По Пригожину, нелинейное развитие предполагает понимание хаотических систем, их эволюции во времени, которое «достижимо только на уровне ансамблей» (Пригожин, Стенгерс, 2014б. С. 131–146, 208). Эволюция системы выбирает свою траекторию из многих возможных вариантов (хаоса), т. е. происходит отбор вариантов эволюции по конкретным характеристикам из их множества (ансамблей). Теория ансамблей послужила для Пригожина ключевым пунктом понимания динамики, или естественного упорядочения системы во времени.

Равновесие, хаос, «параметры порядка» и мезоуровень. Для понимания системного смысла самоорганизации можно исходить из тезиса о том, что система состоит из элементов, но «сумма частей системы не эквивалентна целому» (Занг, 1999. С. 306). Хотя это положение в принципе в системных исследованиях не оспаривается, его, однако, недостаточно, чтобы вникнуть в смысл самоорганизации как эндогенного свойства системы и ее структуры. Последняя появляется, когда между элементами системы происходят взаимодействия. Поэтому еще одним признаком структуры системы выступают их разные типы (см.: Дерябина, 2018с. С. 151–152)). Простое взаимодействие элементов (по Пригожину, «межчастичное» взаимодействие) служит признаком самого наличия системы, а содержание, смысл этого признака – потенциальная энер-

гия. Она остается потенциальной до тех пор, пока система и ее структура находятся в состоянии относительного равновесия. Более сложный тип взаимодействия элементов появляется уже в ходе динамических процессов и может быть обозначен как корреляция. Корреляции возникают, когда элементы системы оказывают воздействие друг на друга, сталкиваясь и сообщая друг другу некую информацию («общение», по Пригожину). В случае множества сталкивающихся элементов системы возникает поток корреляций – парные, тройные и более сложные. Элементы «помнят» о столкновении и соответственно меняют свой характер (подробнее см. в: (Пригожин, Стенгерс, 2014b. С. 138–140)). Это уже не простое взаимодействие элементов с неким энергетическим потенциалом, а корреляции всего поведения системы, усиление динамизма и в результате нарушение ее равновесного состояния. Данные процессы не просто характеризуют структуру системы, но составляют содержание ее перехода от порядка к хаосу (Пригожин, Стенгерс, 2014a. С. 211). Это главный смысл внутренних процессов в сложной системе, сам механизм возникновения самоорганизации как ее эндогенного свойства⁸⁸.

Для самоорганизации социально-экономических систем указанные взаимодействия также методологически основательны. Происходящие в их рамках взаимодействия и взаимная координация (корреляции) элементов изменяют характер их макроэкономического поведения. В результате система переходит из равновесного состояния в неравновесное, от порядка к хаосу (и наоборот). Тем самым микроско-

88. Описанные эндогенные истоки системной самоорганизации, выводимые из взаимодействия микроэлементов экономики, используются в теории экономической синергетики, последовательно развивавшейся А.П. и Р.Н. Евстигнеевыми. Так, в своей монографии «Экономика как синергетическая система» они, солидаризируясь с Пригожиным, описывают синергетические начала эволюции систем следующим образом: «В синергетике используется термин „короткие взаимодействия» для множества коротких линейных взаимодействий – содержания хаоса на микроуровне. Их противоположность – «длинные взаимодействия». Короткие взаимодействия гасятся, но прежде продуцируют длинные взаимодействия, способные образовывать более или менее стабильные корреляционные связи» (Евстигнеева, Евстигнеев, 2010. С. 20–21).

пические кооперативные взаимодействия элементов системы макроскопически проявляются как самоорганизация (Занг, 1999. С. 291; Хищенко, 2014. С. 25–26).

Категория хаоса – одна из основных для самоорганизации. В рамках синергетической парадигмы самоорганизация трактуется именно как спонтанное упорядочение системы, т. е. переход от хаоса к порядку. Главный содержательный аспект этого процесса заключается в формировании и последующей эволюции структур – пространственных, временных и функциональных. С их возникновением в системе закономерно формируется иерархия ее макро- и микроскопического состояния.

Иерархия макро- и микроскопического уровней системы предполагает два совершенно разных по смыслу проявления хаоса (Пригожин, Стенгерс, 2014в. С. 208–209). Микроскопический уровень образует основание системы, состоящее из множества ее первичных структурных элементов. На этом уровне царит «динамический» (по Пригожину) хаос. В эволюции системы он составляет среду и основу для макроскопических воздействий, нацеленных на преобразование и упорядочение микроскопического хаоса. Это воздействие толкает систему к равновесию. Оно реализуется за счет специфических внутренних механизмов системы – «параметров порядка» (по Хакену). При этом важно, что эндогенная склонность сложных систем к самоорганизации проявляется таким образом, что системы под воздействием этих параметров («величин») «ведут себя так, как если бы они управлялись небольшим числом степеней свободы» (Хакен, 2014. С. 132–133). Параметры порядка, таким образом, обеспечивают упорядочение хаотического поведения отдельных элементов и подсистем сложной системы (Хакен, 1980. С. 231–235). С помощью небольшого числа этих параметров направляется и корректируется поведение большой системы. Параметры порядка подчиняют поведение системы «особым образом, который гарантирует возникновение макроскопической структуры через самоорганиза-

цию» (Хакен, 2014. С. 126)⁸⁹. Техника исключения «быстро убывающих переменных носит название принципа подчинения (адиабатической аппроксимации) Хакена» (Занг, 1999. С. 266–267). Поэтому даже очень сложные системы могут быть сведены к очень простым.

Иными словами, механизмы параметров порядка способствуют поиску новых траекторий движения системы к равновесию путем упорядочения первоначального хаоса. Последнее, в свою очередь, осуществляется через формирование структур системы. Для понимания и фиксирования смысла этих системных процессов Хакен ввел в число уровней самоорганизации системы (наряду с микро- и макроскопическим) понятие мезоскопического уровня, где формируются структуры, а значит, реально возникает самоорганизация (Хакен, 2014. С. 65–66). Здесь уместно напомнить о методологическом отличии поддерживающих друг друга, но изначально разных подходов к пониманию структуры системы с ее уровнями самоорганизации, с одной стороны, и иерархии уровней управления и организации экономики – с другой. В мезоэкономическом анализе исследуются объекты управления экономикой, отличные от ее микро- и макроуровней (Клейнер, 2001), в анализе самоорганизации сложных систем речь идет о представлении онтологического понимания уровней эволюции и самоорганизации системы.

Методология параметров порядка – одна из главных в системном анализе и важна для системного экономического анализа. А на мезоуровне самоорганизации системы с помощью параметров порядка из огромного множества характеристик микроскопических элементов (упоминавшийся динамический хаос, по Пригожину) выявляются существенные для образования структур самоорганизующейся системы. То, что Хакен методологически обозначал как мезоуровень,

89. Характеризуя особенности эволюции сложных социальных и экономических систем, Хакен оценивал основополагающую роль этих механизмов самоорганизации, подчеркивая, что «даже небольшие изменения в связях и ограничениях, называемых параметрами управления, могут вызвать серьезные изменения в общей структуре многих систем» (Хакен, 2015а. С. 362).

Пригожин называл ансамблями, подчеркивая структурную сторону объединения элементов системы (Пригожин, Стенгерс, 2014b. С. 131–146, 208). Принципиально, что внутренние механизмы, порождающие порядок в неравновесных системах, отличаются от механизмов, которые упорядочивают системы, находящиеся в равновесии (Хакен, 2014. С. 133).

Для анализа самоорганизации значимы оба типа механизмов. Эволюция каждой саморазвивающейся системы последовательно проходит стадии равновесия и неравновесия (находится в состоянии «самоорганизованной критичности», по Баку). Интенсивность процессов самоорганизации непосредственно зависит от удаленности системы от состояния равновесия. Любая равновесная система в процессе эволюции и накопления информации неизменно подходит к некоему «энтропийному барьеру», препятствующему простому восстановлению ее первоначального состояния (Пригожин, Стенгерс, 2014b. С. 140). Описанные выше корреляции во взаимодействии элементов и подсистем запускают переход от порядка (равновесное состояние) к хаосу. Множество других корреляций одновременно порождают обратный процесс — переход от хаоса к порядку, причем оба процесса в конечном счете компенсируют друг друга (Пригожин, Стенгерс, 2014а. С. 211). Таким образом, система продолжает эволюционировать в процессе самоорганизации на основе синтеза порядка и хаоса, в поиске состояния максимально возможной устойчивости (Николис, Пригожин, 1979. С. 22, 287). Иерархия уровней самоорганизации в состоянии устойчивости (порядка) сохраняется. Однако когда наступает обратный процесс, т. е. распад сложной системы на более простые, она эту устойчивость теряет (хаос). Дальнейшая эволюция системы требует, чтобы после достижения максимально хаотичного состояния вновь начиналось упорядочение и возникла новая иерархия уровней самоорганизации, основанная на новых элементах, новых структурах и новых взаимодействиях (подробнее см. в: (Бранский, Пожарский, 2002)).

Уровни формирования структур самоорганизации социально-экономических систем

Самоорганизация системы в смысле формирования ее структур описывается в (Хакен, 2014), как процесс, протекающий на различных взаимосвязанных уровнях. При этом на микроскопическом уровне локализуются самоценные сами по себе, мелкие, детальные свойства всего множества элементов системы. Потенциал микроскопических элементов позволяет им постоянно формировать разнообразные макроскопические состояния с новыми свойствами (Хакен, 2014. С. 34). Но собственно процесс самоорганизации системы начинается, когда зарождаются и начинают формироваться ее структуры. Как показывает Хакен на основе анализа взаимосвязи самоорганизации и информации, для совершения таинства самоорганизации (появления новых макроскопических состояний) требуется пренебречь многими мелкими подробностями микроскопических элементов. Это необходимо, в свою очередь, чтобы существенно сократить объем информации для выявления особенностей поведения элементов системы, которые принципиально важны для формирования ее структур. Такой отбор микроскопических частей и элементов системы реализуется не стихийно, а в соответствии с упомянутым выше «принципом подчинения» Хакена. На основе исключения части переменных системы ее поведение обуславливает гораздо меньшее число степеней свободы. Следовательно, количество параметров порядка реально функционирующих сложных систем (в том числе социально-экономических) оказывается гораздо меньше, чем число «подчиненных» микроскопических элементов (подробнее см. в: (Хакен, 2014. С. 77, 79)).

Упорядочение сложной системы влечет за собой исключение некоторой части неустойчивых микроскопических переменных и состояний. Сохранение равновесия осуществляется за счет меньшего числа параметров (Занг, 1999. С. 265–268). Таким образом, «принцип подчинения» Хакена составляет основу синергетического подхода к анализу эволю-

ции и самоорганизации сложных систем. Методологически важен вытекающий отсюда вывод: нарушение принципа подчинения неизбежно приводит к нарушению устойчивости системы из-за возникновения хаотического движения, при котором микроскопические элементы перестают полностью подчиняться параметрам порядка (Хакен, 1980. С. 375).

Онтологическая значимость мезоскопического уровня сложных систем определяется тем, что на нем осуществляется процесс конкретного упорядочения системы по параметрам порядка и происходит главное в процессе самоорганизации – образование структур системы. Как отмечает Хакен, во многих случаях ее можно (и достаточно) анализировать только на мезоскопическом уровне. Он объясняет это тем, что формируемые на нем структуры уже несут необходимую информацию об эволюции системы и ее самоорганизации (Хакен, 2014. С. 66, 80). Дело в том, что на мезоуровне происходит сокращение, сжатие потока информации, в результате сохраняется только имеющая значение для формирования структур⁹⁰.

Самоорганизация есть процесс «спонтанного упорядочивания (перехода от хаоса к порядку), образования и эволюции структур» (Князева, Курдюмов, 2018. С. 220). Указанные процессы адекватно описывают самоорганизацию социально-экономических систем. Поэтому рассмотрение пространственных, временных и функциональных структур в экономике может методологически опираться на мезоэкономический системный анализ⁹¹.

В экономических системах процессы эндогенной самоорганизации фактически всегда соседствуют с факторами «коллективного сотворения истории». В разные периоды соотношение этих двух начал может меняться, особенно если

90. Синергетический принцип подчинения, обуславливающий сжатие информации, методологически отличается от хорошо известного в макроэкономическом анализе принципа агрегирования, укрупнения экономических показателей за счет их объединения.

91. Это не умаляет значимости методов анализа уровней социально-экономических систем с позиций стандартного подхода к организации и управлению экономикой.

речь идет о краткосрочных периодах. Для понимания долгосрочных трендов развития сложной и нелинейной современной экономики необходимо осознать формирование и эволюцию названных выше видов структур самоорганизации. Более того, реальную эволюцию социально-экономических систем можно оценить именно по эволюции структур, что не всегда оказывается простой задачей для анализа. «В целом синергетический анализ эволюции социально-экономических систем, их организаций и структур... наблюдает эту сложность: периодичность, чередование ускорения и замедления процессов, формирования или, напротив, распада структур, а также стирания различий между ними» (Дерябина, 2018с. С. 154).

Пространственные структуры социально-экономических систем наиболее просто наблюдать и непосредственно отслеживать как признаки самоорганизации⁹². Необходимо учитывать, что в случае пространственных структур сильный фактор специфического воздействия может существенно деформировать естественные, эндогенные процессы самоорганизации, искажая их общий вектор. Вместе с тем пространственные структуры, будучи одной из ключевых составляющих самоорганизации, имеют относительно устойчивую природу. Их можно распознать как в процессе формирования системы, так и в форме возникающей ее новой организации. Сформировавшиеся пространственные структуры на различных отрезках времени всегда были важным признаком самоорганизации социально-экономической системы, общего вектора ее развития. «На индустриальном этапе в рамках суверенных экономик складывались различные, но достаточно устойчивые типы пространственных структур в форме тех или иных иерархий — в материальном производстве,

92. Пространственные структуры системы по внешним признакам и по сути отличаются от территориальных. Под последними обычно понимают географическое размещение реального производства, населения, природных ресурсов, климатических зон, городских агломераций и т. д. Для территориальных структур, в отличие от пространственных, упоминавшийся выше специфический фактор воздействия определяющий. Важно, что в ходе длительной эволюции этих структур системные процессы самоорганизации рано или поздно обнаруживают себя (Князева, Курдюмов, 2018. С. 87–88).

в финансовом секторе, в принципах организации управления» (Дерябина, 2018b. С. 34). Пространственные структуры мировой экономики (как системы) строились на взаимодействии суверенных экономик. Вектор системного развития определяли суверенные пространственные структуры.

На этапе постиндустриального развития происходит мощный качественный сдвиг в пространственных структурах социально-экономической системы (подробнее см. в: Смородинская, 2015). Смысл происходящих изменений заключается в постепенном отходе от жесткой иерархичной модели организации производственно-хозяйственных и рыночных связей и в последовательном формировании нового способа производства, основанного на сетевом укладе производственных и хозяйственных взаимодействий. Формируется то, что в новой системе организации мировой и суверенных экономик принято называть распределенным производством (Смородинская, Катухов, 2017).

Хакен, говоря о «пространственной зависимости переменных системы», специально останавливался на формировании и эволюции пространственных структур при воздействии на них параметров порядка, что позволяет не просто отслеживать рост первых, но и получить «скелет возникающих структур» (Хакен, 2015b. С. 75–77). Чтобы задавать возможные «скелеты» и траектории эволюции пространственных структур, параметры порядка нельзя выбирать произвольно, они должны соответствовать нелинейному характеру системы. В случае произвольного изменения значений параметров устойчивое состояние системы может стать неустойчивым⁹³. Наблюдаемые изменения пространственной перестройки экономической системы на постиндустриальном этапе последовательно проходят

93. В ситуациях, когда «специфическое воздействие» необходимо, возникает мотивированная потребность соответственно изменить «скелет» пространственных структур и найти новую траекторию эволюции системы. В динамичных активных средах (в частности, социально-экономических) в результате таких воздействий могут возникать смешанные пространственно-временные структуры (Хакен, 2015b. С. 75–77).

стадию распада структур, выполнивших свою историческую миссию, далее наступает упорядочение хаотического состояния системы, и, наконец, формируются структуры с новыми устойчивыми свойствами. Основной наблюдаемой формой пространственных структур и одновременно механизмом перехода к новым структурам мезоскопического уровня стали стоимостные цепочки⁹⁴. Наиболее явно процессы пространственного рассредоточения (распределения) происходят в рамках глобальных стоимостных цепочек.

Не следует, однако, считать формирующиеся новые пространственные структуры исключительно феноменом постиндустриального развития. Они исподволь готовились всем ходом развития и теоретического осмысления длительных трендов хозяйственной практики, мировой торговли, разделения труда. В отличие от обычных «размещенческих» факторов, основанием для формирования современных пространственных структур стала их трактовка как изначального выбора микроэкономическими агентами хозяйственных предпочтений и стремления выстраивать новые связи в соответствии с ними (подробнее см. в: (Пиласов, 2011. С. 6–7)). Некогда устойчивые теоретические представления об ограниченной мобильности отдельных факторов производства и полной мобильности товаров уступили место пространственному объяснению стоимостных цепочек, в том числе глобальных. В 1970-е годы новые взгляды на организацию международных экономических отношений, мировой торговли органично вплетались в концепции и инструменты новой теории организации промышленности (Пиласов, 2011. С. 10–12). Известна теория общего равновесия П. Кругмана, в которой пространственное распределение объяснялось действием микроэкономического механизма (микрореше-

94. В глобализированной экономике последовательные стадии производственно-хозяйственного цикла выходят за границы не только отдельных фирм, но и стран. Близкие по смыслу термины: «цепочки поставок», «продуктовые цепочки», «ценностные цепочки», «цепочки добавленной стоимости» и др. Ключевым словом для всех этих понятий выступают «цепочки» как пространственная (организационная) устойчивая связь экономических агентов.

ния фирм, производителей и работников) (Krugman, 1979, 1991)⁹⁵.

В настоящее время глобальным (и суверенным) стоимостным цепочкам – пространственным структурам – свойственны принципиально новые характеристики, отличные от традиционной рыночной кооперации (Смородинская, Катухов, 2017. С. 73–75, 83–87). Ракурс анализа рыночной координации переместился от традиционного обмена конечной продукцией между фирмами к выявлению координируемых ими цепочек. В рамках пространственных межфирменных сетей организуются потоки добавленной стоимости между участниками, цепочки этих операций вовлекают многие компании одной страны или группы стран. При этом рыночная координация также выходит за рамки отдельных фирм, так как все участники заинтересованы в организации производства мирового уровня. Только таким образом можно наладить организацию, обеспечивающую цепочки увеличения потока добавленной стоимости – от начала производственно-хозяйственного процесса вплоть до конечного потребителя (см. также: (Ореховский, 2016)).

В рамках стоимостных цепочек последовательные стадии производства не перекрываются организационно и юридически границами соответствующих корпораций, а «распределяются» по фирмам и странам, где эти производства обеспечивают более высокую эффективность. Возникает сложная распределенная бизнес-сеть, формируемая юридически самостоятельными, но функционально связанными звеньями. Как показано в (Смородинская, Катухов, 2017. С. 77–78, 94), первоначальный импульс исходит от инициатора всей цепочки, который не объединяет эти звенья иерархически (как в случае традиционных промышленных корпораций и холдингов, что и по сей день наблюдается в России), а выступает координатором

95. Объясняя с помощью микроэкономического механизма и процессы формирования международных пространственных структур, Кругман утверждал, что страна может отказываться от изменения пространственной дислокации технологий как решений отдельных фирм (сами по себе они могут не быть рациональными) (Пиласов, 2011. С. 22; Brezis et al., 1993).

единого бизнес-процесса. Это означает, что в постиндустриальной экономике утверждается новый тренд: пространственная структура экономической системы меняется от стоимостных цепочек до распределенного производства, от хаотического переходного состояния до новой устойчивости. На месте бывших иерархий возникает новый горизонтальный сетевой уклад.

В России организационную структуру реального сектора все еще определяет продолжающееся перераспределение прав собственности, когда любое существенное изменение материально-вещественных пропорций и кооперационных связей закрепляется соответствующей организацией прав владения и распоряжения. Кооперацию выстраивают не субъекты рынка, а собственники активов, хотя в основе сделок часто могут лежать соображения оптимизации производственно-хозяйственных связей. Чтобы достроить цепочку кооперационных связей, ее необходимо закрепить соответствующим оформлением перегруппировки прав собственности на требуемые активы. Вот конкретный пример.

Архангельский целлюлозно-бумажный комбинат в целях расширения производственно-хозяйственного профиля за счет включения в него стадии готовых продуктов (в данном случае производства гофрокартона и гофротары) приобрел 100% ООО «Европак» — производителя соответствующего ассортимента упаковочных материалов. Предполагаемое дальнейшее расширение холдинга также связывают с покупкой недостающих активов⁹⁶.

В России пока нет надежных правовых оснований и соответствующего прецедентного права для оформления гибких распределенных пространственных структур. В сфере хозяйственных и правовых отношений крайне низок уровень доверия. Разумеется, велик риск картельных соглашений, неформальных договоренностей, отказа от намерений. При этом необходимость развивать горизонтальные производственно-хозяйственные связи никем не оспаривается. Возможно,

96. Ведомости, 2018. 24 сентября.

своего рода переходным этапом к горизонтальной производственно-хозяйственной кооперации, а в дальнейшем — к становлению элементов сетевого уклада и распределенного производства станет практика создания территориальных и отраслевых кластеров.

Но было бы неосмотрительно делать вывод о некоей «недоразвитости» организации реального сектора в России по сравнению с утверждающимся сетевым укладом на Западе. Большая территория страны, относительное несовершенство транспортной инфраструктуры и логистических навыков, а также последовательно проводившийся в течение многих десятилетий курс на «специализацию и концентрацию производства» создали в России соответствующие устойчивые принципы организации промышленности, в том числе территориальной. По сей день приходится выбирать между огромными издержками на создание полного комплекса современной инфраструктуры, которая позволяла бы реализовывать разнообразные варианты производственной кооперации и осуществлять гибкий выбор между ними, и логичной организацией в рамках реально существующих крупных производственно-хозяйственных комплексов. В силу масштабов производства и преобладания крупных организационно-хозяйственных форм неизбежно повышается значимость иерархических принципов системной организации. Пространственные структуры систем такого типа закономерно отличаются от складывающихся в постиндустриальной экономике западных стран. В системной эволюции задействованы не только элементы материально-технического и хозяйственного потенциала, но и научная, образовательная инфраструктура, социальная сфера, культурная среда и др. Поэтому для России и в обозримом будущем во взаимодействии иерархического и распределенного типов организации пространственной структуры социально-экономической системы будет сохраняться приоритет первого.

Временные структуры. Из всех структур самоорганизации временные структуры наиболее сложно наблюдать.

Их трудно идентифицировать и вычлениить из общего структурного поля системы как содержательно, так и технически. Хотя для понимания эволюции и динамики сложных социально-экономических систем роль временных структур чрезвычайно важна, они остаются одним из дискуссионных элементов системного анализа. Описанные выше пространственные структуры всегда существуют и эволюционируют во времени — в процессе идентификации и осознания цели, создания соответствующей организационной структуры, в ходе реализации цели и начала поиска следующей. Если говорить о формировании пространственных бизнессетей, то они всегда развиваются во временном измерении.

В рамках синергетической теоретической парадигмы большое значение придается объяснению временных структур. Модус времени — неизбежный способ существования и функционирования системы, предполагающий ряд обязательных характеристик. Упрощенное («вульгарное», по выражению М. Хайдеггера) понимание временных структур как физической последовательности прошлого, настоящего и будущего свойственно линейным представлениям о развитии. Как показано в (Гуц, 2019), современная теория времени исходит из более сложных предпосылок трактовки модуса времени. Синергетическая парадигма, в противовес линейному подходу, исследует временные структуры системы под более широким углом зрения — с позиций близости или отдаленности от точки нарушения равновесия в ее развитии (эволюции). Вообще активность процессов самоорганизации системы всегда зависит от ее удаленности от состояния равновесия. Связи в системе лишь относительно устойчивы — в рамках того или иного периода времени. Поэтому относить структуры к «старым» или «молодым» в теории времени принято в зависимости не от момента их появления, а от срока их существования в системе. Молодые структуры приходят из будущего, старые зарождаются в прошлом. В соответствии с этим настоящее всегда состоит из элементов прошлого и будущего. Получается, что старые структуры не

просто коренятся в прошлом. Главное для них – то, что они «медленно уходят». Молодые структуры, напротив, «быстро сгорают», подробнее см. в (Князева, Курдюмов, 2018. С. 121).

Целостная концепция модуса времени в эволюции системы, синергетическая по своей сути, выстроена в философии Хайдеггера (Хайдеггер, 1997). В соответствии с этой концепцией прошлое – это следы прежних, но не исчезнувших процессов, составляющих своего рода «память» системы. Будущее же, по Хайдеггеру, – это множество возможных, но еще не наступивших траекторий эволюции системы. В соответствии с этим в каждый данный момент подлинное время представляет собой не простую последовательность, а вечное присутствие, сосуществование временных структур. В работе «Бытие и время» Хайдеггер говорит о некоей «временности» (*Zeitlichkeit*), которая «временит исходно из будущего» (Хайдеггер, 1997. С. 331)⁹⁷.

Для понимания роли временных структур в системном анализе их необходимо рассматривать в связи и в соотношении с другими структурами самоорганизующейся системы. «Структуры разного возраста имеют разный темп эволюции. В этой связи невозможно произвольно объединить или разъединить структуры системы. Временные структуры органически привязаны к организационным (пространственным) и функциональным тенденциям эволюции системы. Поэтому сложная структура системы представляет собой некую суперпозицию ряда структур разного возраста, конкретные области локализации которых определенным образом взаимно перекрываются» (Дерябина, 2018b. С. 156)⁹⁸. Как показано в (Князева, Курдюмов, 2018. С. 153–156), при анализе временных структур эволюционно развивающейся нелинейной

97. Хайдеггер и другие авторы в научной литературе по теории времени используют эту терминологию в качестве рабочей, хотя сам временной детерминизм можно проследить еще в античной философии.

98. В своей концепции экономической географии Кругман отмечает колоссальные эффекты зависимости сложившегося размещения производительных сил в пространстве от прошлого пути (Пилясов, 2011. С. 20; *Krugman*, 1987. Рр. 41–55).

системы необходимо, во-первых, увидеть в ее сегодняшнем состоянии звенья и сегменты, в которых процессы в данный момент протекают так, как они шли во всей системе в прошлом. Во-вторых, нужно видеть также элементы и сегменты, в которых уже сейчас процессы идут так, как они будут идти во всей системе в будущем. Современные концепции системного анализа включают анализ «временности» структур самоорганизации. Идеи «эффекта колеи», path dependence учитывают преобладание развития, представляют сложность переплетения временных структур социально-экономических систем на различных этапах их эволюции.

Если такой временной детерминизм хорошо вписывается в анализ временных структур настоящего, то понять временные структуры будущего намного сложнее. Дело в том, что они уже присутствуют в настоящем в качестве собственного прошлого. Для настоящего это как бы проект, возможность свершиться, когда-то наступить. Именно так ими оперировал Хайдеггер. Задача подобного временного детерминизма заключается в том, чтобы создать определенные границы, рамки возможного в проектировании эволюции социально-экономической системы.

С аналогичных позиций исследуются процессы самоорганизации в человеческих сообществах в рамках синергетической теоретической парадигмы. Так, в (Николис, Пригожин, 2017. С. 278–280) представлена схема пространственного развития во времени условной социально-экономической системы в промышленности. Эволюция системы рассматривается как чередование неких автономных процессов, ограниченных различными параметрами. Этап беспрепятственной эволюции время от времени изменяется под «специфическим воздействием» в результате внедрения «нового вида деятельности или какой-либо иной инновации» (авторы называют такое внешнее вмешательство «планированием»). Переменные системы, распределенные в пространстве случайным образом, перестраиваются в организованную картину. В таком состоянии система остается в течение неопределенно

долгого времени, пока не произойдет очередное сильное возмущение. Авторы фиксируют возможность большого числа решений и сложных бифуркационных явлений. Главное, они видят и предвкусывают «очень интересный результат»: если в какой-то момент в систему вводится новый вид деятельности, то в дальнейшем он будет расширяться и стабилизироваться в пространственных структурах системы. Однако если такой в принципе успешный вид деятельности попытаться внедрить в другое время, то результат может быть негативным — «инновация может полностью регрессировать. Этот результат иллюстрирует опасность краткосрочного узкого планирования, основанного на непосредственной экстраполяции прошлого опыта» (добавим — еще и чужого). Статические методы определения перспективы «грозят обществу застоєм, а через какое-то время катастрофой». Временные структуры социально-экономических систем оказываются важнейшим необходимым аспектом их эволюции, они живут независимо от действий агентов «коллективного сотворения истории».

Исторически не очень длительный опыт развития инновационной экономики уже подтверждает пространственно-временные представления о структурной эволюции социально-экономических систем. Так, в рамках очень крупных промышленных проектов важные решения нередко принимают с помощью механизмов нейросетей. В банковском деле с очевидностью обозначились черты надвигающейся революции, которая приведет к отказу и от наличных расчетов, и даже от таких сравнительно молодых продуктов, как банковские карты. Подобных опорных точек в развитии системы, «подсказываемых» из будущего, можно назвать множество. Их следует своевременно улавливать и учитывать, приступая к разработке любых программ социально-экономической модернизации, при подготовке всех крупных проектов. Поэтому модус времени абсолютно необходим для максимальной реализации потенциальной энергии общества. Такой подход вписывается в «контуры грядущей гуманитарной цивилизации человечества», опирающейся на принципы

системной самоорганизации (Евстигнеева, Евстигнеев, 2016. С. 181–186). Если продолжить и конкретизировать эту мысль, то следует признать, «что в наступившей эпохе эволюция экономики и общества будет основываться на синергетических принципах. Это доказывают... реальные изменения в производственной, финансовой и социально-экономической сфере стран Запада и России» (Евстигнеева, Евстигнеев, 2010. С. 5).

Функциональные структуры. Анализ этих структур системной самоорганизации в рамках синергетической теоретической парадигмы имеет свои особенности. Структуру мезоуровня сложных систем нередко отождествляют исключительно с институтами, а совокупность и пространство функционирования последних трактуются в популярном сейчас мезоэкономическом анализе как главное содержание и основание мезоуровня (см., например: (Кирдина-Чэндлер, 2017а)). Для некоторых конкретных аспектов и целей экономического анализа такой подход, возможно, адекватен. Однако корректный синергетический анализ социально-экономических систем позволяет увидеть гораздо более сложную картину. Если понимать самоорганизацию на мезоуровне как обретение системой ее структуры и связывать упорядочение с упоминавшимся максимальным сокращением, сжатием избыточной информации, то методологически необходимо рассматривать все структуры в комплексе, когда их функциональные аспекты существуют в неразрывной взаимосвязи с другими структурами самоорганизации. При таком подходе мезоуровень системы выступает совокупностью взаимно поддерживающих, перекрывающих друг друга структур.

«Социально-экономические системы, безусловно, относятся к классу сложных не просто потому, что они состоят из большого или очень большого числа элементов, а потому, что сложным является их поведение. Сложное же поведение требует сложных норм его структурирования» – пространственного, временного и функционального (Дерябина, 2018b. С. 157). При этом «на передний план выходит поиск главных особенностей, существенных для образования структур и позво-

ляющих обобщать, группировать элементы системы и находить нормы их упорядоченного функционирования». Эти нормы и есть институты. Хакен называл их «мезоскопическими переменными». В качестве их возможных примеров для экономических и социальных систем он приводил соответственно «денежные потоки» и «число людей, разделяющих определенные взгляды» (Хакен, 2014. С. 65–67). Поэтому задача мезоэкономического анализа – выявить институты, адекватные организации и функционированию экономики как сложной системы. Можно сказать и словами Хакена: «Мы отчетливо сознаем, сколь тонкое понятие сложность» (Хакен, 2014. С. 26–28).

Функциональные структуры, представленные институтами, изначально связаны (взаимно перекрываются) с пространственными и временными структурами, причем только в таком представлении становится понятна их собственная специфика, их задача – формирование рамок, ограничений, предпочтений и стимулов функционирования элементов системы и их взаимодействий. Функциональные структуры обеспечивают нормы устойчивых состояний в процессе эволюции системы. Таким образом, «экономика для своего функционирования объективно нуждается в мезоэкономических структурах и механизмах, обеспечивающих ее устойчивый скоординированный рост» (Кирдина-Чэндлер, Маевский, 2017. С. 12). Система через функциональные структуры постоянно осуществляет поиск таких норм и правил.

Именно благодаря институциональному содержанию, способности вырабатывать и поддерживать нормы упорядоченного взаимодействия элементов системы функциональные структуры нередко занимают ключевые позиции в комплексном экономическом анализе. Мезоуровень как уровень формирования структур «базируется на представлении об экономике как сложной самоорганизующейся системе. Здесь мезоуровень экономики определяется как система устойчивых социально и материально обусловленных структур взаимосвязей и правил совместного функционирования составных частей экономической системы, которые обе-

спечивают ее воспроизводство и динамику развития в долгосрочной перспективе. Поэтому исследования мезоуровня позволяют увидеть те особенности структурного устройства экономики и механизмов ее развития, которые не улавливаются в микро- и макроэкономике» (*Кирдина-Чэндлер, 2017b, С. 26*). Точнее – в микро- и макроэкономическом анализе.

Институты – неотъемлемая часть мезоуровня, представленная функциональными структурами. Но это далеко не весь мезоуровень социально-экономической системы, который определяет целостность эндогенного процесса ее самоорганизации. Институты как функциональные структуры живут и эволюционируют в пространственных и временных структурах системы, их свойства взаимно перекрываются и дополняются, создавая единое пространство ее самоорганизации и эволюции.

Исследование описанных структур самоорганизации социально-экономических систем, помимо теоретического продвижения, имеет и практическое значение. Оно помогает понять смысл свойств системы, которые определяют направление и характер ее эволюции, а значит, и границы возможного в реформировании. За каждым типом структур стоят определенные свойства системы. Так, организацией производственно-хозяйственных взаимодействий оперируют пространственные структуры. Временные структуры помогают понять и адекватно установить вектор развития. Функциональные структуры поддерживают единые и непротиворечивые нормы, правила и организационные формы эволюции системы (и ее элементов). Понятно, что анализировать процессы и результаты самоорганизации следует по всей совокупности возникающих новых свойств реформируемой системы.

* * *

Заявленный в России «рывок» в развитии, связанный со сменой экономической модели, намечено пройти в исторически короткие сроки. При этом контуры новой модели пока не во всем ясны. Для существенного концептуального про-

движения предстоит методологически осмыслить не только эмпирический опыт мирового экономического прогресса, но и особенности включения России в постиндустриальную экономику. Пока следует признать, что у нас нет четкого представления о соотношении концептуальных подходов к решению поставленной задачи и инструментальных методов практических преобразований. Синергетическая теоретическая парадигма, наверное, способна хотя бы отчасти прояснить возможности и ограничения в решении этих проблем.

Опираясь на теоретические и методологические основания самоорганизации, можно выделить некоторые объективные требования к выработке общей концепции системного социально-экономического реформирования в России. Прежде всего следует исходить из того, что предполагаемую траекторию эволюции сложных социально-экономических систем невозможно задавать полностью произвольно. Резкий (тем более насильственный) слом эндогенных процессов самоорганизации неминуемо приведет к растрате ресурсов и потенциальной энергии общества. Важно, чтобы традиционные российские монополистические корпорации (иерархии) не препятствовали развитию свойственных инновационному этапу сетевых форм координации и кооперации в реальном секторе, форм производственно-хозяйственных взаимодействий, которые максимизируют потоки добавленной стоимости. Формирование и поддержка новой траектории развития социально-экономической системы должны опираться на соответствующие структуры ее эндогенной самоорганизации.

Раздел 3

РАЗМЫШЛЕНИЯ
НАД РАБОТАМИ КОЛЛЕГ
ПО ПРОБЛЕМАМ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И САМООРГАНИЗАЦИИ

3.1. Горизонтальная экономика: контуры управления. О книге Б. Мильнера и Т. Орловой «Организация создания инноваций: горизонтальные связи и управление»⁹⁹

Мир движется в сторону свободного оборота новых идей и технологий, гибкого, оперативного и беспрепятственного партнерства по интересам, независимо от географического положения, сферы административного подчинения, масштабов и специфики предпринимательской деятельности.

Для управленческой теоретической мысли ключевые понятия в этом процессе — «сетевая экономика» и «горизонтальное управление». Горизонтальные отношения и рынки бурно развиваются. Не случайно, наверное, Нобелевскую премию по экономике 2012 г. получила работа о двусторонних рынках — типичном примере горизонтальных отношений (Железова и др., 2013). К известным способам экономической координации — через ценовой механизм рыночного обмена и иерархический механизм административных команд — добавляются новые, основанные на «отношенческих» связях¹⁰⁰. «Отношенческий», или сетевой, способ координации

99. Дерябина М.А. Горизонтальная экономика: контуры управления (о книге Б. Мильнера и Т. Орловой «Организация создания инноваций: горизонтальные связи и управление») // Вопросы экономики. 2013. №7. С. 154–160.

100. Об «отношенческом» типе организационно-хозяйственных связей, ссылаясь на теорию Я. Макнейла по классификации концепций рыночных контрактов (Macneil, 1978), писал О. Уильямсон (см.: Уильямсон, 1996).

рыночных связей все чаще реализуется в организационных формах инновационной экономики.

Одним из важных трендов инновационной деятельности сегодня выступает междисциплинарный подход. Для решения прорывных научных проблем уже на стадии научных исследований и разработок требуется комбинирование разных дисциплин. Рождаются своего рода открытые инновации, которые опираются на сотрудничество (*collaboration*) заинтересованных агентов, поддерживающих постоянное сетевое взаимодействие, возникают особые формы управления – горизонтальные.

В книге известных российских ученых члена-корреспондента РАН Б.З. Мильнера и д.э.н. Т.М. Орловой (*Мильнер, Орлова, 2013*), в отличие от многих других публикаций по инновационной экономике, формирующаяся новая модель организации инноваций и инновационного бизнеса рассматривается не как совокупность отдельных организационных структур и механизмов, а как особая развивающаяся система.

Авторы подчеркивают принципиальную значимость широкого представления об инновации как о стратегии предпринимательской деятельности, которая опирается на пересмотр существующих методов создания ценностей и ориентируется на удовлетворение новых потребностей и новых перспективных рынков (*Мильнер, Орлова, 2013. Гл. 1*). Этот подход позволяет авторам включить в сферу анализа проблемы как инновационной деятельности людей (интеллектуальный капитал, творческий потенциал личности, талант, лидерство), так и инновационного развития организаций (инновационная среда и стадии развития инновационных проектов, инновационные коммуникации и координация инновационной деятельности фирм).

В постиндустриальной экономике горизонтальное управление получает новую институциональную среду. Инновационный процесс распространяется на сети организаций, связанных общим интересом. Современные ИТ-технологии делают реальной прямую кооперацию про-

изводителя и потребителя, прямое согласование интересов и разрешение возможных противоречий (Смородинская, 2011; Tapscott, Williams, 2007)¹⁰¹. Инновационное пространство структурируется как ряд взаимосвязанных сегментов сети, или сетевых пространств (подробнее см.: (Blank et al., 2006)). Формируется новый организационный строй реального и других секторов экономики, который несет с собой новое качество и способ функционирования. Горизонтальное управление, таким образом, становится неотъемлемым элементом экономики «открытых инноваций» (Мильнер, Орлова, 2013. Гл. 3).

Инновационное предпринимательство не только развивается и расширяется в традиционных бизнес-структурах, но и создает свою особую институционально-организационную среду (Мильнер, Орлова, 2013. Гл. 5, 9). Речь идет о таких организационных новшествах, как крупные и малые инновационные фирмы, выполняющие важнейшую функцию трансформации инновационного продукта, созданного в научно-технической сфере, в продукт реального производства. Этот новый организационный сегмент экономики способствует появлению новых наукоемких отраслей, новых пространств рынка, в том числе рынка знаний, создает условия для формирования постиндустриальных технологических укладов.

Малое и крупное инновационное предпринимательство решают свои специфические задачи. В мировой практике малое инновационное предпринимательство является наиболее массовой и динамичной составляющей рыночного инновационного потенциала. Крупные инновационные предприятия незаменимы в реализации проектов, предполагающих масштабное использование инноваций, особенно в условиях жесткой конкуренции на глобальных рынках, и требующих очень больших вложений для продвижения инноваций.

101. Самоценность такой формы координации подчеркивается в литературе терминами «координация без иерархии» и «партнерское управление» (collaborative governance) (Hasumi, 2007; Andersson et al., 2004).

В постиндустриальной сетевой экономике границы фирмы становятся менее жесткими, чем в индустриальной, возникает почва для «нового управленческого плюрализма» (Drucker, 2001; Смородинская, 2011), сетевого организационного порядка, когда главным драйвером развития и обновления становятся генерация и освоение инноваций. При этом возрастает роль самоуправления и коллективного, партнерского принятия решений, направленных на достижение общих для звеньев сети целей.

Предпринимательские риски в большой мере обусловлены постоянно нарастающей неопределенностью в постиндустриальном обществе и экономике. Динамизм изменений, «тирания момента» (Eriksen, 2001) требуют адекватных методов координации как социальных, так и экономических процессов. Глобальная конкуренция предъявляет все более жесткие требования к способности экономики и ее субъектов быстро и адекватно реагировать на внешние (и не только) изменения. А это невозможно в рамках жестких иерархических структур и реализуется только при условии сетевой партнерской координации и кооперации действий всех, кто не хочет остаться за бортом общего позитивного тренда.

Опираясь на богатейший зарубежный опыт модернизации от США до Китая, авторы подчеркивают глобальный и общецивилизационный характер процесса модернизации (Мильнер, Орлова, 2013. Гл. 8). Этот процесс включает как взаимодействие, так и конкуренцию разных стран и моделей. Для России это означает необходимость реализации такой стратегии экономического роста и развития, которая сочетала бы национально идентичные цели с устоявшимися мировыми трендами. В России практически отсутствует столь необходимое для современной экономики проектное управление как способ объединения и концентрации усилий государства и бизнеса на достижении стратегических целей.

В постиндустриальной экономике наука, оставаясь производителем знаний, включается во внедренческую деятельность, а государство, помимо создания необходимых право-

вых институтов, отчасти принимает на себя функцию финансирования (прежде всего венчурного). Таким образом, все три фигуранта инновационного процесса выполняют уже более сложные, параллельные, переплетающиеся функции. Горизонтальное управление способно обеспечить интеграцию и партнерство всех трех институциональных сегментов.

Используя идеи горизонтального управления, авторы последовательно рисуют контуры основных институциональных сегментов постиндустриальной экономики и показывают их роль в формировании современной национальной инновационной системы. В сфере внимания авторов правомерно оказывается опыт стимулирования инноваций (Мильнер, Орлова, 2013. Гл. 10). Это и современные механизмы собственно стимулирования НИОКР, и формирование ориентированного на инновации рынка труда, и развитие рынка интеллектуальных услуг.

Не менее значимы и вопросы инновационного развития образования (Мильнер, Орлова, 2013. Гл. 14). И хотя научный сегмент в России представлен главным образом академическими институтами, мировая тенденция комплексного развития науки и образования частично реализуется и в нашей стране. Авторы предлагают меры по преодолению, к сожалению, увеличивающегося разрыва между подготовкой квалифицированных специалистов и реальными потребностями рынка труда (также см.: Капелюшников, 2012). С этой целью исследуется воздействие на научно-образовательный блок ряда факторов. К их числу авторы относят: общую модернизацию структуры профессионального образования (оптимизация сети образовательных учреждений, создание новых инновационных форм типа региональных «силиконовых долин» и образовательных кластеров), модернизацию законодательной базы профессионального образования, модернизацию системы управления образованием, внедрение современных методов и форм обучения, максимально приближенных к потребностям реального производства и государственного управления (Мильнер, Орлова, 2013. С. 154–156).

Административно-командная модель фирмы (иерархия) неизбежно будет дополняться, корректироваться и развиваться под воздействием идеологии лидерства (Бауэр, 2008). Первые признаки такой трансформации авторы усматривают в распределении управленческого потенциала фирмы не только по вертикали, но и по горизонтали управляющей системы (Мильнер, Орлова, 2013. Гл. 15). При этом оперировать традиционными понятиями централизации и децентрализации управления в современных условиях недостаточно. Смысл лидерства как принципа управления заключается в смене власти в организации, зависящей от занимаемой должности в иерархии, на власть, базирующуюся на способности создавать новые ценности. Главные принципы лидерства можно реализовать только в обстановке сетевых партнерских связей, т. е. в горизонтальных экономических отношениях.

Опираясь на современные теории лидерства, авторы уделяют особое внимание таким его формам, как харизматичное лидерство (умение оказывать сильное воздействие на партнеров и подчиненных), трансформационное лидерство (расширение сферы интересов и восприятие интересов группы выше своих собственных), транзакционное лидерство (взаимодействие и согласие между лидером и подчиненным в целях наилучшего выполнения задач фирмы) (Мильнер, Орлова, 2013. С. 162–163). Наконец, следует назвать самоуправляемые команды.

Горизонтальные связи в организациях и между ними сложно выявить, они не поддаются точным измерениям, не всегда их можно отделить от привычных функций иерархической власти. До какой-то степени эти феномены вообще трудно назвать экономическими. Но «горизонтальная власть» имеет некие качественные характеристики. Сила горизонтальной власти в рамках фирмы может, как показывают авторы, выражаться в зависимости (власть основана на обладании ресурсами, в которых заинтересованы другие), числе и силе связей (опора на сотрудничество), контроле за финансовыми ресурсами (особая форма зависимости), центральном поло-

жении (возможность влиять на деятельность других звеньев в создании конечных продуктов организации), незаменимости (невозможность замены исполнителей ключевых функций), преодолении неопределенности (власть основана на способности точной обоснованно предсказывать изменения) (Мильнер, Орлова, 2013. С. 167–168). Вместе с общим движением рыночной координации в экономике в сторону сетевых горизонтальных связей необходимо учитывать и адекватное изменение в организации реального бизнеса (см.: Бауэр, 2008).

Для эволюции системы рыночной координации в экономике, изменения управленческой модели фирмы, общего прогресса горизонтальных связей в управлении необходимы особые общественные предпосылки. Речь идет о таких категориях, как доверие, добросовестность, ответственность, справедливость, честность. Доверие авторы считают важнейшей категорией в системе горизонтальных связей (Мильнер, Орлова, 2013. Гл. 16). Лидерская модель управления фирмой основана не на безусловном следовании административным командам, а на таких общественных характеристиках взаимодействия, как порядочность, компетентность, лояльность, доброжелательность и открытость. Эти принципы распространяются и на партнеров в системе сетевых горизонтальных отношений.

Сетевых организаций разнообразного состава и целевой ориентации сейчас много (Мильнер, Орлова, 2013. Гл. 13, 18–27). В монографии исследованы наиболее типичные для инновационного развития кластеры и стратегические альянсы. Кластеры как организационный феномен известны довольно давно, но в настоящее время их считают неотъемлемым элементом конкурентного рыночного позиционирования корпораций¹⁰².

Задача организационно оформить сетевые горизонтальные отношения предопределяет характерные черты кластеров как территориальных «сгустков» (Шаститко, 2009).

102. М. Портер называет кластеры организационной формой, приспособленной к условиям региональной конкуренции в глобальной экономике (Porter, 1998).

Горизонтальные связи в кластере имеют чрезвычайно сложный характер, интегрируя членов сети не только в отношении сотрудничества, но и в конкуренции. Конкуренция в рамках кластера опирается на конструктивные горизонтальные взаимодействия, что позволяет решать многие вопросы в рамках институциональных договоренностей и без больших рыночных потерь. Современные инновационные кластеры, помимо формы самоорганизации, трансформировались также в многофункциональный инструмент практической политики, целенаправленно используемый властными структурами в разработке и реализации стратегии модернизации (также см.: *Катуков и др., 2012*).

Стратегические альянсы уже нескольких десятилетий успешно работают в развитых странах, а с углублением глобализации мировой экономики их значимость постоянно возрастает (*Мильнер, Орлова, 2013*. Гл. 27). Многие ресурсы, необходимые для динамичного инновационного развития и роста, не имеют соответствующих рынков, поэтому получить доступ к таким знаниям можно только в рамках современных сетевых структур.

В научной литературе стратегический альянс обычно определяется как объединение нескольких независимых организаций для достижения специфических стратегических целей или реализации крупных проектов с использованием знаний, материальных и других ресурсов друг друга (*Гарретт, Дюссож, 2002*). Стратегические альянсы возникают на принципах либо партнерства, либо конкурентных отношений. Примерами партнерств неконкурирующих фирм являются транснациональные совместные предприятия, вертикальные партнерства и межотраслевые соглашения. Альянсы фирм-конкурентов представлены так называемыми интеграционными, псевдоконцентрационными и комплементарными альянсами (*Уоллес, 2005*).

Внутри любой формы альянса происходит постоянное аккумулятивное и обмен опытом и знаниями. При этом ресурсы знаний, наиболее ценные в инновационной эконо-

мике, могут быть явными и скрытыми (недоступными для копирования конкурентом), менее или более специфичными и сложными (несанкционированное копирование затруднено). Соответственно обмен такими ресурсами в рамках той или иной формы альянса может либо дать простой эффект экономии от масштаба, либо стать решающим фактором совместного создания новой стоимости и разработки инновационного продукта.

Наверное, можно было бы многое добавить к обзору проблематики горизонтальной экономики и управления. Несомненно, в ближайшем будущем появятся новые интересные работы. Сейчас Мильнер и Орлова сделали главное: впервые в российской научной литературе появилась книга, позволяющая начать анализ весьма непростых, пока еще не во всем понятных процессов общественного и экономического прогресса.

3.2. Критика чистого разума: размышления об одной амбициозной экономической теории¹⁰³

Концепция экономической социодинамики (КЭС) и тесно связанная с ней теория опекаемых благ получает у нас в последнее время все более актуальное звучание¹⁰⁴. И вот почему. Россия опять, в который уже раз, находится в поиске

103. Дерябина М.А. Критика чистого разума: размышления об одной амбициозной экономической теории // Вестник ИЭ РАН. 2015. №4. С 7–16.

104. Формирование концепции экономической социодинамики (КЭС), ее эволюцию от первых контуров до стройной самодостаточной теории можно проследить по последовательно публиковавшимся трудам авторов КЭС – Р.С. Гринберга и А.Я. Рубинштейна (Гринберг, Рубинштейн, 2000; 2008; 2013; Рубинштейн, 2008). В новой работе (Гринберг, Рубинштейн, 2013), опираясь на дилемму – государство и индивидуум как равные субъекты, – ученые, начав с анализа в заданном ключе известных мировых экономических теорий, затем последовательно раскрыли узловые положения своей концепции. Будучи добросовестными исследователями, они тщательно проследили теоретическую эволюцию идей, связанных с ролью государства, от Адама (Смита) до современных школ неоклассической и неинституциональной теории. В результате появились совершенно особые взаимосвязи уже знакомых и теоретически проработанных положений с новыми научными постановками авторов, возникла новая логика – концепция экономической социодинамики. В статье рассмотрены эти постановки более детально.

своей идентичности. Десятилетия затянувшейся постсоциалистической трансформации не принесли уверенности в правильности и надежности первоначально выбранного пути. А в последние годы теоретическая мысль не исключает, как это было раньше, обращения к иным принципам масштабных социально-экономических изменений.

Приверженность неолиберальному социальному и экономическому мейнстриму явно корректируется включением в меняющуюся парадигму понятий и приоритетов фактора общественных ценностей, социального равенства и справедливости. По существу происходит не простое добавление к базовым принципам новых элементов, а возникают контуры меняющейся цивилизационной теоретической платформы. Мейнстрим сейчас многие критикуют, в целом и по частям, однако найти работоспособную концепцию обновления, совершенствования и развития возможно, только опираясь на достаточно приемлемые новые теоретические основания. Именно на решение такой задачи и направлена концепция экономической социодинамики, представленная под углом зрения взаимодействия экономического поведения индивидуума и государства. Будучи убежденными в том, что это и есть сейчас главная экономическая дилемма, авторы концепции замещают основополагающий для неоклассики тезис о невмешательстве государства в хозяйственную жизнь обоснованием легитимности и общественной необходимости государственной активности в интересах всего общества. Более детально этот сегмент концепции описывается теорией опекаемых благ, органично вытекающей из КЭС.

В КЭС представлен свой вектор теоретических поисков общих онтологических принципов, «мучительного выбора» в иерархии распределения ролей индивидуумов и государства – методологический релятивизм (*Гринберг, Рубинштейн, 2013. С. 11–12*). Вечный сюжет о роли государства в экономике получил свою конкретизацию в виде заявленной дилеммы – государство и индивидуум как равные субъекты. Этот методологический посыл послужил

в качестве важного стержня для задуманного теоретического обновления мейнстрима.

Методологический индивидуализм как доминирующий принцип неоклассики, как признаваемая большинством норма теоретического анализа стал в КЭС одним из главных аспектов коррекции мейнстрима с иных мировоззренческих позиций, отличных от укоренившихся в экономической теории взглядов об отсутствии связи индивидуума с социумом, к которому он принадлежит. Осмысление очевидного многократного возрастания роли социального фактора в экономике привело к попытке интеграции этого фактора в экономическую, главным образом в рыночную, теорию (*Гринберг, Рубинштейн, 2013. С. 193–195*). Теоретический прорыв осуществляется по двум направлениям. Во-первых, признается наличие особых, системных, отличных от индивидуальных, потребностей общества, реализация которых требует государственной поддержки и опеки (*Гринберг, Рубинштейн, 2013. С. 198. Гл. 7–9*). Во-вторых, подтверждается ключевое для КЭС положение о несводимости общественных интересов к сумме интересов индивидуумов (*Гринберг, Рубинштейн, 2013. С. 195*).¹⁰⁵ А далее указанное положение развивается уже в стройную теорию автономного интереса общества и рационального поведения государства (*Гринберг, Рубинштейн, 2013. Гл. 10, 12*). Понятно, что такое мировоззрение не укладывается в рамки стандартной неоклассической теории. Зато оно прекрасно вписывается в экономическую философию социального либерализма. И КЭС, и теория опекаемых благ опираются на представления о хозяйственной системе, в соответствии с которыми индивидуумы, стремящиеся обеспечить свои интересы, взаимодействуют и между собой, и с государством, ответствен-

105. Сама проблема противостояния индивидуализма и холизма в экономической теории не нова. Другое дело, что и в этой дилемме признание социального интереса все-таки чаще всего сводилось к признанию его как совокупности интересов членов социума. Таким образом, отвергалась мысль о наличии у общества системных свойств, отсутствующих у индивидов. Методологический индивидуализм оставался главным принципом теоретического экономического анализа. Подробнее об этом см. в статье А.Я. Рубинштейна «Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии» (*Рубинштейн, 2012*).

ным за реализацию интересов общества в целом. При этом с точки зрения экономической методологии наиболее дискутируемыми являются категории общественных потребностей и общественного интереса, обуславливающих необходимость государственной активности (*Гринберг, Рубинштейн, 2013. С. 319*). Таким образом, обосновывается своего рода модернизация неоклассической теории через категорию интересов общества, обеспечивающую выход на заявленную дилемму, ее теоретическую конструкцию.

В КЭС положение о несводимости (в противовес гипотезе о сводимости, восходящей к методологическому индивидуализму) несет большую смысловую нагрузку, так как выводит на теоретическое обоснование автономного интереса общества, категорически отрицаемого мейнстримом (*Гринберг, Рубинштейн, 2013. С. 326–327*). Чтобы понять трактовку интереса общества как такового, не выявляемого в индивидуальных предпочтениях, не выявляемого рынком, следует обратить внимание еще на одно важное положение социального либерализма. Оно заключается в том, что индивидуальные предпочтения индивидуумов и предпочтения общества как такового формируются в различных институциональных средах. Речь, таким образом, идет, во-первых, о самом факте существования интересов общества, а во-вторых, о механизмах его формирования и реализации. Эта методологическая особенность социального либерализма позволяет объяснить параллельное существование и взаимное дополнение интересов индивидуумов и интересов социальной целостности. Эта особенность и характеризует реляционную методологию, используемую в концепции КЭС, рассматривая разные институциональные среды формирования и реализации интересов, предполагает параллельно действующие рыночные и политические механизмы. Индивидуальные интересы выявляются и при необходимости агрегируются рынком, а системные интересы общества определяются посредством механизмов политической системы. Интересы социальной целостности, таким образом, формируются как рынком, так

и политической системой общества. Иначе говоря, речь идет о параллельных процессах — «о рыночной и политической ветвях» процесса формирования и реализации интересов. Рыночная ветвь «связана исключительно с индивидуальными предпочтениями и их гармонизацией», а политическая воплощает «зарождение, распространение и актуализацию нормативных интересов общества посредством институтов политической системы» (Гринберг, Рубинштейн, 2013. С. 343–344). Политическая ветвь — не сугубо теоретическое положение, а реально наблюдаемый процесс, обслуживаемый институтами общества. Логика КЭС как раз и предполагает органичное взаимодействие новых теоретических положений не самих по себе, но в тесной увязке с живыми общественными институтами.

Политическая ветвь формирования интересов общества заслуживает особого внимания¹⁰⁶. Согласно КЭС существуют интересы, генерируемые политической средой, которые в принципе нельзя определять в терминах рыночных предпочтений. И вполне возможно, что у большинства людей подобные интересы вовсе отсутствуют (Рубинштейн, 2012). Поэтому говорить об участии индивидуумов в формировании интересов общества как такового можно только опосредованно — имея в виду политические институты и механизмы своего рода «передачи в траст» мнения избирателей. При этом политическая ветвь актуализирует лишь такие интересы, которые готова признать сама политическая система, т. е. совокупность действующих институтов и индивидуумов, обладающих властными полномочиями. Именно эти интересы и становятся нормативными интересами общества. Задумываясь над этим, приходится признать явный фактор неопределенности, заложенный в политические механизмы этих процессов, а потому политическая ветвь имеет дело «лишь с проекциями реальных интересов общества как такового» (вспомним

106. Авторы КЭС имеют в виду «демократически устроенное общество и его институты, включая парламент, члены которого на основе установленной процедуры «определяют» нормативные интересы общества и их текущие приоритеты» (Гринберг, Рубинштейн, 2013. С. 47).

знаменитые «пластиковые копии Уолл-стрита» Я. Корнаи) (Гринберг, Рубинштейн, 2013. С. 351). А далее эти проекции общественных предпочтений, представленные как нормативные интересы общества, превращаются в систему целевых установок и мотивов деятельности государства.

Таким образом, в теоретической концепции КЭС обосновывается фигура государства в качестве одного из центральных объектов исследования. При этом отдается должное институциональной экономической теории, практически впервые поколебавшей незыблемость методологического индивидуализма и поставившей интересы индивидуумов в зависимость от институтов (Норт Д., 1997)¹⁰⁷. Это, в свою очередь, предполагает активное и систематическое влияние государства на хозяйствующие субъекты (Гринберг, Рубинштейн, 2013. Гл. 3). А характер поведения и хозяйственного взаимодействия индивидуумов определяется общественными институтами, в том числе государством. Однако, скорректировав традиционную неоклассику, институциональная теория так и не выработала критериев разграничения самой природы экономической активности государства и индивидуума.

Маститые представители экономической мысли, абсолютизовавшие и гипотезу сводимости, и такой социальный порядок, который не предполагал участия государства в регулировании рыночных взаимодействий, не могли не видеть очевидных теоретических нестыковок, которые несло в себе обоснование полной деэтизации экономики, но отбрасывали их как противоречащие методологии индивидуализма (Гринберг, Рубинштейн, 2013. С. 353–357). В отличие от этого, концепция экономической социодинамики исходит из того, что в обобщенной модели конкурентного рынка

107. Другим не менее важным теоретическим основанием институционализма является тезис об индивидууме как члене социума, интересы которого он формирует и представляет. На передний план экономической теории, таким образом, выдвигаются мотивы не индивидуального, а коллективного поведения. Что принципиально важно, индивидуумы в связи с этим подчиняются в хозяйственном взаимодействии не мотивам личной выгоды, а общественным нормам. И продолжая далее эту мысль, можно расценить такой подход как стремление рассматривать социальные и экономические явления во всей их совокупности (Селигмен, 1968).

одновременно действуют и индивидуальные субъекты с присущими им потребностями, и государство с его несводимыми интересами, и каждый из них стремится к максимизации собственной функции полезности (Гринберг, Рубинштейн, 2013. С. 358). Таким образом, превращение государства в рыночного игрока обеспечивает механизм, при котором сводимые потребности общества проявляются в индивидуальных предпочтениях, а за несводимые «отвечает» государство. Возникающее в этом случае равновесие сопровождается Парето эффективным распределением ресурсов. Стоит, наконец, упомянуть и о том, что принцип несводимости не позволяет «сводить» общий интерес к сумме интересов индивидуумов, т. е. делать их преимущественно количественной величиной. Интересы индивидуумов сильно различаются между собой (Гринберг, Рубинштейн, 2013. С. 182), понятие несводимости поэтому — это онтологическая постановка, следование которой выводит далее на представление о различных институциональных средах.

Сущность и генезис понятия нормативного интереса общества — одно из ключевых теоретических положений всей КЭС¹⁰⁸. Экономическое мировоззрение еще в рамках неинституциональной теории пыталось, как уже отмечалось, рассматривать в совокупности социальные и экономические явления. Концепция экономической социодинамики расширяет это мировоззрение до признания социализации субъектов рынка, т. е. рассматривает их поведение в социуме и приходит к выводу о недостаточности для объяснения этого поведения только лишь индивидуальных предпочтений и их рыночного усреднения. Признание объективности существования общественного интереса требует непрременной персонификации носителя этого интереса, действующего от имени общества и выступающего в качестве одного из субъектов рынка. В логике КЭС носителем общественного интереса,

108. Авторы КЭС внимательно отслеживают все тонкости многолетней борьбы прочно доминировавшей индивидуалистической нормы с попытками обосновать правомерность существования общественных потребностей как таковых (Гринберг, Рубинштейн, 2013. С. 176–183).

его представителем и защитником является государство. Но одного этого утверждения явно недостаточно, следует докопаться до его существенных корней.

Еще в своих более ранних трудах, в частности, в работе 2008 г. (*Гринберг, Рубинштейн, 2008*), Р.С. Гринберг и А.Я. Рубинштейн сформулировали в качестве одного из исходных положений экономической социодинамики так называемый постулат социального иммунитета. Данный постулат трактуется как своего рода телеологический принцип, сродни кантовской «целесообразности природы» (*Кант И., 1966*). Социальный иммунитет устанавливает, что всякому обществу генетически свойственны социальные интересы и формируются силы, направленные на самосохранение и развитие этого общества. Такая способность к самосохранению (наподобие иммунной системы) обеспечивает «включение» общественной системой политических механизмов формирования тех самых несводимых интересов, которые не могут быть выявлены стандартными рыночными механизмами. Социальный иммунитет, таким образом, формирует упоминавшуюся политическую ветвь общественного интереса как такового. Принципиально важно при этом, что указанный телеологический механизм несет в себе потенциал упорядочения за счет структурирования потенциальной энергии общества в его нормативные интересы. И вот что из этого следует. Государство и его целенаправленная деятельность живет как бы в трех измерениях. Социальный иммунитет выявляет нормативные общественные интересы и формирует цели государства, властная сила принуждения обеспечивает ему (государству) необходимые налоговые доходы, а также выполнение установленных общих норм и правил, а рыночные механизмы реализуют оптимальную аллокацию ресурсов («невидимая рука»), в т.ч. и распределение государственных средств (*Гринберг, Рубинштейн, 2013. С. 387*). Энергия социального иммунитета так расставляет приоритеты, что роль самого государства оказывается вторичной (*Гринберг,*

Рубинштейн, 2013. С. 388). Только разобравшись в природе этих приоритетов, можно понять и суть главной экономической дилеммы, вынесенной авторами в название монографии.

В теоретической конструкции процесс выявления и проявления общественного интереса и общественных потребностей в отличие от сиюминутной выгоды индивида переводится в плоскость «феномена политической истины», т. е. в термины общественного договора (*Гринберг, Рубинштейн*, 2013. С. 389). Вышеупомянутый телеологический потенциал (социальный иммунитет) приводит к консенсусу большинства людей в процессе их «социального образования». Социальные цели воспринимают сначала немногие, затем по мере накопления социального опыта вовлекаются другие сограждане, пока коллективная потребность не начинает господствовать в умах людей и индивидуумы приходят к согласию. А поскольку в реальности осознание всеобщей пользы поддерживается большинством, но все-таки не всеми, то телеологический механизм должен быть дополнен властью принуждения (*Гринберг, Рубинштейн*, 2013. С. 391). А значит, участие государства в реализации интереса большинства и в принуждении к ней меньшинства становится необходимым. Более того, только в зависимости от конкретных действий государства выявление латентно существующих интересов общества как раз и может происходить раньше или позже.

К данному утверждению, однако, следует относиться с вниманием и осторожностью. Мы еще хорошо помним времена, когда утверждалось, что общественные интересы имеют примат перед личными. КЭС решительно отмежевывается от любых вариантов «органической концепции» или «новых» социалистических идей. Ни при каких условиях не допускаются никакие версии подчинения индивидуальных интересов общественным потребностям. Иными словами, дополнение индивидуальных интересов общественными не предусматривает их иерархии (*Гринберг, Рубинштейн*, 2013.

С. 425). В этой связи положение о двух ветвях формирования общественных интересов и их конкурентном взаимодействии в рыночном равновесии следует признать важным методологическим продвижением теоретической экономики.

Есть и другая сторона «государственнического» дискурса. Авторы КЭС, случалось, упрекали в том, что государство, якобы, не может одновременно и устанавливать «правила игры», и участвовать в этой игре. А поскольку оно объективно обладает монополией на принуждение, то по определению не может быть равноправным субъектом рыночных отношений (*Гринберг, Рубинштейн, 2013. С. 17–19*). Ответ на упрек очевиден. В теоретической конструкции КЭС государство – это не некий монолитный орган, а совокупность институтов законодательной и исполнительной власти. При этом один представительный орган устанавливает «правила игры» (законодательная власть), другой вырабатывает приоритеты социальных установок (исполнительная, но работающая исключительно как некоммерческая организация, реализующая общественные интересы). В этой ипостаси государственные структуры и действуют как субъекты рынка.

Неразвитость или полное отсутствие институтов гражданского общества приводит к расширению сферы активности бюрократии в ущерб легитимной активности государства. Продвинуться в решении проблемы можно только на путях дальнейшего углубления знаний о смешанной экономике, прежде всего о соотношении частной инициативы и государственной активности. Именно поэтому в теоретической конструкции КЭС дилемма «индивидуум & государство» является тем стержнем, на котором базируется новая аксиоматика структуры общественных и частных интересов.

Важнейшим элементом этой новой аксиоматики как раз и является введение в социодинамическую модель политической ветви генерации интересов, не выявляемых рыночными механизмами. При этом, как следует из всего вышесказан-

ного, развиваемая теория социального либерализма предполагает и рыночные принципы соотношения индивидуумов и социума, но, что принципиально важно, включает также и политический компонент наряду с экономическим и социальным. Категории нормативного интереса и социальной полезности получают, таким образом, свой механизм формирования, соответствующий политической ветви социодинамики. Для дальнейшего развития концепции экономической социодинамики необходимо исследование указанного процесса с помощью современного инструментария теории общественного выбора, политологии, социологии, социальной психологии и новой политэкономии (*Гринберг, Рубинштейн*, 2013. С. 21. Гл. 6, 9).

Общепризнано, что ни одна серьезная экономическая теория без математики (формализации структуры и динамики исследуемых явлений и процессов) состояться не может. Математический аппарат абсолютно необходим для адекватного анализа, оценки и конструктивных выводов по выявленным трендам в любой области теоретической экономики. Развитие теории экономической социодинамики на протяжении всех этапов происходило с использованием адекватных математических подходов. Так, на базе модификации модели Викселля – Линдаля (*Рубинштейн*, 2008; 2009; 2012) была выстроена экономическая модель, способная учитывать как интересы отдельных индивидуумов, так и общества в целом. На современном этапе развития КЭС сделана попытка при описании рыночного равновесия включить в модель оба интереса, работающих на рынке (агрегат индивидуальных предпочтений и нормативный интерес общества), и обе институциональные ветви формирования общественного интереса. (*Гринберг, Рубинштейн*, 2013. Гл. 9). Социальный либерализм как теоретическое (и практическое) явление нуждается в соответствующей добротной экономической методологии, важным элементом которой являются принципы экономической социодинамики.

Однако уже никак нельзя не видеть тех современных тенденций в обществе и власти, которые имеют прямое отношение к заявленной дилемме «индивидуум & государство». Речь идет об изменениях в институциональной среде, где разворачивается та самая политическая ветвь формирования интересов социума, не улавливаемых рыночными механизмами. Вообще-то это большой и сложный разговор, выходящий за рамки статьи. И все-таки очевидно, что современные ИТ-технологии, возможности беспрепятственных онлайн-коммуникаций на всех уровнях и во всех сферах вносят буквально взрывные новые элементы и в рыночную координацию, и в работу институтов гражданского общества, и в диалог с властью. Быстро растущие горизонтальные связи позволяют формировать новые гибкие институты гражданских отношений на основе взаимодействия, партнерства, свободного обмена услугами. Социологические исследования показывают, что степень связанности российского общества сегодня радикально выше, чем 10–15 лет тому назад¹⁰⁹. Государство с его институтами явно отстает от общественной самоорганизации и активности, продолжая считать себя единственной организованной силой. В рыночных взаимодействиях также проявляется преодоление, казалось бы, аксиоматичной атомизации, появляются наряду с принципами, описанными строгой экономической теорией, такие изначально чуждые им элементы отношений, как взаимопомощь, доверие, преданность общим ценностям и многое другое, деньгами не всегда измеряемое. Обходить эти процессы становится все труднее. Наверное, следует уже осмыслить новые тренды, так как они не могут не сказаться на развитии основной экономической дилеммы «индивидуум & государство».

109. Об этом свидетельствуют результаты последнего опроса «Евробарометра в России». См.: (Ведомости, 2015. 18 июня).

3.3. Анализ основных положений концепции экономической синергетики Л.П. и Р.Н. Евстигнеевых в контексте перехода к гуманитарной цивилизации¹¹⁰

Оригинальная теория всегда несет в себе отпечаток личности ее автора. Об этом сегодня невольно задумываешься, когда перечитываешь работы Л.П. и Р.Н. Евстигнеевых по экономической синергетике. Сама идея такого «раздвижения» поля экономического знания могла зародиться у людей, склонных не только к исследованию традиционной сферы экономики, но и к постижению глубины ее взаимосвязей с другими областями человеческого бытия, которое можно было бы определить как своего рода философию экономической науки. Этому способствовала и склонность Рубена Николаевича к некоему научному артистизму с присущими ему интуитивными озарениями (вспомним, что он — сын актера, и все знавшие его подпадали под обаяние его артистического изящества).

Думается, что во многом именно личностным качествам Людмилы Петровны и Рубена Николаевича мы обязаны появлению их оригинальной концепции, с помощью которой они стремились органично включить внутрь экономического анализа те явления и процессы, которые обычно предстают лишь как некая среда, окружающая поле собственно экономики. И в то же время в предложенной ими концепции это расширение поля экономического анализа, будучи подкрепленным своеобразной философской основой, не несет в себе вульгаризаторства «экономического империализма», которым нередко грешат экономисты, пытающиеся привычными им методами (прежде всего, экономико-математическими) анализировать разнообразные процессы социальной жизни.

Не сводится методология экономической синергетики и к простому подключению к экономическому исследованию

110. Дерябина М.А. Анализ основных положений концепции экономической синергетики Л.П. и Р.Н. Евстигнеевых в контексте перехода к гуманитарной цивилизации / Гл. 7.1. в кн. «Очерки по экономической синергетике». М.: ИЭ РАН, 2017. С. 121–156.

инструментария смежных дисциплин — социологии, психологии, философии и т. п.¹¹¹ Это новое качество экономического анализа естественно вырастает в работах Евстигнеевых из самой конструкции их исследовательского метода. Как некогда К. Маркс выделил товар в качестве первичной клеточки своего анализа, так и Евстигнеевы, выстраивая свою конструкцию экономической синергетики как сложной нелинейной, постоянно развивающейся экономической системы, выделили свой первичный элемент анализа. Развивая и углубляя его, они создают оригинальную экономическую систему, естественно вбирающую в себя и социальные, и психологические, и политические элементы. Такой первичной клеточкой их анализа стал специфически понимаемый рынок.

Рынок для них — «главный двигатель прочих изменений в экономике». Вся история экономического развития — история формирования, становления, усложнения рынков, прохождения ими различных этапов развития, связанных с глубочайшими технологическими и социальными, а также политическими изменениями в обществе. Можно сказать, что даже в ситуациях, когда рынок подменялся жестким плановым регулированием экономики, он при первых возможностях «прорастал» сквозь него, пусть и в виде неформальных отношений. Причем такие отношения, по сути, искажали формальные институты не только плановой экономики, но и заимствованные впоследствии при переходе к рынку стандартные институты рыночной системы. Советская экономика, с одной стороны, с течением времени превращалась в экономику «бюрократического торга» (термин, как известно, введен в научный дискурс еще в 1980-х годах В. Найшулем и С. Кордонским). С другой стороны, из-за огромных структурных перекосов в основной, плановой, экономике как компенсаторная система складывалась сеть неформальных теневых рыночных отношений и соответствующих им институтов

111. Такие упреки высказывались Евстигнеевым при обсуждении их первых монографий, написанных с позиций экономической синергетики, в частности, книги (Евстигнеева, Евстигнеев, 2005) на семинаре «Теоретическая экономика» Института экономики РАН.

и социально-психологических привычек, которые к 1980-м годам вылились уже в систему «теневой экономики».

Использование категории «рынок» в качестве краеугольной для всей конструкции экономической синергетики обусловлено прежде всего получившимися ускоренное развитие в XX в. процессами усложнения как собственно экономических, так и всех иных отношений современного общества. Причем этот процесс усложнения в новую эпоху информатизации и глобализации лишь ускорился. Евстигнеевы в своем анализе пытались работать на опережение, осмысливая все новые и новые изменения, вписывая их в свою нелинейную конструкцию и на этой основе предсказывая грядущие изменения. Поэтому нередко у их читателей может складываться впечатление, что речь идет о некоей экономике будущего. Но это не совсем так: будущее всегда выстраивается на базе эволюционного развития и не противоречит современному состоянию. «Развитие есть усложнение, но оно не есть устаревание уровневых экономических структур... Современная экономика — это структура (комплексность), имеющая не только будущее, но и прошлое» (Евстигнеева, Евстигнеев, 2016б. С. 102).

Категория «рынок», используемая Евстигнеевыми, рассматривается ими как наиболее адекватная этой идее развития. Ведь суть рынка — выработка системы согласования разнообразных интересов субъектов, участвующих в обменных процессах. На первичных этапах его развития эти процессы ограничивались сферой собственно экономических отношений, позволявших выделить в анализе некоего homo economicus как носителя сугубо экономической рациональности. Однако современное усложнение жизни, переплетение самых разных ее аспектов (причем в различных ситуациях влияние тех или иных факторов обладает разной степенью интенсивности) приводит к тому, что рациональность деятельности становится невозможно ограничить сугубо экономическим аспектом. Она не может не учитывать и политические, и социальные, и психологические, и экологические,

и иные «вводные». Без такого учета согласование интересов в сложной системе современного общества оказывается или крайне затруднено, или просто невозможно. «Речь идет о включении в систему социально-экономических структур духовного статуса индивида как неотъемлемой части физического и социального статуса. Это не проблема индивида как такового. Это проблема структуры социально-экономической системы» (Евстигнеева, Евстигнеев, 2011. С. 46).

Именно на такой основе, по мнению Евстигнеевых, может быть решена проблема единства индивидуализации и социализации. Это и означает, по их мнению, переход от линейной зависимости к нелинейным, синергетическим, конструкциям. При этом инструментом учета такой нелинейности оказываются именно рыночные отношения, но перешедшие на новую стадию развития, органически включившие в себя всю совокупность социальных факторов, оказывающихся необходимыми и для более точного прогноза хозяйственной деятельности, но главное — для достижения социального консенсуса в обществе. Евстигнеевы утверждают, что «экономика может служить предметом, вполне достаточным для системного исследования синергетических аспектов мира, в котором мы живем. Удивительное свойство экономики — ее сопряженность со всеми сферами жизнедеятельности общества (культура, политика, социальная психология и т. д.), по отношению к которым экономика в современном мире является ядром и управляет ими как своим контекстом» (Евстигнеева, Евстигнеев, 2010. С. 11).

Для экономического мейнстрима в качестве субъекта рынка предстал «человек, проникнутый коммерческим духом». В условиях быстрого усложнения общественных отношений это способствовало, в частности, и процессам стандартизации личности, которые в XXI в. сказываются не только на огрублении потребностей и мотивов массового человека, но и, как следствие, становятся препятствием дальнейшего стабильного экономического роста, в свою очередь оказывающегося и причиной, и следствием личност-

ного развития. Выход из этого тупика Евстигнеевы видят во включении в анализ рыночных отношений человека — как многопланового субъекта с его потребностями в социальной, культурной, политической и иных сферах. Таким образом, выдвигается новый подход к проблеме рациональности экономического поведения, которая должна включать в себя не только социальные и политические, но и духовные, нравственные компоненты. Ибо «духовность имеет мощную социальную составляющую. Она обуславливает содержание общества как целостности, определяя границы свободы человека в рамках данной цивилизации — что можно и чего нельзя» (Евстигнеева, Евстигнеев, 2011. С. 50).

Именно духовно развитая личность с ее нравственными устоями не только дает новые импульсы технологическому, институциональному и социальному прогрессу, без которых немислим выход на новые рубежи экономического роста, но и оказывается способной стать субъектом многочисленных согласований интересов, связанных с разными сферами общественного бытия. Без этого сегодня невозможно нормальное функционирование сложного современного общественного организма.

Разумеется, те высокие личностные стандарты, о которых пишут Евстигнеевы, ныне встречаются не часто, что типично отнюдь не только для нашей страны. Но это не мешает рассуждать о закономерностях грядущих изменений, диктуемых все ускоряющимся ходом технологического развития цивилизации. Поэтому Евстигнеевы пишут о грядущей либеральной ментальности, «которая не может не включать одновременно полной свободы индивида в его текущей и стратегической ориентации и его ответственности за принятые решения как собственно им, так и обществом. Поэтому наиболее полным понятием свободы является понятие «свободы выбора».

Отсюда следует, что человек «в синергетическом, либеральном обществе будет поставлен перед необходимостью ответственного выбора между Добром и Злом» (Евстигнеева, Евстигнеев, 2011. С. 48). Тем самым в проповедуемом

Евстигнеевыми подходе превращение рыночных отношений в отношения субъектные прямо противостоит вульгарному индивидуализму. Ведь либерализм, отстаивающий права личности на свободное развитие, не является антитезой коллективизму. Ею скорее выступает патернализм, предполагающий перекалывание бремени принятия решений, равно как и рисков, с ними связанных, и ответственности за их выполнение на некоего «патера», в наше время — обычно на государство. Однако включенная в систему общественных отношений личность не может не создавать с окружающими те или иные связи, сети и т.п. Не случайно в последнее время очень часто упоминают о коллективном либерализме, важности для современной экономики проблемы согласования деятельности разных субъектов рынка, переходе к философии сотрудничества как предпосылке развития экономики нового качества (Полтерович, 2015).

Такой взгляд на сущность субъекта рыночной деятельности снимает, как устаревшую, формулу противоречия «государство—рынок». «Реальность ставит нас перед необходимостью исследовать рынок и государство как целостную, нерасчлененную систему, далеко выходящую за рамки этой формулы» (Евстигнеева, Евстигнеев, 2016б. С. 30). Для них характерна трактовка рынка и государства как компонентов более широкого понятия «Социум», который представлен системой социальных субъектов разного уровня: человек, бизнес, государство (как управляющая система, или Квазисоциум), Социум (функция которого — создание и актуализация социальной формы Бытия) (Евстигнеева, Евстигнеев, 2016б. С. 31–32). При этом они предостерегают, с одной стороны, от сужения проблемы до темы соотношения систем общества и государства, а с другой — от игнорирования связи Социума и Цивилизации. «Если в первом случае будем неверно трактовать связь человека и элиты, общества и государства, то во втором нам будут неясны демократические потенции мирового сообщества» (Евстигнеева, Евстигнеев, 2016б. С. 34). И все эти, казалось бы, далекие от

привычного понимания предмета экономической теории мотивы естественно встраиваются в анализ Евстигнеевых, органично проходя через содержание их последних книг.

Условием снятия противопоставления рынка и государства, формирования среды, способствующей развитию нового уровня самоорганизации, является, по Евстигнеевым, становление высокоразвитой личности как основного субъекта рыночных процессов. Без этого даже огромные капитальные вложения, которые способно сконцентрировать государство, не дадут ожидаемого эффекта: «...деградация современного общества может быть преодолена не с помощью бесконечного умножения капитальных вложений, как полагают большинство экономистов, а только путем зарядки общества мощной социальной энергетикой» (Евстигнеева, Евстигнеев, 2016б. С. 131). А это возможно лишь в ситуации повышения «степени свободы выбора для экономических субъектов и, соответственно, их социального тонуса» (там же). В свою очередь, условием развития личности как субъекта рыночных отношений и гармонизации ее отношений с государством является образование особого «коммуникативного пространства». Как считают Евстигнеевы, с ним коррелируют такие понятия, как «ментальность», «народ», «население», «государство», «рынок», но отнюдь не «понятие элитарного общества» (Евстигнеева, Евстигнеев, 2016б. С. 85).

При этом ментальность как характеристика состояния общества «дает картину достаточности и недостаточности условий формирования коммуникативного единства способа производства и способа жизни в их стремлении к социализации (политизации), с одной стороны, и демократизации (индивидуализации), с другой стороны» (там же). При этом особо подчеркивается, что «демократизация как носитель потенциала индивидуализации, т. е. активизации взаимодействия общества (человека) и государства, является абсолютно необходимым условием для осуществления сложных исторических переходов» (Евстигнеева, Евстигнеев, 2016б. С. 87).

Всякое «усложнение ситуации требует от государства высокого уровня системы управления (с отрицательной и положительной обратной связью)» (там же). Государство должно способствовать развитию рыночной самоорганизации общества и именно на этой основе, улавливая объективно диктуемые эволюционные процессы, управлять ими¹¹². Переход же государства по отношению к обществу к своего рода «самообороне» лишь искажает и усложняет объективно назревшие процессы. Одно из таких искажений демонстрируется ими на макроуровне — при анализе процессов глобализации, которые оказались связанными «с известной деградацией конкурентного рынка. И дело здесь не только в неадекватности поведения государства, но и в перемещении конкурентной борьбы между бизнесом, монополиями и государством из экономической сферы в сферу политическую» (Евстигнеева, Евстигнеев, 2016б. С. 22). Здесь также проявляется несоответствие необходимого современному Социуму «коммуникативного пространства» той экономической и социальной политике, которая присуща современным элитам, стремящимся к монополии на принятие решений в самых разных сферах жизни, предоставившим массам, казалось бы, комфортную позицию пассивного потребителя принятых ими решений. Однако патерналистское отношение к «управляемым массам», как показывает практика, приводит не к прорыву в экономическом росте¹¹³, а, напротив, тормозит формирование массовой ответственной и духовной личности.

Более того, *попытки государства монополизировать управление процессами развития, подавить институты самоорганизации общества пагубно сказываются не только*

112. С этими идеями перекликаются высказанные В. Полтеровичем требования к сильному государству, проводящему реформы. Оно «должно быть достаточно сильным и устойчивым для того, чтобы не следовать «модным» рецептам экономической политики, подавлять избыточную перераспределительную активность и вместе с тем допустить становление гражданского общества» (Полтерович, 2007. С. 283).

113. Отмечу в этой связи анализ эволюции патерналистских отношений на разных этапах исторического развития в работе (Рубинштейн, 2016).

на текущей ситуации, но и закладывают дополнительные проблемы для будущего развития, способствуя образованию специфических «институциональных рубцов» в ткани общества, создающих дополнительные трудности для последующих поколений (Плискевич, 2016). Такое положение, присущее «элитарному» строению общества, согласно Евстигнеевым, является препятствием для нормальных эволюционных процессов. При этом «социализация редуцируется в агрессивную политизацию как со стороны населения, так и со стороны государства. Политический потенциал как бы теряет плотность своего окружения (социализации). Демократизация (индивидуализация) также подвергается упрощению. При этом индивид уходит в свое индивидуальное пространство или строит свою особую нишу, ментальность народа подвергается деформации. Народ перестает чувствовать свою связанность с историей, с исторической традицией, т. е. трансформируется в население, спаянное со своим государством и подвластное элитарному управлению» (Евстигнеева, Евстигнеев, 2016б. С. 91–92).

Эта длинная цитата позволяет подчеркнуть, что *авторы выходят за рамки чисто экономических рассуждений в традиционном их понимании, вторгаясь на территорию политологического анализа*, ибо затрагиваемые проблемы и в их теории, и в реальной жизни неразделимы. И вместе с тем эти рассуждения — часть именно экономической теории, цель которой — объяснить причины стагнации экономики и поиск новых импульсов экономического роста. Пока же мы видим, что построение элитой управления экономикой и обществом по канонам централизации вертикали власти на первых порах иногда может дать некоторый эффект, но в дальнейшем ведет к застою и даже деградации. «Подмораживая» общество, предлагая ему действительно удобные для многих патерналистские схемы, такая система одновременно губит основную энергию творческого развития, а без нее современная экономика развиваться не может. Очевидна необходимость перехода от такого элитарного способа управления

к более гибким современным схемам, основанным на доверии к человеку. В этом идеи Евстигнеевых перекликаются с концепцией Норта—Уоллиса—Вайнгаста о необходимых пороговых условиях перехода к современному «зрелому государству» с «порядками открытого доступа» (Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011. С. 76).

В то же время нельзя не отметить, что, если говоря о рынке, Евстигнеевы постоянно подчеркивают важность субъектности включенных в него индивидов, раскрытия их творческой энергии как важнейшей движущей силы экономического роста, то анализ государства, по сути, ограничивается у них констатацией его признаков как института и определенной функции. Между тем, даже следуя развиваемой ими концепции роли ментальности в современной экономике и в мире в целом, нельзя не распространить ее и на государство. И здесь вряд ли уместно ограничиваться лишь элитой. Ведь государство, по сути, осуществляет возложенные на него функции через всю иерархию чиновничества, представителей силовых ведомств, законодательного и судебного корпуса разного ранга и т.п. Если к ним не будут применены те же требования ментального перерождения, каковые выдвигаются для субъектов рыночных отношений, то все эволюционные процессы, ведущие к новой, синергетической, экономике будущего, окажутся заблокированными. По сути, и в сегодняшней ситуации мы видим, как государство, не только в качестве института, но и как инструмент в руках отдельных кланов или даже просто чиновников невысокого ранга, блокирует многие попытки индивидуального развития, низовой самоорганизации.

Еще одной несущей конструкцией концепции экономической синергетики является *капитал*, что органично для экономиста, выстраивающего свою теорию, исходя из примата рыночных отношений. Концепция экономической синергетики предполагает не только историзм анализа капитала, связанный с разными этапами развития экономики, начиная с промышленного, а затем и денежного капитала

и венчая его финансовым капиталом. Финансовый вбирает в себя капиталы, характерные для предшествующего развития (равно как и социальный капитал)¹¹⁴, и далее приобретает особые качества как синтез накопленного в предшествующие периоды, обретает новые качества в связи с усложнением экономики.

Эти качества позволяют охарактеризовать его как инструмент нелинейного, синергетического, анализа. Возможно, именно со сложностью и нелинейностью феномена финансового капитала как особого синергетического синтеза связано то, что четкого его определения в концепции Евстигнеевых мы так и не находим. Наверное, у авторов были опасения, что эта четкость увела бы их от самой идеи нелинейности, упростила бы само понятие финансового капитала, сведя его лишь к тому, что укладывается в конкретную формулу. Это противоречило бы той многогранности феномена, которая, в конечном счете выявляется в процессе чтения работ Евстигнеевых, поворачиваясь то одной, то другой стороной.

Можно, в частности, обратить внимание на предложенную в последней книге Евстигнеевых идею *треугольника финансовых капиталов*: «Этот треугольник предполагает постоянную кооперацию финансовых капиталов, представленных соединением, во-первых, денежного и торгово-промышленного капитала (Гильфердинг), во-вторых, денежного национального и валютно-денежного капитала (Кейнс), в-третьих, денежного национального капитала и монополизированного государством ВВП (СССР, Россия)» (Евстигнеева, Евстигнеев, 2016б. С. 26).

В то же время в концепции Евстигнеевых сугубо экономическое определение финансового капитала постоянно

114. Под социальным капиталом Евстигнеевы понимают социально-экономические отношения, связанные с производством, распределением и потреблением социальных и потребительских благ, а не систему социальных сетей и взаимосвязей, как это принято в современной литературе. Тем не менее, такое «нестандартное» употребление уже «занятого» термина в их теории вполне оправдано, так как тут идет речь именно об одной из составных частей основного для их анализа капитала — финансового.

дополняется вводимыми в анализ социальными и нравственными компонентами характеристики его как нелинейной категории. Справедливость такого подхода мы ощущаем в современной реальности безотносительно к сложным теоретическим построениям. Достаточно вспомнить о том, ставшем уже банальным, утверждении, что одной из основных проблем, блокирующих развитие современной России, является кризис доверия. Бизнесмены с недоверием относятся к незнакомым им контрагентам, что не дает возможности развиваться рынку. Граждане не верят государству, а государство — гражданам. Все свидетельствует о том, что *дальнейший экономический анализ без учета нравственного, ментального компонента будет неточен*. И Евстигнеевы вводят этот компонент в структуру капитала. Причем как раз на его основе они производят важное *разделение двух понятий — капитала и дохода*. Капитал в их конструкции становится символом развития, инвестирования самых разных средств (не только денежных, но и человеческого капитала) во все новые и новые прорывные идеи, воплощения их на практике. Именно капитал в руках носителей высокой ментальности становится двигателем прогресса. Потому мы и встречаем у них фразу: «Добрые качества людей имеют наиболее глубокие корни в капитале» (Евстигнеева, Евстигнеев, 2016б. С. 67).

Эти рассуждения могут показаться парадоксальными. Они так не соответствуют стандартным представлениям о капиталисте-кровопийце, да и тем примерам капиталистического развития, которые в избытке дала наша страна в последние десятилетия. Однако в ответ на подобные возражения в работах Евстигнеевых появляется также ментально окрашенная категория — доход, которая в противовес капиталу предстает как символ не развития, а непроизводительной растраты ресурсов, застоя, тормоза экономического развития: «Доход как регулирующий критерий текущего рынка тянет за собой шлейф разрушительных последствий. Если на стороне капитала и стратегического рынка лежит основание

устойчивости общества и высокой нравственности как определяющего свойства ментальности, то на стороне дохода лежат негативные ментальные свойства» (Евстигнеева, Евстигнеев, 2011. С. 66). И далее: «Негативная ментальность — это не другая ментальность, это кризисная ментальность, порожденная сформировавшейся в стране бюджетной экономикой, которой свойственно устойчивое общее рыночное “неравновесие”» (Евстигнеева, Евстигнеев, 2011. С. 67).

По сути, введение Евстигнеевыми ментального, нравственного, компонента в систему экономического анализа раскрывает порочность свойственных сложившейся «бюджетной» экономике отношений, связанных прежде всего с извлечением ренты (природной или административной), которая направляется не на развитие, а изымается из экономики как самими окологосударственными предпринимателями и чиновниками, так и массой обслуживающих и охраняющих их людей. Причем государство, чрезмерно увлекаясь перераспределительной политикой — атрибутом бюджетной линейной экономики, на деле создает препятствия подлинному экономическому развитию.

В то же время Евстигнеевы призывают не впадать в крайности, найти баланс между полюсами «капитал» и «доход», который устроил бы и общество, и государство. Они приходят к выводу, что «главное назначение системы «капитал—доход» состоит в формировании механизма рыночной самоорганизации, вбирающей в себя и социальную эволюцию общества... Всякий раз будет стоять задача поиска устойчивого равновесия капитала и дохода, общества и государства» (Евстигнеева, Евстигнеев, 2011. С. 69). Для современной же России базисным оказывается пока «экстремальный вариант приоритета дохода и создание адекватной ему «бюджетной экономики» с присущим ей квазикапиталом, «суть которого состоит в капитализации дохода и замещении оборота капитала оборотом инвестиций» (Евстигнеева, Евстигнеев, 2011).

Представляя экономику как «целостность — сложную открытую систему, способную к саморазвитию на принци-

пах эндогенной эволюции, используя механизмы рыночной самоорганизации» (Евстигнеева, Евстигнеев, 2016б. С. 95–96), Евстигнеевы допускают, как вполне закономерные, элементы хаоса в этом развитии. Ведь его важным условием является возможность свободного выбора конкретных хозяйственных решений. Однако в отличие от большинства экономистов, видящих в этом явлении сугубо разрушительные потенции, они, опираясь на достижения физики, акцентируют внимание на возможностях такого состояния как стимула экономического роста: «...физика дает нам, во-первых, подсказку, как справиться с нормативным включением хаоса в режим экономического роста. И, во-вторых, экономисты получают теоретическую базу для перехода от исследования одномерных фигур... к анализу сложных многоуровневых рыночных отношений и структур» (Евстигнеева, Евстигнеев, 2016б. С. 195).

Само состояние хаоса говорит об исчерпанности сложившегося потенциала и усилении процесса поиска возможных путей выхода, в котором принимают участие и субъекты рынка, и государство, обязанное выявлять новые управленческие способы разрешения проблем, а не стремиться заморозить ситуацию. Такое «подмораживание» создает мнимую стабильность, не разрешая накапливающиеся проблемы. В итоге это приводит к их взрывному решению, которое отнюдь не всегда имеет следствием прогрессивное продвижение экономики и общества, а, напротив, даже чревато опасностью отбрасывания его назад. Поэтому столь важно в ходе развития «замещение взрыва мягкой формой — хаосом» (Евстигнеева, Евстигнеев, 2016б. С. 201).

Сам рынок во всей своей сложности, включая особенности ментальности его субъектов, формирует предпосылки взрыва, обостряя социальные, экономические и политические требования общества к государству и капиталу. В этих условиях важнейшее значение обретает искусство всех субъектов современного рынка, включая государство. При этом важнейшим средством уклонения от взрыва, перевода ситуации в более мягкие формы «является свобода выбора конкретных

хозяйственных решений» (Евстигнеева, Евстигнеев, 2016б. С. 202). Нужную для развития степень свободы может дать «регионализация, предполагающая адекватное государство» (Евстигнеева, Евстигнеев, 2016б. С. 204). Это, в свою очередь, диктует необходимость формирования субъектов рынка (и государства) принципиально нового качества, не ограничивающихся в своем целеполагании одним коммерческим интересом, а поднимающихся над ним в соответствии с высокими нравственными требованиями, возвышающими их в решении текущих задач до уровня Бытия.

Наследие Евстигнеевых, оставленное нам в виде последних четырех монографий и многочисленных статей, все же часто оставляет ощущение недосказанности. Тем важнее сегодня вчитываться в их работы, пытаясь постичь то, что осталось, к сожалению, так и не воплощенным. И вдумываясь в положения их концепции, анализируя их, дискутируя с коллегами, надо стремиться к дальнейшему развитию разработанного ими направления экономической мысли. Ведь стремление к развитию, совершенствованию, свободному полету мысли было так характерно для Людмилы Петровны и Рубена Николаевича Евстигнеевых.

3.4. К новой организации жизни общества и экономики. О книге Н. В. Смородинской «Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу»¹¹⁵

Необходимость фундаментально трансформировать стратегию развития России признается практически всеми. И публичные, и узкопрофессиональные дискуссии последнего времени посвящены поиску сценариев перестройки экономики и социальной системы нашей страны, их адаптации к «новой нормальности», новому равновесию. При

115. Дерябина М.А. К новой организации жизни общества и экономики (о книге Н.В. Смородинской «Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу») // Вопросы экономики. 2017. №3. С. 146–158. DOI:10.32609/0042-8736-2017-3-146-158.

этом сторонники конкурирующих концепций в принципе едины в понимании общих, но, по существу, расплывчатых целей: изменение модели и достижение устойчивости экономического роста; проведение активной инвестиционной политики; создание благоприятной предпринимательской среды, в том числе для малого и среднего бизнеса; повышение уровня жизни населения. Сами по себе эти цели, конечно, должны присутствовать в новейших разработках, однако стержнем новой стратегии развития они не могут служить. В мире наступил период глубоких цивилизационных сдвигов, без осмысления которых нельзя выстроить реально действующую стратегию развития экономики и общества. Упомянутые цели в таком проекте будут выполнять функцию необходимого инструментария.

Другой аспект предстоящей трансформации: можно ли и в каких пределах реформировать экономику России, не меняя модельную конструкцию всего общества? И вновь приходится признать, что современный мировой опыт свидетельствует о движении в сторону нового мироустройства. Оно характеризуется не только усилением инновационных процессов, широким распространением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) — всего, что обычно понимают под экономикой знаний, но и формированием новых законов и ценностей, порой отрицающих привычные «правила игры» индустриальной эпохи.

Новые тренды развития

Предчувствие нового мира можно было уловить в научных работах, посвященных отдельным, но, как оказалось, ключевым проблемам жизни общества и экономики (Кастельс, 2000; 2016; Drucker, 2001; Болтански, Кьяпелло, 2011). В сферу особого внимания переместились такие вопросы развития, как сетевые взаимодействия, взаимовыгодное сотрудничество (коллаборация), особые инновационные взаимосвязи государства, науки и бизнеса, кластерная организация реального сектора и интенсификация горизонтальных связей в производ-

стве и управлении, перестройка крупных иерархических структур. Нельзя сказать, что все эти тренды появились лишь в связи с формированием информационного общества и постиндустриальной экономики. Так, сетевые принципы организации, сотрудничество и взаимовыгодные отношения были известны в различные периоды человеческой истории (см.: *Кропоткин, 2007; Олескин, 2015; Полтерович, 2016*). Но только в условиях перехода к современной парадигме инновационного развития, адекватной макроэкономической динамике и форм организации бизнеса и управления черты нового миропорядка и мироустройства приобретают системный образ. В связи с этим монография Н. В. Смородинской «Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу» (*Смородинская, 2015*) заслуживает пристального внимания.

Для прояснения сути нарождающейся цивилизации автор анализирует новейшие тенденции в сфере организации мирового и регионального хозяйства. Причем все главные тренды рассматриваются и в теоретическом, и в практическом плане. Автор ставит задачу: «Вычленить тенденции будущего из неопределенностей настоящего» (*Смородинская, 2015. С. 10–11*). Как и многие зарубежные и отечественные исследователи, автор считает, что именно сетевой уклад рано или поздно станет главным в организации общества и экономики, позволит реформировать сложившиеся в индустриальную эпоху иерархии производства и управления, коренным образом изменить характер экономических систем, перестраивая производственную кооперацию и рыночную координацию и повышая значимость горизонтальных взаимодействий.

Сетевой уклад, сетевое взаимодействие на всех уровнях общества и экономики отражают общее усложнение социальных и производственных систем на постиндустриальной, информационной стадии развития, для которой характерно постоянное, непрерывное обновление вне зависимости от временных и географических границ. Этот уклад вобрал в себя, быстро и прагматично освоил главные современные тренды. Назовем лишь основные. Современные цифровые

технологии, ИТ, по всеобщему признанию, глубоко преобразуют всю систему коммуникаций в обществе и экономике. Собственно для экономики принципиально важна возможность *коренным образом изменить систему рыночной координации*. Незыблемость достаточных для неоклассического и неонституционального анализа форм рыночной координации – иерархической модели, базирующейся на административных методах управления, и модели традиционного рынка, регулируемого через ценовой механизм, – существенно поколеблена возможностями интерактивных коммуникаций. Агенты рынка, производители и потребители, получили возможность вступать во взаимодействие непосредственно, через веб-сайты или с помощью иных форм коммуникаций. Средства ИТ позволяют также индивидуумам, физическим лицам, выходить в своих коммуникациях за юридические и организационные рамки фирм, создавать коалиции по интересам. Это постепенно меняет институциональную среду, способы производственно-хозяйственной кооперации, позволяет разнообразить и индивидуализировать связи, перестраивать систему посредников в рыночной координации.

Еще один важный тренд, технически связанный с предыдущим, но имеющий самостоятельное значение для развития именно сетевого уклада, заключается в *расширении возможности согласованных действий*, которые можно противопоставить традиционной конкуренции. Действительно сложные современные изделия и технологии создаются и удерживаются на рынке за счет кооперации и сотрудничества. Широко распространенные в мире инновационные консорциумы и альянсы часто включают компании-конкуренты (*Гаррет, Дюссож, 2002*)¹¹⁶. Сотрудничество и кооперация диктуются

116. Недавно стало известно о намерении крупнейших технологических компаний совместно работать в сфере создания искусственного интеллекта. Корпорации Amazon, DeepMind/Google, Facebook, IBM и Microsoft объявили о создании некоммерческой организации «Партнерство по искусственному интеллекту на благо людей и общества». У каждой компании имеются серьезные разработки в области искусственного интеллекта. Однако они осознают необходимость партнерского сотрудничества для лучшего понимания используемых технологий и их значения для развития общества (Коммерсантъ, 2016. 29 сентября).

не только собственно производственными связями, но и необходимостью постоянно обмениваться явными и неявными знаниями, принимать согласованные решения, подстраивать локальные интересы под общие цели. Интерактивные формы сотрудничества в подобной сетевой кооперации получили название «коллаборация» (collaboration) (Gloor, 2006). Таким образом, сетевой уклад и коллаборация стали для автора рассматриваемой книги главными аспектами при анализе институциональной среды инновационной экономики и общества (Смординская, 2015. Гл. I–II).

Сетевые взаимодействия и феномен коллаборации

Если в развитой индустриальной экономике инновационные процессы (обновление) сосредоточивались в рамках отдельных компаний, обеспечивая им важные конкурентные преимущества, то в современном мире инновации не только изменились сами, превратившись в непрерывный обновленческий поток (continual innovation), но и потребовали адекватных изменений в организации компаний и их рыночных взаимодействий. Возникла новая институциональная среда (Смординская, 2015. С. 56). Коллаборация как общий принцип такого взаимодействия выходит за рамки производственной кооперации и обеспечивает постоянное формальное и неформальное взаимодействие субъектов рынка в соответствии с совместно вырабатываемыми и соблюдаемыми всеми правилами. Коллаборация как совместная деятельность в общих интересах и для решения общих задач означает добровольное сотрудничество юридически независимых участников (Thomson, Perry, 2006). Можно сказать иначе. Коллаборация — это особая среда деловых коммуникаций, включающая взаимодействие как внутри производственного сектора (межфирменные сети), так и между реальным сектором и другими институциональными пространствами (межорганизационные сети). Коллаборация и сетевой уклад, таким образом, взаимозависимые и взаимоопределяющие, как форма и содержание.

Пространства коллаборации различны. Помимо известных сетей производителей, потребителей и посредников, Смородинская рассматривает то, что специфично для постиндустриальной инновационной экономики, а именно коллаборацию государства, науки и бизнеса (так называемая тройная спираль, см. ниже) и инновационные кластеры. Известные еще со времен плановой экономики, но неизменно терявшиеся в хозяйственной практике «связи науки с производством» активизировались с помощью различных организационных форм. В ситуации, когда производство и наука составляли самостоятельные институциональные секторы, даже настойчивые инициативы государства не могли обеспечить их постоянное взаимодействие. Такие взаимодействия стали возможны в постиндустриальной экономике, когда сформировались соответствующие предпосылки. Во-первых, они возникли в производственном укладе: генерация знаний и инноваций уже не выступает исключительной функцией науки, а создание материальных и прочих благ — исключительной функцией бизнеса. Важно, что контроль над экономическим ростом и развитием перестал быть исключительной функцией государства (Смородинская, 2015. С. 62)¹¹⁷. Во-вторых, поддержание сетевых взаимодействий как постоянного интерактивного диалога и согласований между партнерами, т. е. коллаборации, обеспечивается с помощью беспрепятственных широких ИТ-коммуникаций.

В последнее десятилетие активизировалось теоретическое осмысление коллаборации государства, науки и бизнеса в разных формах. В зарубежной литературе продвигается теория так называемой модели тройной спирали (Triple Helix) (Etzkowicz, 2008; Leydesdorff, 2012; Дежина, Киселева, 2008). Партнерские взаимодействия ведущих институциональных секторов не просто способствуют скорейшему освоению новых технологий, но и, что гораздо важнее, создают и поддерживают механизмы

117. Здесь речь не идет об «уходе государства из экономики». Напротив, новая конфигурация функций государства ведет к его укреплению, но уже в новом качестве и в новом формате.

саморазвития инновационной природы постиндустриальной экономики. В своей работе автор старается вычленить системные свойства институциональной коллаборации, новую логику институциональных взаимодействий.

Такие взаимодействия, в отличие от индустриального этапа развития, включают коллаборацию государства, науки и бизнеса как в национальном (по всем отраслевым производственным секторам, а также по регионам), так и в наднациональном масштабе, в результате сетевой уклад пронизывает все экономические пространства на макро- и микроуровне. Далее, инновационная деловая среда расширяется и углубляется не только и не столько за счет собственно технологических новшеств, которые можно успешно заимствовать, а благодаря расширению масштаба и повышению качества коммуникаций. Они позволяют совершать переходы между технологическими траекториями и быстро менять вектор и уровень развития (более детально такие структурные реформы рассмотрены в главе IV). Наконец, проясняется роль сетевой модели государственно-частного партнерства (*public-private partnership*). В индустриальной экономике такое партнерство было в основном формой целенаправленной концентрации ресурсов. В инновационной экономике акцент смещается на самоорганизацию и саморазвитие, коллаборацию без направляющей роли иерархического центра управления. Это сетевая партнерская среда, опирающаяся на механизмы координации совместного поиска эффективных инновационных решений. Тут следует вспомнить о зондирующих (пробных) бифуркациях И. Пригожина, о поиске «предпочтений системы» в процессе увеличения инновационного потенциала (Пригожин, Стенгерс, 1986).

Возникновение кластерных сетей

Столь популярные сейчас инновационные кластеры имеют разнообразное теоретическое и методологическое толкование (Шаститко, 2009). Кластерная идея заняла особое место в теории сетевых отношений и сетевых структур

и хорошо укладывается в авторскую систему анализа инновационной экономики. Эта идея поддерживает один из главных аспектов сетевого уклада — институциональное переплетение отношений конкуренции и сотрудничества между рыночными субъектами. Отметим, что за последние два десятилетия она быстро эволюционировала от первоначальной трактовки М. Портера (особая организация взаимосвязанных компаний различных отраслей, направленная на повышение региональной конкурентоспособности) (*Porter, 1990*) до широко признаваемой формы организации, отвечающей инновационным требованиям постиндустриального развития. В результате сформировалось самостоятельное теоретическое понятие инновационного кластера (*innovation cluster*) (*Hamdouch, 2007; Eriksson, 2010*). Причем кластерная идея интегрировала в сетевые структуры не только участников рынка, но и государство. Появилась уникальная возможность объединить кластерные инициативы снизу с экономической политикой и программами государства (*Смородинская, 2015. С. 74; Гл. IV*). Анализ коллаборации в формате тройной спирали хорошо раскрывает сетевые эффекты кластеров (*Смородинская, 2015. С. 77–79; Шаститко, 2009*).

Гибкое институциональное сочетание кооперации и конкуренции в кластерах создает и поддерживает особый формат связей. В отличие от иерархических форм координации или закрепленных контрактами стабильных (жестких) рыночных взаимодействий, с помощью ИТ-коммуникаций можно осуществлять повседневное межличностное взаимодействие для организации и поддержания межфирменной координации, которая со временем может привести к формированию межфирменных цепочек создания стоимости, к взаимному пониманию «на равных». Складываются разнообразные конкретные механизмы коллаборации, возникает особая среда взаимосвязей участников кластера, основанная на доверии и открытом свободном общении. Сетевые кластерные отношения не только облегчают доступ к необходимым активам и технологиям, но и, что очень важно, обеспечивают перелив

знаний между участниками, т. е. создают основу для постоянных улучшений и усовершенствований. Это касается как производственных (продукты и процессы), так и непроизводственных (совершенствование бизнес-моделей) инноваций, которые быстро распространяются по всему кластеру (Смординская, 2015. С. 100). Иными словами, возникает возможность без нарушения организационно-правовых форм участников гибко перегруппировывать ресурсы в любых комбинациях и по согласованию интересов. Неслучайно уникальные взаимные выгоды в кластерах в зарубежной литературе объясняются прежде всего преимуществами совместного производства и специализации (co-production; co-specialisation) (Смординская, 2015. С. 101).

Для автора экономические преимущества кластеров заключаются, помимо прочего, в их природе как части сетевого уклада, обеспечивающего уникальные эффекты за счет факторов доверия, взаимной поддержки и взаимодополняемости. Но очевидный интерес представляют признаки самоорганизации, в результате возникают рыночные субъекты нового качественного уровня, который обеспечивается, прямо по Г. Хакену, за счет согласованного взаимодействия элементов, составляющих новое образование.

Таким образом, кластеры выступают своего рода материализацией идеи коллаборации и формирующегося сетевого уклада. Главная их особенность, как представляется, зарождение коллективного коллаборативного самоуправления (collaborative governance). Далее, в них получают развитие известные еще с индустриальных времен отношенческие контракты. Предусматриваемые ими неформальные договоренности становятся основной формой взаимоотношений и взаимозависимостей в кластерах. Соображения выгоды, конечно, не исчезают, но на первый план выдвигаются совместное, общее видение стратегии развития, практические задачи, решение которых согласовывается и координируется на основе взаимного доверия, понимания общности интересов и необходимости согласованных действий. При таком уровне

взаимоотношений естественной и необходимой представляется открытость кластерных проектов для свободного присоединения новых участников. Этому настоятельно требуют инновационная природа кластеров, их нацеленность на сетевые эффекты (Смординская, 2015. С. 118–120).

Новая роль государства

Опыт зрелых кластеров, наиболее полно воплощающих коллаборативные принципы тройной спирали, свидетельствует об изменении положения государственного участника инновационного альянса. Власть постепенно начинает играть по правилам отношенческого контракта и выступает в роли значимого, но равноправного звена кластерного проекта, наравне с другими его участниками (Смординская, 2015. С. 120).

Эволюция роли государства в инновационной экономике становится более понятной при рассмотрении влияния и прямого воздействия кластерно-сетевого уклада на промышленную политику¹¹⁸. Основные теоретико-методологические и практические подходы к ней базируются на анализе модельных вариантов соотношения роли государства как регулятора, с одной стороны, и роли бизнеса как носителя развития и роста – с другой (Смординская, 2015. С. 139–144).

Теория промышленной политики получила мощный импульс благодаря удачному японскому опыту середины XX в. Тогда в ряде стран практиковалась система партнерских согласований и взаимодействий властей с частным сектором. Все субъекты рынка для власти были равны, а ее задачей было направить их деятельность в нужное русло. Национальная политика реализовывалась в консенсусной институциональной среде. Характерно, что эта красивая модель (в литературе ее называют классической) оказалась не очень устойчивой. В условиях привычных управленческих стереотипов власти стало трудно ослаблять контроль и укреплять партнерство

118. В зарубежной теоретической литературе проблемы организации и промышленной политики понимаются шире, чем в российской, и опираются на анализ источников рыночной власти и принципов регулирования.

с бизнесом. Она довольно быстро перешла на традиционный путь селективного отбора и протекционизма: появились «национальные чемпионы», отрасли-«локомотивы» и прочие субъекты привилегированных заказов и избирательных льгот. И в самой Японии, и в других странах неминуемая монополизация рынков и селективная поддержка избранных немедленно обернулись «провалами» государства с неоправданными бюджетными тратами. Это относится и к знаменитым южнокорейским «чеболям», и к успешным «азиатским тиграм».

Мягкая, но неизбежная коррекция не заставила себя ждать. В 1990-е годы на смену идее невмешательства в функционирование рынка постепенно пришла логика создания рамочных условий более эффективного рыночного распределения ресурсов, причем для всей экономики, исключая селективные предпочтения. Выживать в новой институциональной среде должны были сильнейшие. Эта модель и была взята на вооружение большинством постсоциалистических стран, в том числе Россией. Расхожее утверждение тех лет: лучшая промышленная политика – это ее отсутствие. Последствия практической реализации этой идеи в большинстве стран мы наблюдаем и по сей день. Между тем нужны были некие внятные ориентиры, которые могли бы привести в модель динамичность¹¹⁹.

Практически на наших глазах формируется модель промышленной политики, которой предстоит играть важную роль в инновационной постиндустриальной экономике. В научной литературе она получила определение системной (systematic industrial policy) (Смородинская, 2015. С. 143). В инновационной экономике любой институциональный

119. Характерно, что статичная макроэкономическая ориентация преимущественно на эффекты снижения затрат (не в последнюю очередь под влиянием требований Вашингтонского консенсуса) частично компенсировалась теоретической активизацией на микроуровне, сдвигами в трактовке природы фирмы, форм рыночной координации. Широкое признание получили концепция динамических способностей, ресурсный подход, подход, основанный на знаниях, так называемые предпринимательские теории фирмы (Тамбовцев, 2010).

«провал», рынка или государства, обязательно становится общим. В свою очередь, любое реформирование модели соотношения роли государства и бизнеса также должно быть системным. Государственное вмешательство вынужденно становится мягким и целевым, направленным на создание институциональной среды партнерских взаимодействий как внутри кластерных сетей, так и между ними. В такой среде коллаборация государства, науки и бизнеса создаст «критическую массу» эффективных рыночных агентов, главным образом инновационных кластеров, которые смогут обеспечивать постоянный самоподдерживающийся экономический рост (Смородинская, 2011; Warwick, Nolan, 2014). У государства появляется особая роль (пока еще не функция) – содействовать науке и бизнесу в поиске сетевых партнеров и совместных проектных идей (кластерных инициатив). Системную модель промышленной политики в той или иной модификации реализуют многие страны Северной Америки, Европы, Юго-Восточной Азии.

Изучение теоретической литературы и анализ деятельности наиболее продвинутых кластеров приводят к выводу о непрерывном улучшении общей среды экономических взаимодействий, иными словами, о создании сетевой организационной среды (Смородинская, 2015. С. 147–155). Основой устойчивого экономического роста при этом выступает институциональный режим, призванный направлять ресурсные потоки в сторону наиболее конкурентоспособных кластерных групп, а внутри самих кластеров – к наиболее эффективным и производительным компаниям. Производительность (автор опирается на теорию Портера) определяется качеством деловых взаимодействий. По Портеру, кластерно-сетевая среда позволяет сблизить понятия «рост производительности» и «инновативность», т. е. способность непрерывно генерировать и коммерциализировать новые технологии, продукты и услуги (Porter, Stern, 2001).

Кластерно-сетевая среда как организационная основа современной промышленной политики связывает устойчивый

экономический рост с постоянным развитием коллаборации, т. е. с вовлечением в единые сети коммуникации органов власти, компаний реального сектора, научных и образовательных организаций. Кластерные проекты с конфигурацией тройной спирали автор считает наиболее удобным механизмом перехода экономики к инновационному росту (Смординская, 2015. С. 161). В мировой практике есть уже немало успешных примеров кластерного подхода к модернизации промышленности (Смординская, 2015. Гл. IV, п. 4; гл. V).

Теория исходит из того, что одной из основ формирования кластеров выступает создание производственных агломераций, имеющих устойчивую тенденцию к совместному размещению, межотраслевой характер и согласованную по целям и интересам стратегию развития. При этом подобные кластерные группы не должны создаваться «сверху», по воле властей. Прообразы кластеров должны быть протестированы самим рынком, возникать на основе добровольной кооперации игроков и опираться на внутренние стимулы к саморазвитию. Задача государства заключается в устранении барьеров, препятствующих зарождению и развитию новых кластерных инициатив (Смординская, 2015. С. 162–163)¹²⁰.

Зарубежный опыт и российские реалии

Автору монографии удалось собрать и проанализировать огромный материал об опыте формирования сетевой инновационной среды в странах Северной Европы (балтийские, Скандинавские страны, северные регионы Германии и Польши, другие географически близкие страны). Один из главных выводов, к которому приводит, например, исследование скандинавского опыта: более высокие темпы экономического роста достигаются за счет поддержания и поощрения непрерывного сетеобразования, взаимодействия возникающих сетей и кластеров и укрепления потенциала иннова-

120. «Золотые правила» кластерной политики, сформулированные Портером, стали общепринятыми стандартами в инновационной экономике именно благодаря синергетическим сетевым эффектам (Смординская, 2015. С. 163; Porter, Ketels, 2009).

ционной коллаборации (Смординская, 2015. С. 198–199, 212). Успешный опыт развития и глобальной конкурентоспособности Балтийского макрорегиона послужил хорошей основой для возникновения контуров новой сетевой модели кооперации и многоуровневого партнерства, которой могли бы следовать и другие европейские страны (Смординская, 2015. С. 216–217).

Возникает вопрос, как эти продуктивные идеи впишутся в российскую реальность. Как современные мировые тренды, скорее всего уже необратимые, можно учитывать и реализовывать в декларируемой политике модернизации, при формировании обновленной институциональной среды, в системе государственного управления? В заключительной главе автор пытается дать ответы хотя бы на часть возникающих вопросов (Смординская, 2015. Гл. VI). Но, к сожалению, эти ответы — скорее пессимистичное признание либо очевидного отставания России от мировой траектории, либо существенного расхождения с ней. Если кратко, то эндогенной способности к саморазвитию и самоорганизации путем непрерывного информационного обмена и коллаборативного генерирования инноваций Россия все больше противопоставляет склонность к иерархической субординации, рост взаимного недоверия, информационную закрытость, сжатие конкурентного пространства и усиление монополизма.

По сравнению с мировыми трендами «противоходов» в России много. Один из главных — снижение возможности развивать горизонтальные связи и взаимодействие, в которых, собственно, и нет необходимости в условиях укрепления властной и управленческой вертикали, утраты даже тех небольших коммуникационных подвижек, которые успели сформироваться в 1990-е годы, и перехода к «ручному» режиму управления со стороны государства. Усиливается ползучее огосударствление экономики (напомним об участии в приватизации некоторых фактически государственных компаний). Это можно расценить как снижение возможности развивать горизонтальные связи по типу тройной спирали, сокращение

пространства коллаборации, утрату среды и инструментов саморегулирования и саморазвития (*Смородинская, 2015. С. 238–239*). На региональном уровне расхождение с мировыми трендами еще заметнее: вместо расширения управленческой самостоятельности, поощрения кластерных проектов регионы, с одной стороны, все больше подчиняются центру, а с другой – все сильнее разобщаются (*Смородинская, 2015. С. 241*). В России под улучшением институциональной среды понимается, как правило, совершенствование функционирования действующих и создание новых экономических и общественных институтов. Формирование и коммуникация специфических институциональных пространств государства, науки и бизнеса (тройные спирали) вообще не принимаются в расчет. К этому следует добавить высокую дифференциацию производственных секторов по уровню инновационного и технологического развития, а также социальную дифференциацию как результат дискриминации отдельных групп в плане доступа к выработке и реализации инновационной политики (*Смородинская, 2015. С. 247*).

Хотя в России в принципе есть понимание ситуации и прикладываются определенные усилия, направленные на модернизацию национальной инновационной системы, эффективное вовлечение в нее бизнеса и построение партнерских отношений с государством, но в реальности организация инновационной политики остается такой же архаичной, как и несколько десятилетий назад. Автор вынужден признать, что инновационная политика остается прерогативой подразделений нескольких ведомств и правительственных структур с небезвозмездным участием отдельных госкорпораций. Фрагментарность структуры такой системы с размытыми организационными контурами, примитивными обратными связями, отсутствием конкретной ответственности за выработку и реализацию решений, как показывает автор, противоречит и мировой практике, и интересам России. Можно сослаться и на оценки Индекса экономики знаний Всемирного банка, и на Глобальный индекс конкурентоспо-

способности Всемирного экономического форума (ВЭФ), свидетельствующие о том, что Россия не сумела использовать свои уникальные конкурентные преимущества: наличие богатых природных ресурсов, емкий внутренний рынок, в целом образованное население и, главное, высокий инновационный потенциал (Сморodinская, 2015. С. 248–252; Кетельс, 2014).

Отметим, что в России, например, роль кластеров для инновационного развития подчеркивается во всех правительственных документах по стратегии и росту экономики. Инновационные кластеры и у нас рассматриваются в качестве одного из ключевых механизмов пространственного регионального развития (См., например: (Поручение Председателя Правительства РФ... от 28.08.2012 г.)). Но, в отличие от других стран, в России новейшие понятия передовой инфраструктуры и форм организации производства подвергаются своего рода политизации, порой используются лишь как модный бренд. Само понимание передовых мировых практик в России нередко теряет первоначальное значение, подстраивается под специфические условия страны (Сморodinская, 2015. С. 261–264)¹²¹. В российской деловой среде доминируют монополизированные структуры, вертикальные иерархические связи и сопряженный с высокими рисками несовершенный правовой порядок защиты собственности.

Долгосрочный негативный тренд в российской экономике, с ухудшением всех макропоказателей, можно, конечно, назвать «новой нормальностью», можно частично списать его на эффект западных санкций и российских контрсанкций.

121. Приведем свежий пример. Популярное в зарубежной литературе и практике организации инновационной деятельности понятие «экосистема» описывает эволюцию характера взаимодействий экономических агентов, их инновационной активности и взаимоотношений с предпринимательской средой. Смысл появления и существования экосистемы диктуется снизу, определяется интересами и возможностями взаимодействующих экономических агентов. Экосистема — это сетевое сообщество. Как стало известно, Сбербанк России предполагает построить на базе своих ресурсов и инфраструктуры «национальную экосистему» по аналогии с крупнейшими мировыми компаниями в сфере интернет-коммерции. Трудно сказать, насколько близка будет такая система к сетевому сообществу по интересам, к сетевым эффектам коллаборации, но она определенно станет мощным средством подавления конкуренции, причем при поддержке властей (Коммерсантъ, 2016. 7 ноября).

Многие уважаемые эксперты считают, что в сложившейся ситуации может оказаться целесообразным мобилизационный сценарий развития. Автор последовательно отстаивает мысль о том, что перелом негативного тренда в любом случае будет зависеть от системной трансформации, опирающейся на структурные реформы (Смординская, 2015. С. 287–292). Контуры такой реформы уже очерчены мировым опытом, а он не имеет ничего общего с консервацией старых производств и старой структуры и представляет собой своего рода новую индустриализацию. Автор ссылается на разработки ВЭФ, связывающие улучшение перспектив реиндустриализации с отказом от переноса реального промышленного производства в развивающиеся страны, с возвращением в развитые страны инвестиций ведущих промышленных компаний и с соответствующим увеличением в структуре ВВП доли обрабатывающей промышленности.

Для России, помимо прочего, подобный вектор развития предполагает еще один параметр – развитие цепочек создания стоимости. Но наша страна пока включена в глобальные цепочки лишь по линии экспорта сырья и импорта инвестиционного оборудования. Промышленные производства нового поколения могут возникать и развиваться только на базе активизации вырастающих снизу, самоорганизующихся сетевых структур, прежде всего кластеров и кластерных сетей, способных стать узлами глобальных цепочек создания стоимости. Автор даже делает рискованное заключение о том, что «кто вошел в глобальные сети, периферией уже не является» (Смординская, 2015. С. 318). Россия по показателю развития таких цепочек в Глобальном индексе конкурентоспособности ВЭФ занимает лишь 96 место, что значительно хуже даже большинства развивающихся стран (Смординская, 2015. С. 291)¹²². По Индексу готовности к сетевому миру, еже-

122. Такая в целом адекватная оценка автором места России в глобальных цепочках создания стоимости не должна, однако, создавать совсем безнадежную картину. Проведенное ЕЦБ в 2016 г. исследование таких цепочек показало, что за счет роли России в поставках энергоносителей в мировой торговле она смогла войти в число ключевых стран. Сырьевой компонент

годно рассчитываемому с 2002 г., Россия в 2014 г. занимала 50 место в рейтинге из 148 стран (Бобылев и др., 2015). Пока вертикальные связи и иерархические структуры организации в российской экономике доминируют.

Контуры промышленной политики на ближайшие годы это лишь подтверждают (Федеральный закон... от 31.12.2014 г.). Автор указывает, что и в будущем предполагается разрабатывать промышленную политику исключительно сверху, без диалога государства с бизнесом и научными организациями, и координировать ее цели и средства в формате властной вертикали, исключая самостоятельные горизонтальные взаимодействия. Инновационный прорыв представляется как дополнительное создание в промышленности высокотехнологичного сектора (обслуживающего преимущественно «оборонку»). Равный доступ к ресурсам в условиях монополизированной промышленности и ее иерархической организации, монополизированных рынков и ограниченных международных связей, отсутствия и прямого подавления конкуренции невозможно представить (Смородинская, 2015. С. 292–296).

* * *

Книга Смородинской — одна из немногих в нашей экономической науке, так последовательно и убежденно устремленная в будущее. Вместе с тем именно тут таится опасность невольного отрыва от действительности, причем не только российской. Да, несомненно, мир постепенно освобождается от засилья жестких вертикальных конструкций и иерархически управляемых корпораций. При этом сетевые формы встраиваются в пространство между институциональными средами иерархий и свободного рынка. И каждая из них решает свои задачи. Увлечение и даже переоценка роли сетевого уклада может привести к не совсем корректным выво-

и соответственно сырьевой экспорт обеспечивают нашей стране достаточно большую включенность в мировую экономику, несмотря на относительно невысокую и даже снижающуюся долю в мировом ВВП (Коммерсантъ, 2016. 7 июля).

дам. Так, вызывает сомнение тезис о неизбежной десуверенизации власти и размывании полномочий государства. В современном турбулентном мире у суверенных государственных и хозяйственных структур, наоборот, усиливается важная функция защиты, юридической и институциональной.

Далее, противопоставление сетевого уклада глобальной экономики традиционным для индустриального развития структурам, институтам и методам управления должно иметь разумные границы. Конечно, они будут меняться в экономике знаний, но в обозримом будущем компании, во всем своем разнообразии скорее всего останутся основной единицей наблюдения и анализа. Однако и в процессах согласования интересов, и при любых вариантах коллаборации должны учитываться и соблюдаться права собственности, а каждая форма взаимодействия и сотрудничества имеет свой юридический аспект. В России, во всяком случае, право собственности на любые активы остается первичным при любых организационных перестройках и взаимодействиях. Придется еще долго и мучительно выработать конкретные механизмы сотрудничества, обеспечивающие согласование интересов коллаборантов. Кстати, было бы интересно ознакомиться с практикой таких согласований в глобализированной экономике. Неслучайно автор отмечает отсутствие регулярной информации о развитии, например, внутреннего устройства кластеров и реальных механизмах стимулирования коллаборации (Сморodinская, 2015. С. 112). Без такой ясности невозможно понять тайну зарождения, развития и формирования сетевого уклада.

ПАМЯТИ
МАРИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ
ДЕРЯБИНОЙ

Воспоминания коллег

Труды Марины Александровны — «золотой фонд» Института

Марина Александровна Дерябина была одним из старейших сотрудников Института экономики Российской академии наук. Ее творческий путь позволил соединить научные школы двух академических институтов — Института экономики и ИЭМСС/ИМЭПИ. Глубокие научные изыскания М.А. Дерябиной в области теории организации, экономической синергетики, проблем государственно-частного партнерства и рыночной трансформации российской экономики безусловно вошли в «золотой фонд» научных исследований нашего Института. Об этом, в частности, свидетельствует то, что ее статья «Государственно-частное партнерство: теория и практика», опубликованная в 2008 г. в журнале «Вопросы экономики», цитировалась 467 раз! Марина Александровна была очень тонким, вдумчивым исследователем, добрым человеком и благожелательным критиком. Мне посчастливилось проработать вместе с ней, пусть и не очень продолжительное время, в центре Р.Н. Евстигнеева в ИМЭПИ РАН. Этот период и наше последующее научное общение сформировали мое глубокое уважение к Марине Александровне как к исследователю и человеку. Мне представляется важным, что Институт экономики выпускает сборник основных работ М.А. Дерябиной, который позволит вспомнить ее научное наследие, а тем, кто не знаком с ним, — получить представление о научных идеях одного из ведущих ученых, работавших в Институте.

*Директор Института экономики РАН,
член-корр. РАН, д.э.н. Михаил Юрьевич Головин*

Марина Александровна Дерябина — бесконечное трудолюбие и масса новых идей

Марина Александровна Дерябина безусловно была незаурядным талантливым исследователем, работы которой всегда отличались широтой и глубиной рассматриваемых проблем, фундированностью и теоретической обоснованностью. Ее по праву можно считать продолжателем идей таких знаковых ученых нашего Института, как Р.Н. Евстигнеев, основателя концепции экономической синергетики, и Б.З. Мильнер, исследования которого были посвящены разработке теории организации и управления. Ее статьи, выступления с научными докладами всегда вызывали большой интерес у коллег Института и у научного сообщества за его пределами.

Нельзя не отметить и ее человеческие качества — бесконечное трудолюбие, открытость и легкость в общении, доброжелательность, желание поделиться своими мыслями и знаниями с коллегами. Это делало общение с Мариной Александровной не только приятным, но и чрезвычайно полезным и значимым, поскольку всегда рождало массу новых идей, творческих подходов и размышлений как для исследований, так и в целом для оценки и восприятия непростого мира, в котором мы живем.

*Руководитель направления
Института экономики РАН, д.э.н.
Елена Борисовна Ленчук*

**Марина Александровна Дерябина —
бессменный редактор журнала
«Вестник Института экономики
Российской академии наук»**

Мы посвятили августовский номер журнала «Вестник Института экономики Российской академии наук» за 2021 г. Марине Александровне Дерябиной — главному научному сотруднику Института экономики РАН, члену редакционной коллегии нашего журнала, проработавшей в редколлегии «Вестника» с момента его создания в 2007 г., т. е. около 14 лет. Марине Александровне 30 августа 2021 г. исполнилось бы 83 года, но 2 августа ее не стало. Работу над 4-м номером мы начинали вместе с ней, а завершили уже без нее.

Марина Александровна пришла в Институт в 1968 г., когда он располагался еще на Волхонке. Институт, без преувеличения, стал ее вторым домом, а близкий круг коллег — второй семьей.

Я начала работать в редколлегии журнала в качестве главного редактора в начале 2014 г. До этого с Мариной Александровной я не была знакома лично. Прошло совсем немного времени, и я влилась в ряды тех, кто уважал Марину Александровну не только за широкую научную эрудицию, но и за замечательные человеческие качества — за дружелюбие, искренность и доброту. Она была из тех людей, кому можно было задать любой вопрос, посоветоваться по любой проблеме, что очень важно, когда ты хочешь работать единой командой. Однако это совсем не значит, что наши мнения всегда совпадали. Случались и споры, и длительные обсуж-

дения разных позиций по некоторым вопросам, но уважение, терпение и готовность помочь со стороны Марины Александровны заставляли забыть все разногласия. Я недавно смотрела нашу переписку с Мариной Александровной. Самая распространенная фраза в письмах от нее была следующего содержания: «Светлана, нет вопросов, сделаю, конечно...». И делала, да еще как!

Мы занимались общим делом и стремились повысить качество нашего журнала, поднять теоретический уровень публикуемых статей, чтобы соответствовать высокой планке, предъявляемой к научному журналу Российской академии наук. Марина Александровна очень добросовестно относилась к своему делу и старалась всегда постичь суть проблем, исследованием которых она занималась, а также тех проблем, с которыми ей приходилось сталкиваться по работе в редколлекции Вестника. Ее отзывы на исследования коллег всегда были в высшей степени профессиональны и одновременно доброжелательны.

С самых первых дней нашего сотрудничества она неоднократно говорила мне о том, что мы не должны забывать региональных авторов и молодежь — они наше настоящее и будущее. Марина Александровна первая из наших редакторов получила «официальное» признание со стороны авторов (что бывает нечасто — работа редактора незаметна и воспринимается как должное). Автор, со статьей которого работала Марина Александровна, попросила написать ссылку в своей статье следующего содержания: «Прошу выразить огромную благодарность редактору, который приложил так много сил, профессионализма и терпения, чтобы моя статья достигла такого уровня». Это о многом говорит!

Я уверена, что человек, который так прекрасно умел работать с чужими идеями, текстами разной направленности, сам был ученым с большой буквы, с широкой эрудицией и глубиной взглядов. Именно высокий уровень научного познания, опыт работы с людьми позволял быть отличным редактором на протяжении многих лет.

Марина Александровна, используя особенности синергетического подхода, занималась исследованием проблем эволюции сложных социально-экономических систем, теоретическими и методологическими проблемами их самоорганизации, этапами самоорганизации как последовательного чередования неравновесных состояний системы за счет эндогенного потенциала развития — потенциала социальной энергии развития. Ее последние работы были посвящены проблемам структурной устойчивости социально-экономических систем, соотношения иерархических и сетевых форм их организации в условиях кризисов и «новой нормальности». Это очень актуальные и востребованные вопросы сегодняшнего дня.

Марина Александровна не раз говорила нам: «ВРЕМЯ — самый ценный ресурс». Сама она всегда старалась быть в курсе всех новых направлений в экономической науке и отслеживала современные тенденции в ее развитии. Однако при этом она никогда не спешила с чрезмерно однозначными суждениями. Марина Александровна не только сумела внести свой заметный вклад в развитие теоретических исследований в современной экономической науке, но и преуспела в создании и сохранении атмосферы доброжелательности в коллективе, теплых дружеских отношений с коллегами, — это ей неизменно удавалось.

Марина Александровна так и не успела состариться. Она всегда сохраняла бодрость духа, оптимизм и женское обаяние. Светлым и добрым человеком Марина Александровна останется в нашей памяти. Я горжусь тем, что работала вместе с ней эти годы! И я уверена, что все члены редколлегии присоединятся к этим словам: мы стали единой командой, в том числе и благодаря Марине Александровне.

*Главный редактор журнала
«Вестник Института экономики РАН», д.э.н.
Светлана Вячеславовна Козлова*

Марина Дерябина — человек большой души

Все, кто знал Марину Александровну, всегда будут помнить ее как человека большой души, замечательной доброты и порядочности. Вот несколько мелких сюжетов в подтверждение.

Марина, как известно, не просто поздравляла близких ей людей с личными и общими праздниками, ее поздравления всегда сопровождались подарками. А поскольку друзей у нее было немало, то и надо понимать, сколько внимания и добросердечия всегда буквально расточал этот необыкновенно чуткий человек.

Марина не была, что называется, «воцерковленным» человеком, но она, несомненно, обладала христианским добродетельным нравом. Мало кому известны ее регулярные — минимум раз в год — поездки на Даниловское кладбище. Я всегда вместе с ней ездил, потому как из-за слабого зрения Марина неважно ориентировалась и, особенно в последние годы практически всегда нуждалась в сопровождении. На Даниловском когда-то была похоронена московская целительница и провидица Матрона. И до сих пор у ее могилы люди стоят в очереди, чтобы попросить ее о здоровье — своего и своих близких. Знаю точно, что Марина всегда молилась о выздоровлении самого близкого ей по совместной работе человека — Рубена Николаевича Евстигнеева. И ее молитвы действительно, можно считать, помогали.

Кстати, в поздний советский период Марина (как и я) занималась комбинатами центрального подчинения ГДР. К сожалению, у меня не сохранилось ее работ того времени. В определенном смысле она осталась в этой теме и позже, например в Сборнике «Концептуальные проблемы рыночной трансформации России» под редакцией Р.Н. Евстигнеева, 2009 г., ею был написан раздел «Крупный капитал как фактор структурной трансформации экономики России».

После посещения места захоронения Матроны мы обязательно навещали могилу Андрея Нестеренко, трагически погибшего в начале 1990-х. Андрей был очень перспективным ученым-экономистом, ко времени своей гибели он занимал пост заместителя директора Института экономики, его очень уважал и ценил директор Института академик Л.И. Абалкин. Мы с Мариной, вспоминая Андрея, говорили о том, насколько по-иному могли бы сложиться при Нестеренко, останься он в живых, все последующее развитие Института и сама его судьба.

В 2020 г. нам не пришлось побывать с Мариной на Даниловском. Не успели мы это сделать и в 2021-м...

*Ведущий научный сотрудник
Института экономики РАН, к.э.н.
Леонид Иванович Цедилин*

Марина Александровна — Душевная открытость. Жизнь. Свет...

Хотя прошло уже более полугода, но все еще жив во мне тот шок, который я испытала, открыв сайт Института и увидев сообщение о кончине Марины Александровны. Тем более неожиданной, что всего лишь за месяц до этого мы встретились на Общем собрании Института, где она была, как всегда, оживленная, энергичная, полная жизни. И как раз такой она была на фотографии, которая предваряла некролог, как бы отвергая для всех, знавших Марину Александровну, принять печальную весть. Ведь все, соприкасавшиеся с ней, не могли не ощущать исходящую от нее доброжелательность, подлинный интерес к работам коллег, к их удачам и озабоченностям, сложностям, выливающимся в стремление помочь советом, поддержать. Просто Марина Александровна — это одно из наиболее ярких олицетворений Света в нашем Институте. Рядом с ней вся институтская жизнь становилась более живой, возвышенной, осмысленной...

Эта душевная открытость как органическое свойство натуры Марины Александровны проявлялась и в ее научных контактах с коллегами. Она всегда крайне вдумчиво относилась к обсуждению их работ, будь то печатные тексты либо доклады на семинарах, конференциях, ученых советах. Видно было, с каким напряженным вниманием слушала она выступления коллег, читала их тексты, формулировала возникающие у нее вопросы в случаях, когда автор неточно выразился,

допустил логический сбой, не доработал заявленную тему. И ее вопросы либо в ходе общих обсуждений, либо в беседах tête-à-tête с коллегой всегда были направлены на достижение большей научной точности, уточнение позиций или даже давало импульс к дальнейшему развитию работы.

Не забуду, как уже более 10 лет назад после обсуждения моего доклада на семинаре по теоретической экономике Марина Александровна позвонила мне и убеждала, что многое, ощущаемое ею в докладе, осталось в силу ограниченности объема не высказанным. Она убеждала меня продолжить работу и сделать более объемный текст. По сути, этот разговор стал толчком к написанию мной монографии «Человеческий капитал в трансформирующейся России». Ее экземпляр я подарила Марине Александровне с надписью, что эта книга без нее не была бы написана.

В научных работах самой Марины Александровны всегда ощущалось стремление постичь самую суть исследуемой проблемы, выявить и показать глубокие теоретические основы рассматриваемых ею процессов. Не случайно, например, ее статья «Государственно-частное партнерство: теория и практика» 2008 г. до сих пор цитируется многими авторами.

Кроме того, в своей научной интуиции Марина Александровна чутко улавливала тренды, сулящие активное развитие в будущем. Не случайно в последние годы в центре ее внимания оказались проблемы взаимодействия иерархических и сетевых структур как важнейший фактор и формирования новой экономики, и изменений в экономической теории. Поэтому, думается, многим ее работам последних лет суждена долгая жизнь.

Эти качества Марины Александровны как ученого-экономиста, как мне представляется, во многом связаны с ее почти полувековой работой с таким выдающимся ученым, как Рубен Николаевич Евстигнеев. Здесь, наверное, нельзя не вспомнить и его. Ведь по своему первому образованию Марина Александровна – филолог. А в ситуации смены области деятельности важны не только личные качества, без кото-

рых ученых не может состояться, но и добрые руки наставника, особенно при первых шагах на новом пути.

Но и филологическая основа не исчезла у Марины Александровны. Это чувствуется и в ее научных текстах, и в тех изумительных по стилю частных посланиях, которыми она одаривала многих, включая и меня. Она даже говорила, что такой, письменный, вид поздравлений и т.п. ей близок. Тут она могла спокойно все обдумать и найти более точный (я бы добавила даже — художественный) способ выражения. То есть и в такой, казалось бы, локальной сфере проявлялась сущностное свойство Марины Александровны — все продумать до конца.

А так как Марина Александровна любила стихи, то хотелось бы завершить это краткое воспоминание о ней строками Даниила Андреева (с вдовой которого она была заочно знакома через Рубена Николаевича). В них, как мне кажется, чувствуется и духовный облик самой Марины Александровны.

Мне радостно обнять чеканкой строк,
Как влагу жизни — кубком мира,
Единство цели, множество дорог
В живом многообразии мира.
И я люблю — в передрагсветный миг
Чистейшую простую негу:
Поднять глаза от этих мудрых книг
К горящему звездами небу.

*Старший научный сотрудник
Института экономики РАН
Наталья Михайловна Плискевич*

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бак П. (2017). Как работает природа: теория самоорганизованной критичности. М.: URSS.
- Бауэр М. (2008). Курс на лидерство: Альтернатива иерархической системе управления компанией. М.: Альпина Бизнес Букс.
- Белоусенко М.В. (2006). Общая теория экономической организации: организационная эволюция индустриальной экономики: Донецк: ДонНТУ.
- Бобылев Г.В., Валиева О.В., Кравченко Н.А., Федоров А.А., Халимова С.Р. (2015). Россия в зеркале международных рейтингов. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН.
- Богданов А.А. (2019). Тектология: Всеобщая организационная наука / Научн. ред. Г.Д. Гловели. М.: ЛЕНАНД.
- Болтански Л., Кьяпелло Э. (2011). Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение.
- Бранский В. Общество как диссипативная система. <https://philosophica.ru/bransky/56.htm>.
- Бранский В.П., Пожарский С.Д. (2002). Социальная синергетика и акмеология. Теория самоорганизации индивидуума и социума в свете концепции синергетического историзма. СПб.: Политехника.
- Бхаскар Р. (1991). Общество и сферы смысла. Социо-Логос. Вып. 1. М.: Прогресс.
- Варнавский В.Г. (2005а). Партнерство государства и частного сектора: формы, проекты, риски. М.: Наука.
- Варнавский В.Г. (2005б). Концептуальные экономические и правовые основы концессионной деятельности // Айрекс – Полемика, №13.
- Ведомости. (2008). 14 апреля.
- Ведомости. (2008). 8 мая.
- Ведомости. (2008). 21 мая.
- Ведомости. (2008). 23 мая.
- Ведомости. (2015). 18 июня.
- Ведомости. (2018). 24 сентября.
- Ведомости. (2020). 21 апреля.
- Ведомости. (2020). 22 апреля.
- Ведомости. (2020). 24 апреля.
- Ведомости. (2020). 30 июня.

- Ведомости. (2020). 24 июля.
- Ведомости. (2020). 29 сентября.
- Ведомости. (2020). 30 сентября.
- Ведомости. (2020). 8 октября.
- Волынский А.И.* (2017). Мезоуровень как объект исследования в экономической литературе современной России // Журнал институциональных исследований. Т. 9. №3. С. 36–49.
- Гарретт Б., Дюссож П.* (2002). Стратегические альянсы. М.: Инфра-М.
- Государство в меняющемся мире. Отчет ВБ о мировом развитии в 1997 г. (1997) / Агентство экономической информации. М.: ПРАЙМ-ТАСС.
- Государство и бизнес: институциональные аспекты. (2006). М.: ИМЭМО РАН.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* (2000). Экономическая социодинамика. М.: ИСЭПресс.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* (2008). Основания смешанной экономики. М.: ИЭ РАН.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* (2013). Индивидуум & Государство: экономическая дилемма. М.: Весь Мир.
- Гуц А.К.* (2019). Время. Машина времени. Параллельные вселенные. М.: URSS.
- Дежина И.Г., Киселева В.В.* (2008). Государство, наука и бизнес в инновационной системе России. М.: ИЭПП.
- Дерябина М.А.* (2011). Основы организации реального сектора экономики: институциональный анализ. М.: ИЭ РАН.
- Дерябина М.А.* (2018а). Экономика как система: поиск мезоуровня в рамках синергетической парадигмы // Вестник Института экономики РАН. №4. С. 9–18.
- Дерябина М.А.* (2018b). Методологические основания исследования мезоуровня экономики как сложной системы // Журнал институциональных исследований. Т. 10. №3. С. 30–39.
- Дерябина М.А.* (2018с). Самоорганизация: теоретические и методологические основания в оптике синергетической парадигмы // Общественные науки и современность. №6. С. 149–161.
- Дерябина М.А.* (2019). Горизонтальные и вертикальные структуры в экономике: эволюция теоретических оснований // Вестник Института экономики Российской академии наук. №5. С. 9–23.
- Дерябина М.А.* (2020). Иерархические и сетевые социально-экономические структуры с позиций общей теории организации // Вестник Института экономики Российской академии наук. №2. С. 60–70.

- Дракер П. (2010). Новое общество организаций // Управление знаниями. Хрестоматия. СПб: Высшая школа менеджмента.
- Евстигнеева А.П., Евстигнеев Р.Н. (2005). Экономический рост: либеральная альтернатива. М.: Наука.
- Евстигнеева А.П., Евстигнеев Р.Н. (2007). Экономическая синергетика. М.: ИЭ РАН.
- Евстигнеева А.П., Евстигнеев Р.Н. (2009). Экономическая трансформация как процесс становления рыночной макроэкономики // Концептуальные проблемы рыночной трансформации в России / Отв. ред. Р.Н. Евстигнеев. М.: Институт экономики РАН. С. 13–96.
- Евстигнеева А.П., Евстигнеев Р.Н. (2010). Экономика как синергетическая система. М.: ЛЕНАНД.
- Евстигнеева А.П., Евстигнеев Р.Н. (2011). Новые грани ментальности. Синергетический подход. М.: ЛЕНАНД.
- Евстигнеева А.П., Евстигнеев Р.Н. (2012). Экономика как синергетическая система. М.: ЛЕНАНД.
- Евстигнеева А.П., Евстигнеев Р.Н. (2016а). Современная экономика: новый концептуальный вызов // Общественные науки и современность. №3. С. 112–121.
- Евстигнеева А.П., Евстигнеев Р.Н. (2016б). Стратегия экономического развития России: Теоретический аспект. М.: ЛЕНАНД.
- Железова Е., Измалков С, Сонин К., Хованская И. (2013). Теория и практики двусторонних рынков (Нобелевская премия по экономике 2012 года) // Вопросы экономики. №1. С. 4–26.
- Занг В.-Б. (1999). Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории. М.: Мир.
- Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями (2009) / Отв. ред. Б.З. Мильнер. М.: ИНФРА-М.
- Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория (2005) / Отв. ред. А.А. Аузан. М.: ИНФРА-М.
- Кант И. (1966). Критика способности суждения. М.: Мысль.
- Капелюшников Р. (2012). Спрос и предложение высококвалифицированной рабочей силы в России: кто бежал быстрее? // Вопросы экономики. №2. С. 52–66; №3. С. 120–147.
- Капелюшников Р. (2013). Поведенческая экономика и «новый» патернализм // Вопросы экономики. №9. С. 66–90; №10. С. 28–46.
- Кастельс М. (2000). Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ.
- Кастельс М. (2016). Власть коммуникации. М.: Изд. дом ВШЭ.

- Катуков Д.Д., Малыгин В.Е., Смородинская Н.В.* (2012). Институциональная среда глобализированной экономики: развитие сетевых взаимодействий / Научный доклад. М.: ИЭ РАН.
- Кетельс К.* (2014). Глобальная кластерная политика: текущая деятельность, уроки недавней истории и значение для России. VIII Самарский межрегиональный экономический форум, 11–12 сентября.
- Кирдина-Чэндлер С.Г.* (2017а). Эволюция социально-экономических систем на мезоуровне: пределы многообразия // Очерки по экономической синергетике. М.: ИЭ РАН. С. 47–67.
- Кирдина-Чэндлер С.Г.* (2017б). Мезоуровень: новый взгляд на экономику? Научный доклад. М.: Институт экономики РАН.
- Кирдина-Чэндлер С.Г., Маевский В.И.* (2017). Методологические вопросы анализа мезоуровня в экономике // Журнал институциональных исследований. Т. 9. №3. С. 8–23.
- Клейнер Г.Б.* (ред.) (2001). Мезоэкономика переходного периода: Рынки, отрасли, предприятия. М.: Наука.
- Клейнер Г.Б.* (2003). Мезоэкономические проблемы российской экономики // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Т. 1. №2. С. 11–18.
- Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* (2018). Основания синергетики: Синергетическое мировидение. М.: Книжный дом «Либроком».
- Колесник Г.В.* (2015). Моделирование конкуренции в иерархических социально-экономических системах. М.: ЛЕНАНД.
- Коммерсантъ. (2016). 7 июля.
- Коммерсантъ. (2016). 29 сентября.
- Коммерсантъ. (2016). 7 ноября.
- Коммерсантъ. (2020). 15 мая.
- Коммерсантъ. (2020). 30 июня.
- Коммерсантъ. (2020). 2 июля.
- Кондратьев В.Б.* (2018). Глобальные цепочки стоимости, индустрия 4.0 и промышленная политика // Журнал Новой экономической ассоциации. №3 (39). С. 170–177.
- Кропоткин П.А.* (2007). Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование.
- Линдблом Ч.* (2010). Рыночная система: что это такое, как она работает и что с ней делать. М.: ГУ ВШЭ.
- Маевский В.И.* (2010). Воспроизводство основного капитала и экономическая теория // Вопросы экономики. №3. С. 10–18.

- Маевский В.И., Малков С.Ю. (2011) Переключающийся режим воспроизводства. М.: Институт экономики РАН.
- Маевский В.И., Малков С.Ю. (2013). Новый взгляд на теорию воспроизводства. М.: ИНФРА-М.
- Маевский В.И. (2018). Мезоуровень и иерархическая структура экономики // Журнал институциональных исследований. Т. 10. №3. С. 18–29.
- Майклтуэйт Д., Вулдридж А. (2010). Компания: краткая история революционной идеи. М.: Хорошая книга.
- Макаров В.А. (1997). О применении метода эволюционной экономики // Вопросы экономики. №3. С. 18–26.
- Макклоски Д. (2015). Риторика экономической науки. М., СПб.: Издательство Института Гайдара.
- Мезоэкономика переходного периода: Рынки, отрасли, предприятия (2001) / Под ред. Г.Б. Клейнера. М.: Наука.
- Мезоэкономика развития (2011) / Под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. М.: Наука, 2011.
- Мизес Л. фон. (1999). Индивид, рынок и правовое государство. Антология. СПб.: Пневма.
- Мильнер Б.З. (2012). Теория организации: Учебник. М.: ИНФРА-М.
- Мильнер Б.З., Орлова Т.М. (2013). Организация создания инноваций: горизонтальные связи и управление. М. ИНФРА-М.
- Николис Г., Пригожин И. (1979). Самоорганизация в неравновесных системах. М.: Мир.
- Николис Г., Пригожин И. (2017). Познание сложного. Введение. М.: ЛЕНАНД.
- Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала». В оригинале: *North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge University Press, 1990.*
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Олескин А.В. (2015). Сетевые структуры в биосистемах и человеческом обществе. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- Олескин А.В. (2016). Сетевое общество: Необходимость и возможные стратегии построения. Сетевая (ретикулярная) социально-экономическая формация: квазисоциалистические принципы и меритократия. М.: ЛЕНАНД.

- Ольсевич Ю.Я. (2013). Современный кризис «мейнстрима» в оценках его представителей (предварительный анализ). М.: ИЭ РАН.
- Ореховский П.А. (2016). Концепт «фирмы» в свете «нового духа капитализма»: Л. Болтански и Э. Кьяпелло: сети и новые классы // *Общественные науки и современность*. №4. С. 21–35.
- Пилясов А.Н. (2011). Новая экономическая география (НЭГ) и ее потенциал для изучения размещения производительных сил России // *Региональные исследования*. №1 (31). С. 3–31.
- Плискевич Н.М. (2016). “Path dependence” и проблемы модернизации мобилизационного типа // *Мир России*. №2. С. 123–143.
- Полтерович В.М. (2007). Элементы теории реформ. М.: Экономика.
- Полтерович В.М. (2015). От социального либерализма к философии сотрудничества // *Общественные науки и современность*. №4. С. 41–64.
- Полтерович В.М. (2016). Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции // *Вопросы экономики*. №11. С. 5–23.
- Полтерович В.М. (2018). К общей теории социально-экономического развития. Часть 2. Эволюция механизмов координации // *Вопросы экономики*. №12. С. 77–102.
- Поручение Председателя Правительства РФ от 28.08.2012 г. №ДМ-П8-5060.
- Пригожин И., Стенгерс И. (1986). Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс.
- Пригожин И., Стенгерс И. (2014а). Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Editorial URSS.
- Пригожин И., Стенгерс И. (2014б). Время. Хаос. Квант: К решению парадокса времени. М.: Editorial URSS.
- Природа фирмы (2001) / Под ред. О.И. Уильямсона и С.Дж. Уинтера. М.: Дело. В оригинале: *The Nature of the Firm. Origins, Evolution and Development*. Edited by O.E. Williamson and S.G. Winter. New York Oxford. OXFORD UNIVERSITY PRESS, 1993.
- Расков Д.Е. (2015). Пересекая границы: Макклоски и гуманистический взгляд на экономическую науку (О книге Д. Макклоски «Риторика экономической науки») // *Вопросы экономики*. №4. С. 142–151.
- РБК daily. (2007). 20 декабря.
- РБК+. (2020). 19 июня. Вып. №2.
- Рубинштейн А. (2006). «Группы и их интересы» : приглашение к дискуссии // *Вопросы экономики*. №11. С. 79–94.
- Рубинштейн А.Я. (2007). «Общественные интересы и теория публичных благ» // *Вопросы экономики*. №10. С. 90–113.

- Рубинштейн А.Я. (2008). Экономика общественных предпочтений. Структура и эволюция социального интереса. СПб.: Алетейя.
- Рубинштейн А.Я. (2009). К теории рынков «опекаемых благ» // Общественные науки и современность. №1, 2.
- Рубинштейн А.Я. (2012). Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии // Общественные науки и современность. №6. С. 13–34.
- Рубинштейн А.Я. (2016). Социальный либерализм и консоциативный патернализм // Общественные науки и современность. №2. С. 5–38.
- Саати Т.Д. (2019). Принятие решений при зависимостях и обратных связях: Аналитические сети. М: ЛЕНАНД.
- Селигмен Б. (1968). Основные течения современной экономической мысли. М: Прогресс.
- Смородинская Н.В. (2011). Тройная спираль как новая матрица экономических систем // Инновации. 2011. №4. С. 66–78.
- Смородинская Н.В. (2012). Смена парадигмы мирового развития и становление сетевой экономики // Экономическая социология. №4. С. 95–115.
- Смородинская Н.В. (2015). Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу. М: ИЭ РАН.
- Смородинская Н., Катухов Д. (2017). Распределенное производство и «умная» повестка национальных экономических стратегий // Экономическая политика. Т. 12. №6. С. 72–101.
- Сосна С.А. (1996). О концепции общественного достояния // Государство и право. №2; Государство и бизнес: институциональные аспекты.
- Сосна С.А. Концессионное соглашение — новый вид договора в российском праве // Журнал российского права. <https://www.lawmix.ru/cont/4252>.
- Тамбовцев В.А. (2010). Стратегическая теория фирмы: состояние и возможное развитие // Российский журнал менеджмента. Т. 8. №1. С. 5–40.
- Тиrole Ж. (1996). Рынки и рыночная власть. Теория организации промышленности. СПб.: Экономическая школа.
- Тис Д.Дж., Пизано Г., Шуен А. (2003). Динамические способности фирмы и стратегическое управление. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия «менеджмент». №4. С. 133–185.
- Торстейн Веблен. (2007). Теория делового предприятия. М.: Дело, 1932. В оригинале: *Thorstein Veblen. The Theory of Business Enterprise.* New York, Ch. Scribners sons.

- Уильямсон О.И. (1985). Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб.: Лениздат, 1996. В оригинале: Williamson Oliver E. The Economic Institutions of Capitalism. Firms, Markets, Relational Contracting. The Free Press. A Division of Macmillan, Inc. New York.
- Уильямсон О.И. (1996). Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб.: Лениздат.
- Уоллес Р.А. (2005). Стратегические альянсы в бизнесе. Технологии построения долгосрочных партнерских отношений и создания совместных предприятий. М.: Хорошая книга.
- Федеральный закон от 31.12.2014 г. №488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации».
- Фролов Д.П. (2020). Постинституционализм: за пределами институционального мейнстрима // Вопросы экономики. №5. С. 107–140.
- Хайек Ф.А. (2011). Индивидуализм и экономический порядок. М.: Интермедиа.
- Хайдеггер М. (1993). Время и бытие. М.: Республика.
- Хайдеггер М. (1997). Бытие и время. М.: Ad Marginem.
- Хакен Г. (1980). Синергетика. М.: Мир.
- Хакен Г. (1985). Синергетика: иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М.: Мир.
- Хакен Г. (2009). Самоорганизующееся общество // В кн. Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция.
- Хакен Г. (2014). Информация и самоорганизация: макроскопический подход к сложным системам. М.: URSS; ЛЕНАНД.
- Хакен Г. (2015а). Синергетика: Принципы и основы. Перспективы и приложения. Часть 1: Принципы и основы: Неравновесные фазовые переходы и самоорганизация в физике, химии и биологии. М.: URSS; Ленанд.
- Хакен Г. (2015б). Синергетика: Принципы и основы. Перспективы и приложения. Часть 2: Перспективы и приложения: Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М.: URSS; Ленанд.
- Хищенко В.Е. (2014). Самоорганизация: элементы теории и социальные приложения. М.: Книжный дом «Либроком».
- Ходжсон Дж. (2008). Институты и индивиды: взаимодействие и эволюция // Вопросы экономики. №8. С. 45–60.
- Частно-государственное партнерство: состояние и перспективы развития в России: Аналитический доклад. (2006). М.: Институт экономики РАН, Национальный инвестиционный совет.

- Чернавский Д.С. (2017). Синергетика и информация: Динамическая теория информации. М.: ЛЕНАНД.
- Шарингер Л. (2004). Новая модель инвестиционного партнерства государства и частного сектора // Мир перемен. №2. С. 8–22.
- Шаститко А.Е. (1996). Теоретические вопросы неинституционализма. // Введение в институциональный анализ / Под ред. В.Л. Тамбовцева. М.: ТЕИС.
- Шаститко А. (2009). Кластеры как форма пространственной организации экономической деятельности: теория вопроса и эмпирические наблюдения // Балтийский регион. Т. 2. №2. С. 9–32.
- Andersson T., Hansson E., Schwaag-Serger S., Sorvik J. (2004). The Cluster Policies Whitebook. Malmö: IKED.
- Alchian A., Demsetz H. (1972). Production, Information Costs and Economic Organization // American Economic Review. Vol. 62. No. 5. Pp. 777–795.
- Blank W., Kruger C., Møller K., Samuelsson B. (2006). A String of Competence Clusters in Life Sciences and Biotechnology. ScanBalt Competence Region Mapping Report.
- Brezis E., Krugman P., Tsiddon D. (1993). Leapfrogging in international competition: A theory of cycles in national technological leadership // American Economic Review. Vol. 83. No. 5. Pp. 1211–1219.
- Drucker P.F. (2001). The Next Society: a Survey of the Near Future // The Economist. Vol. 361. No. 8246. Pp. 3–20.
- Eriksen T.H. (2001). Tyranny of the Moment: Fast end Slow Time in the Information Age. L.: Pluto Press.
- Eriksson A. (2010). Cluster collaboration and glocalised value creation. In: A. Eriksson (ed.). The matrix – post cluster innovation policy. Stockholm: VINNOVA. Pp. 7–22.
- Etzkowitz H. (2008). The triple helix: University-industry-government innovation in action. London: Routledge.
- Gerrard M.B. (2001). What Are Public-Private Partnerships, and How Do They Differ from Privatizations? // Finance & Development. Vol. 38. No. 3.
- Giddens A. (1982). Profiles and Critiques in Social Theory. Basingstoke.
- Gloor P.A. (2006). Swarm creativity: Competitive advantage through collaborative innovation networks. New York: Oxford University Press.
- Gorodetskii V.I. (2012). Self-organization and multiagent systems: I. Models of multi-agent self-organization // Journal of Computer and Systems Sciences International. Vol. 51. No. 2. Pp. 256–281.

- Grossman S., Hart O. (1986). Costs and Benefits of Ownership: A Theory of Lateral and Vertical Integration // Journal of Political Economy. Vol. 94. Pp. 691–719.
- Hamdouch A. (2007). *Clusters and networks*. Paper presented at the 19th EAEPE Conference, Universidade do Porto, Portugal, November 1-3.
- Hasumi Y. (2007). Roles of International Organizations and the EU in Governing the Global Economy: Implications for Regional Cooperation in Asia. The Third EU-NESCA Workshop, Korea University. May.
- Hausman D.M. (2011). Mistakes about Preferences in the Social Sciences // Philosophy of the Social Sciences. No. 41 (published by «Sage»).
- Heidegger M. (1986). *Sein und Zeit*. 16 Auflage. Max Niemeyer Verlag Tübingen.
- Hodgson J.M. (2002). The legal nature of the firm and the myth of the firm-market hybrid // International Journal of the Economies of Business. Vol. 9. No. 1. Pp. 37–60.
- Huxham C. (2003). Theorizing Collaboration Practice // Public Managements Review. Vol. 5. Issue 3. Pp. 401–423.
- Krugman P. (1979). Increasing returns, monopolistic competition, and international trade // Journal of International Economics. Vol. 9. Pp. 469–479.
- Krugman P. (1987). The narrow moving band, the Dutch disease, and the competitive consequences of Mrs Thatcher // Journal of Development Economics. Vol. 27. Issue 1-2. Pp. 41–55.
- Krugman P. (1991). Increasing returns and economic geography // Journal of Political Economy. Vol. 99. No. 3. Pp. 483–499.
- Langlois R., Foss N. (2002). Capabilities and Governance: the Rebirth of Production in the Theory of Economic Organization. In: Langlois R., Yu T., Robertson P. (ed.). *Alternative Theories of the Firm*. An Elgar Reference Collection // The International Library of Critical Writings in Economics. Cheltenham. Vol. 1. Pp. 4–19.
- Lazonick W. (1991). *Business Organization and the Myth of the Market Economy*. Cambridge University Press, Cambridge, USA.
- Lazonick W. (2002a). The US Industrial Corporation and The Theory of the Growth of the Firm. In: C. Pitelis (ed.) *The Growth of the Firm: The Legacy of Edith Penrose*. Oxford University Press. Pp. 249–277.
- Lazonick W. (2002b). The Theory of Innovative Enterprise. In: *International Encyclopedia of Business and Management // Handbook of Economics*. (ed. Lazonick W.). London. Pp. 640–661.
- Leydesdorff L. (2012). The triple helix, quadruple helix, and an n-tuple of helices: Explanatory models for analyzing the knowledge-based

- economy // Journal of the Knowledge Economy. Vol. 3. No. 1. Pp. 25–35.
- Lubmann N.* (1984). Soziale Systeme. Grundriss einer allgemeinen Theorie. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Macneill I.R.* (1978). Contracts: Adjustments of Long-term Economic Relations under Classical, Neoclassical, and Relational Contract Law // Northwestern University Law Review. Vol. 72. No. 6. Pp. 854–905.
- Madhok A.* (2002). Reassessing the Fundamentals and Beyond: Ronald Coase, the Transaction Cost and Resource-Based Theories of the Firm and the Institutional Structure of Production // Strategic Management Journal. Vol. 23. Pp. 535–550.
- Menard C.* (2002). The Economics of Hybrid Organizations. – Presidential Address, International Society for New Institutional Economics. Cambridge (Mass.): MIT Press.
- Moss S.* (1984). The History of the Theory of the Firm from Marshall to Robinson and Chamberlin: The Source of Positivism in Economics // *Economica*. New Series. Vol. 51. No. 203. Pp. 307–318.
- Penrose E.* (1980). The Theory of the Growth of the Firm. New York. M.E. Sharpe.
- Porter M.E.* (1990). The competitive advantage of nations. New York: Free Press.
- Porter M.E.* (1998). On Competition. Boston: Harvard Business School Press.
- Porter M.E., Stern S.* (2001). Innovation: Location matters // MIT Sloan Management Review. Vol. 42. No. 4. Pp. 28–34.
- Porter M.E., Ketels C.H.M.* (2009). Clusters and industrial districts: Common roots, different perspectives. In: A handbook of industrial districts. Cheltenham: Edward Elgar.
- Public Private Partnerships: Financing a Common Wealth. (1985). Wash.
- Public Private Partnership: Ein Leitfaden für öffentliche Verwaltung und Unternehmer (Dokumentation) (2003) // Bundesministerium für Wirtschaft und Arbeit.
- Public Private Partnership International: Ein Unternehmerleitfaden für PPP-Engagements im Ausland (2004) / Bundesministerium für Wirtschaft und Arbeit.
- Richardson G.* (1972). The Organization of Industry // *Economic Journal*. Vol. 82. Pp. 883–896.
- Robertson P., Alton L.* (1992). Technological Choice and the Organization of Work in Capitalist Firms // *The Economic History Review*. Vol. 45. No. 2. Pp. 330–349.

- Robinson E.* (1958). *The Structure of Competitive Industry*. London: Nisbet & Co.
- Simon H.* (1991). *Organizations and Markets // The Journal of Economic Perspectives*. Vol. 5. No. 2. Pp. 25–44.
- Tapscott D., Williams A.* (2007). *Wikinomics: How Mass Collaboration Changes Everything*. New York: Penguin Group.
- Tirole J.* (1988). *The Theory of Industrial Organization*. Cambridge (Mass): MIT Press.
- Thomson A. M., Perry J. L.* (2006). *Collaboration processes: Inside the black box // Public Administration Review*. Vol. 66. No. si. Pp. 20–32.
- Warwick K., Nolan A.* (2014). *Evaluation of industrial policy: Methodological issues and policy lessons // OECD Science, Technology and Industry Policy Papers*. No. 16.
- Williamson O.* (1975). *Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications*. FreePress: NewYork.
- Williamson O.* (1983). *Technology and Organization of Work: A Replay to Jones // Journal of Economic Behavior and Organization*. Vol. 4. Pp. 57–62.
- Williamson O.* (1996). *The Mechanisms of Governance*. Oxford University Press.
-

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список избранных трудов М.А. Дерябиной

- Дерябина М.А.* Государственно-частное партнерство: теория и практика // Вопросы экономики. 2008. №8. С. 61–77.
- Дерябина М.А.* Горизонтальная экономика: контуры управления (о книге Б. Мильнера и Т. Орловой «Организация создания инноваций: горизонтальные связи и управление») // Вопросы экономики. 2013. №7. С. 154–160.
- Дерябина М.А.* Горизонтальные связи и сетевая координация в современной экономике // Общественные науки и современность. 2014. №1. С. 65–76.
- Дерябина М.А.* Критика чистого разума: размышления об одной амбициозной экономической теории // Вестник ИЭ РАН. 2015. №4. С. 7–16.
- Дерябина М.А.* Рыночная координация воспроизводственных взаимодействий // Общественные науки и современность. 2016. №6. С. 153–164.
- Дерябина М.А.* Анализ основных положений концепции экономической синергетики Л.П. и Р.Н. Евстигнеевых в контексте перехода к гуманитарной цивилизации / Гл. 7.1 в кн. «Очерки по экономической синергетике». М.: ИЭ РАН, 2017. С. 121–156.
- Дерябина М.А.* К новой организации жизни общества и экономики (о книге Н.В. Смородинской «Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу») // Вопросы экономики. 2017. №3. С. 146–158.
- Дерябина М.А.* Самоорганизация: теоретические и методологические основания в оптике синергетической парадигмы // Общественные науки и современность. 2018. №6. С. 149–161.
- Дерябина М.А.* Экономика как система: поиск мезоуровня в рамках синергетической парадигмы // Вестник ИЭ РАН. 2018. №4. С. 9–18.
- Дерябина М.А.* Методологические основания исследования мезоуровня экономики как сложной системы // Journal of Institutional Studies. 2018. №3. С. 30–39.
- Дерябина М.А.* Горизонтальные и вертикальные структуры в экономике: эволюция теоретических оснований // Вестник ИЭ РАН. 2019. №5. С. 9–23.

- Дерябина М.А.* Теоретические и методологические основания самоорганизации социально-экономических систем // Вопросы экономики. 2019. №7. С. 73–94.
- Дерябина М.А.* Иерархические и сетевые социально-экономические структуры с позиций общей теории организации // Вестник ИЭ РАН. 2020. №2. С. 40–70.
- Дерябина М.А.* Иерархическая и сетевая организация в условиях новой нормальности // Вестник ИЭ РАН. 2020. №5. С. 35–48.

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

www.inecon.ru

Научное издание

М.А. Дерябина

Экономическая организация и самоорганизация
Избранные труды

Дизайн серии – Валериус В.Е., Ахмеджанова В.А.

Редактор – Полякова А.В.

Компьютерная верстка – Хацко Н.А.

Подписано в печать 21.07.2022

Заказ № 29. Тираж 300 экз. Объем 14,6 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭРАН

ISBN 978-5-9940-0722-8

9 785994 007228